

Приложение к изданию
Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
МАДПР
«Детектив и политика»
ISSN 0235-6686
№ 1 июнь 1989

1р. 50к.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

11 декабря 1981 года в квартире № 243 дома 4/2 по Кутузовскому проспекту был обнаружен труп Зои Алексеевны Федоровой, заслуженной артистки РСФСР, лауреата Государственных премий.

По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть Зои Федоровой наступила моментально после выстрела в затылок из пистолета иностранной марки «Зауэр» калибра 7,65 мм. Замок в двери сломан не был, — значит, скорее всего, убийство было совершено человеком, хорошо знакомым З. Федоровой. Но кто он?

По делу об убийстве Зои Федоровой было опрошено более семисот свидетелей. Многие знакомые актрисы эмигрировали, — они, возможно, знают то, что может помочь следствию. Как никакое другое, это дело дает возможность утверждать, что в годы застоя чья-то неведомая, но могущественная воля часто мешала уголовному розыску искать преступников.

ТАЙНА КУТУЗОВСКОГО ПРОСПЕКТА

Зоя Федорова была замужем за известным советским кинооператором Раппопортом. Во время войны она познакомилась с сотрудником военно-морского атташата Посольства США в Москве капитаном, а впоследствии контр-адмиралом Джексон-ом Роджером Теймотом и родила от него дочь Викторию. (Позднее Виктория, став актрисой, вышла замуж за американца и уехала с ним в США). В 1945 году Джексон был выдворен за пределы СССР, а Зоя Федорова — арестована и брошена в застенки. После смерти Сталина освобождена и реабилитирована, вернулась в кинематограф. В 1978 году вышла на пенсию.

Об этих событиях — повесть «Тайна Кутузовского проспекта», которую мы начинаем публиковать в этом году.

- Начальник Уголовного розыска СССР ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН: ответы, сообщения, комментарии.
- Директор Федерального Бюро расследований УИЛЬЯМС СЕШЕНС специально для «Совершенно секретно»
- Очерк АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО о дуэли Николая ГУМИЛЕВА и Максимилиана ВОЛОШИНА

Поскольку наша полиграфия (если бы она одна!) являет собой технику пещерного века, я не успел внести в свои заметки новые соображения, связанные с проблемами, поднятыми на всесоюзном Уроке демократии — Съезде народных депутатов СССР.

Я начинаю с того, с чего начал в середине мая: мы приступаем к выпуску нашего Бюллетеня потому, что саботаж перестройки (подчас преступный) бюрократами, бандитизм, хулиганство, пьяное лодырничанье, наркомания, проституция, — приблизились к катастрофической отметке, дальше некуда!

Все громче слышны голоса тех, кто требует «сильной руки» и «железной дисциплины», как альтернативы плюрализму, гласности и демократии, — от них, мол, «все беды». Голоса эти принадлежат тем сановникам, которые держат в кабинетах сочинения нечитанного Ленина, а дома потаенно хранят сталинские цитатники. Сановники — в силу номенклатурного назначенчества, малой компетентности и исторической неграмотности — не понимают, что возврат к сталинизму означает их же гибель.

Наведение «железного порядка» в переводе на общедоступный русский язык означает: восстановление «троек», расстрелы — без суда и следствия (по доносу соседа-завистника, параноика или злобного недоброжелателя), право осуждения на восемь лет лагерей тех рабочих, кто допустил малейший брак; возвращение к пыткам в подвалах следственных тюрем, высылка на север семей арестованных, возрождение ГУЛАГа и «психушек», царство тайной полиции, кардинальное снижение заработка, — не более десяти зарплат в год, ибо две — как и раньше — отберут на принудительный заем «во имя дальнейшего расцвета страны победившего счастья», лишение паспортов всех, кто живет в деревне, словом, возврат к тоталитарному режиму, что, кстати, означает разрыв отношений (в первую очередь экономических) со всеми развитыми странами, — никто не будет иметь дел со сталинизмом, в какую бы тогу он ни рядился.

Однако, несмотря на опасность реставрации, пропаганда основ правового демократического государства («что же это такое на самом деле?», «неужели оно отличается ростом бандитизма и хулиганства?», «неужели оно бессильно навести порядок на улицах, очистив их от преступного элемента?») до сих пор не стала главенствующей темой печати и телевизионных передач.

А мы обязаны доказать фактами, цифрами и беспристрастным исследованием истории, что только правовое государство, которое по сути своей отрицает своевластные, бесконтрольные шарашанья («отменить водку» — «разрешить водку»; «сажать за «нетрудовые доходы» (бабушку подвез на машине) — «разрешить индивидуальную трудовую деятельность»; «травить проклятого частника» — «уговаривать людей брать землю в аренду») является единственно возможной и законной гарантией выхода из кризисной ситуации.

А ситуация, которую мы сейчас переживаем, увы, должна быть определена именно как кризисная, — не только из-за роста преступности и возрождения карточной системы на колбасу, мыло, стиральный порошок, чай и сахар, но из-за того, что у Перестройки и Демократии не просто объявились, но оформляются в некий «блок» могущественные противники. И отчет этих противников я начинаю не с привычных «начальничков», а с пьяного бездельника, спекулирующего святым понятием «Рабочий».

Перестройка дала рабочим право на премиальные, — по конечному, понятно, результату, на совместительство, которое было запрещено начиная с 1929 года, тот, кто думает о семье, может зарабатывать. Слава Богу, желание заработать перестало быть синонимом «стяжательства» или, того хуже, «кулачества». Но ведь многие не хотят зарабатывать, ждут, чтобы мантия небесная сама в рот свалилась! Не свалится! И кивать на кого-то нечего, — Обломов с Маниловым родились не в Лондоне!

Против перестройки блокируются когорты тех чинуш, которые, проиграв на выборах, спят и видят возвращение командно-приказной системы, — с помощью ли аппаратно-отработанных

процедур, манипуляций, демагогии или скрытого подкупа тех, кто мог бы выражать общественное мнение.

Бюрократы косят, и правильно делают, но давайте заглянем в корень: исполкомовский аппаратчик права на совместительство не имеет, получает, как получал, сто тридцать рублей в месяц. На такие деньги попросту не прожить; а взятки, — пока что, — брать страшно, хотя на еду не хватает, именно на еду — не на роскошество.

Вот почему пропаганда правового государства должна быть предметной и понятной трудящимся, — всем без исключения.

Что мне кажется необходимым вынести на суд читателей в первую очередь?

■ Либо мы выбрасываем на улицу 18.000.000 бюрократов, которые ныне совершенно не заинтересованы в конечном результате своего труда и заняты тем лишь, что подсчитывают заработки «архангельских мужиков», передовых директоров, рабочих, действительно осознавших себя ведущей силой общества (таких мало еще), кооператоров, певцов, стоматологов, академиков, закройщиков и живописцев, причем подсчитывают со злобной завистью (зависть даже Указом Верховного Совета не отменить), и таким образом толкаем общество к смуте, либо руководствуемся указанием Ленина о том, что бюрократов необходимо перевести на процент с прибыли, ибо «без материальной заинтересованности ни черта не выйдет». Я убежден: все работники райкомов, обкомов и ЦК, служащие исполкомов должны получать за свою работу по конечному результату того конкретного дела, которое они курируют. В еще большей мере это должно проецироваться на работников аппарата правительства и министерств, количество которых обязано быть кардинально сокращено. На смену этим громоздким чудикам должны придти концерны, деятельность которых будет контролироваться не отчетами, а процентом с их акций, Рынком, ибо лишь один он определяет цену и смысл Ремесла.

■ Теория и практика сталинизма и его последователей заключалась в том, чтобы породить в народе ненависть к понятию «собственность». Местоимение «мой» распространялось на «сына» или «отца»: «моя» — на «мать», «дочь». Земля, фабрика, дом сделались «нашими». Французская пословица гласит: «наше — это значит ничье». Сравните подвезд кооперативного дома с жэковским и убедитесь в истинности французской мудрости. То же происходит и с землей. Инфляцию и денежную эмиссию можно в какой-то мере остановить выпуском акций предприятий и продаж (на худой конец, сдачей в бессрочную, с правом наследования, аренду) земли гражданам СССР.

В стране нет товаров.

В стране порой не хватает денег, чтобы платить рабочим зарплату.

Но почему тогда бюрократы долгие месяцы мучают «архангельских мужиков», хозяйственников, трудовые коллективы, которые хотят взять в аренду завод или фабрику? Почему кооператорам месяцами приходится пробиваться сквозь бюрократические заслоны?

Ерго: необходим закон, который бы раз и навсегда определил обязательный срок для ответа административных органов на запросы директоров заводов и совхозов, бизнесменов-индивидуалов, кооператоров, — словом, всех тех, кто, в отличие от скомпрометировавших себя министров, — только и может накормить и одеть народ.

Время увещаний кончилось.

Настала пора кардинальных решений и конкретных дел. Нервы у народа на пределе.

■ Нам катастрофически не хватает валюты.

Что может дать её немедленный приток?

Туризм.

Я наблюдал начало туристского бума в Испании. Он начался наперекор Франко, который был — как и всякий деспот — против того, чтобы открыть границы иностранцам: «принесут отказ от корней и цинизм, сотрясут основы фаланги — истинно национального движения испанцев».

Франкисты и фаланга ушли в небытие, а вот туризм стремительно вывел Испанию из застоя.

Нашу страну сейчас посещает около миллиона «валютных» туристов. Болгарию — более шести миллионов, Испанию — не менее сорока.

Бюрократия утверждает: «в стране не хватает отелей, нет школы сервиса».

Верно. Лет пятнадцать назад я написал: «Советский сервис не навязчив». Он остался таким же, только хамства прибавилось, и кадры фарцовщиков нарабатывали высочайшую квалификацию.

Отели в стране мало, они отменно плохи, но в Советском Союзе живут десятки миллионов людей, которые с радостью поселят иностранных туристов в своих домах и накормят их так, как умеют у нас, — радушно, от всего сердца, щедро.

Так почему же не открыть границы? Почему не давать визу непосредственно на контрольно-пропускных пунктах (как в Болгарии, Венгрии, Польше), требуя от гостей лишь одно: обменять

горгаз и так далее и тому подобное, страх господень. А ну, взять бы исполкомам и собрать, — хотя бы раз в неделю, — все эти службы в одном зале, да и получать с предприятий и кооперативов деньги за удобство и срочность! Сколько б мы сэкономили нервов и времени!

■ Горбачев правильно говорит, что не Москва, а именно районы, области и республики обязаны кормить, обувать, одевать и расселять в благоустроенных квартирах своих граждан.

Но где же Закон, принятый Кремлем, который бы всенародно объявил об отмене сотен тысяч нормативных актов, по сей день висящих дамокловым мечом над местными (да и столичными) руководителями? А ведь они, — всей трагичной историей нашей, — выращены пугливыми! Их же таинственно и закулисно назначали! А стал выбирать народ, так сразу же пошел плач: «дискуссионный клуб! сдаем позиции!»

До тех пор, пока существуют сотни

СОВЕРШЕННО ОТКРЫТО

по льготному для них туристскому курсу не менее 500 долларов?

По самым приблизительным подсчетам к нам приедет не менее 6.000.000 туристов. Умножим 500 на 6.000.000. Получим три миллиарда долларов.

Нужны нам эти деньги или нет?

Да. Но, если начать таскать это предложение по ведомствам, согласовывать и утверждать, то, глядишь, в начале будущего века мы вопрос решим. Не слишком ли мы расточительно обращаемся с таким грозным понятием, как время?! Воистину, «не думай о мгновеньях свысока»...

Будут возражать, что нет инфраструктуры, да хватит ли продуктов, а санитария, да не начнется ли спекуляция? — тысячу доводов выдвинут, только б заблокировать и это предложение.

Да, стране нужна валюта.

По Ялте ходят толпы иностранцев, которые хотят выпить квас или минеральную воду — за валюту; кофе — за валюту; съесть вареники — за валюту... Нельзя...

Мы-то понимаем, что «лэзя», «лэзя», но существуют какие-то дремучие инстинкты и опасения, что «потеряем контроль», «валюта осядет в карманах продавцов»... А то, что она оседает в карманах фарцовщиков — каждодневно и отлаженно? Кого это волнует? А ну — разреши продавать валюту в наших банках по льготному курсу, — сколько денег принесут люди, если будут уверены, что их не арестуют у кассы...

■ Страна не умеет беречь время: «прозаседавшиеся» и поныне заседают часами, днями, годами, — традиция...

Сейчас, — чтобы создать совместное предприятие, кооператив, получить патент на индивидуальную трудовую деятельность, выбить даже нежилое помещение — приходится ходить по десяткам инстанций: пожарники, управление архитектора, санэпидемстанция,

тысячи не отмененных нормативных актов, принятых в тридцатые еще годы, главный смысл которых в том, чтобы «не дать, не пущать, не позволить», мы с места не сдвинемся.

Преступить даже идиотский запрет (нормативный!) — страшно, ибо никто не забыл, как совсем еще недавно сажали в тюрьму самых смелых, оборотистых наших бизнесменов.

■ Давайте перестанем смешивать человека, торгующего горячими пирожками (по рублю штука!) с кооператорами.

Если бы государство, — то есть Агропромы (или как их там сейчас?!), Минторги, Госкомцены, Госкомстандарты и т.д. и т.п., — умели оборачиваться, составляя конкуренцию спекулянтам, можно было бы легко сбить бесстыдную цену. Но — не могут! И при этом требуют новых запретов. Спекулянта можно победить не очередным Указом, но делом!

Истинный кооператив — это смелость и перспектива, которой его и хотят лишить грозные дяди из Минфина. Экономика не может быть «экономной», дорогой Минфин! По Владимиру Далю: «расход создает доход».

Ретивые «политические подозреватели», которые смели сравнивать трагедию сбитого южно-корейского самолета с провокацией гитлеровцев накануне вторжения в Польшу, совершенно затюкали экономическую стратегию Рейгана, «рейганомикку». А истинный смысл этой самой «рейганомики» состоял в том, чтобы снизить налоги с тех именно, кто особенно хорошо, — с полной отдачей сил, — трудится. Давайте, наконец, согласимся с тем, что директор банка и главный инженер концерна, как и его адвокат — труженики, а никакие не «паразиты». В результате «рейганомики» количество миллионеров в США значительно выросло, — их там теперь миллионы! Да, в США существует без-

работица, есть бездомные, обездоленные, нищие люди, огромный долг, но это не мешает американцам платить пособия безработным, иметь более ста сортов печенья, а также все фрукты на улицах — зимой и летом! У нас тоже есть долг, и немалый, только вот на прилавках — шаром покати... Так может нам целесообразнее немедленно насытить рынок, чтобы люди воочию увидели изобилие, а уже потом выносить на всенародный референдум экономическую реформу (включая проблему цен), имея в виду и такой вопрос: почему они могут, а мы — нет?

■ Новый Закон о налогах, который, судя по разъяснениям Минфина, бюджет не улучшит, — то есть, не даст возможности государству существенно увеличить пенсии ветеранам и инвалидам, пособия многодетным семьям, заработную плату тем, кто получает менее реального прожиточного минимума, а таких в стране десятки миллионов, — направлен в том числе и против творческой интеллигенции.

Чайковский писал оперы годами. Менделеев готовил свою Таблицу всю жизнь. Блок создал «Двенадцать» стремительно, однако шел к этому шедевр многие годы... Извольте платить прогрессивный налог, сочинители!

Увы, ныне у нас нет Пушкиных (Менделеевы, слава Богу, есть), поэтому, утвердив Закон о налогах, надо принять еще один закон, запрещающий показывать по телевидению Ясную Поляну, усадьбу Некрасова, ялтинский дом Чехова, музей-квартиру Максима Горького и квартиру Алексея Толстого, чтобы не было аллюзий: «на какие-то доходы понастроены или куплены эти дома и парки?»

Что ж, будем ждать появления новой волны литературы, живописи и музыки отчаяния, ибо неуверенность в завтрашнем дне (оклады, госдачи, машины с двусмысленными шоферами и штат секретарей получают лишь чиновники от искусства) не помогает художнику видеть небо в алмазах...

Ладно, Бог с ним, с искусством, — ерунда, надстройка, бантик на шляпе общества, но давайте будем готовы и к тому — это, пожалуй, самое страшное, — что рабочий высокой квалификации семь раз подумает, выжить ли ему своим трудом премию, — все равно отымут (даже у рационализатора и изобретателя!), так не лучше ли сделать что по хозяйству соседу или доброму знакомцу, который не донесет? Вот оно, минфиновское, освященное Законом подталкивание квалифицированных тружеников, — которых и так мало осталось, — в теневую экономику... (Воистину, «скопи домик — разори хозяйство!»).

Подтягивать «бедных» до уровня «богатых», а не низводить «богатых» до уровня «бедных», — в этом смысл правового государства, в противном случае мы узаконим бытующее: «начальство делает вид, что платит, мы делаем вид, что работаем».

Можно по-разному относиться к Столыпину, но его требование, чтобы законы создавались для трезвых и сильных, а не для пьяных и слабых, дает — по крайней мере — основание для дискуссии.

Да, Демократию, Гласность и Перестройку надо уметь защищать. Я сейчас не ставлю вопрос, каким образом и как скоро нам следует освободиться от некомпетентных руководителей и сановных недорослей всех уровней, — безграмотные дурни не могут управлять великой страной. Я, однако, задаю сугубо прагматичный вопрос: как правоохранительные органы могут обеспечить спокойствие на улицах страны, когда оклад сыщика равен ста пяти рублям?

Как угрозыск может противостоять хулиганам, когда у него нет достаточно количества автомашин и раций?

...Этой весной я выступал в маленьком американском городке. Там на каждого полицейского — автомобиль, на отделение — вертолет, не говоря о компьютерах, телексах и факсах. И, конечно, не говоря о зарплате.

До тех пор, пока страж порядка получает меньше рабочего средней квалификации, о реальной борьбе против бандитизма и наркомании речи быть не может, — отчеты будут, рапорты, обещания, но реального дела ждать не надо, самообольщение.

До тех пор, пока милиционер не будет получать надбавку (в размере ста процентов, не меньше!) за умение оказать квалифицированную первую медицинскую помощь, принять роды, объясниться на языке с иностранцем, не надо ждать притока в милицию мало-мальски культурных работников, — утопия. Неграмотному лимитчику значительно проще (точнее — сладостней) гнать художников с Арбата, чем ловить вооруженного бандюгу.

До тех пор, пока мы не разрешим тем гражданам, квартиры которых были ограблены, объявлять милиционерам премию за поиск воров и возвращение похищенного, раскрываемость преступлений особо расти не будет.

До тех пор, пока мы будем терпеть в рядах милиции «надежноанкетных» хамов и держиморд, никакая пропаганда престиж стражей порядка не поднимет.

Эти проблемы нельзя считать «закрытыми», они ждут своего решения.

Правовое государство — это отсутствие номенклатуры, подбор кадров не по симпатиям и личным привязанностям, а по деловым качествам, которые определяют те, с кем человек работает, что называется, лицом к лицу.

Правовое государство — не назначение «талантов», министров, иных руководителей, — но выборы истинных талантов снизу.

...Никогда не забуду государственного, то есть гражданского, унижения, которое я испытал в Мадриде задолго до того, как у нас началась Перестройка.

С моим другом, бизнесменом и миллионером Хуаном Гарригесом (именно он, кстати, устроил мне встречу с Отто Скорцени) мы договорились вместе позавтракать: это было у него в офисе, в десять утра. Через несколько минут раздался звонок из Лондона. Выслушав собеседника, Хуан извинился: «Очень интересное дело, сулит хорошую прибыль, давай перенесем наш разговор на ужин, — я к этому времени вернусь». Ужин в Испании начинается в десять. Хуан вернулся из Лондона в половине двенадцатого, с выгодным контрактом в кармане.

А сколько времени советский бизнесмен должен ждать оформления на выезд? Какой бумажной и прочей волокитой он сопровождается! В Болгарии принят закон о «двойном гражданстве», — теперь каждый может выезжать за границу в тот час, когда ему это нужно. А у нас?

...Улетая из Голливуда к никарагуанским друзьям, я долго ходил по аэропорту Лос-Анджелеса в поисках паспортного контроля: на меня таращили глаза: «Вы улетаете? Какой же тогда, к черту, контроль?! Мы контролируем только въезжающих».

Вот оно — истинное, а не лозунговое уважение к своей стране и ее гражданам!

Почему мы до сих пор являемся единственной (кроме Албании) страной, которая не разрешает звонки за границу по автоматической связи? Почему заводы и кооперативы заказывают разговор с партнерами и ждут его долгие часы?!

...Ленин был пророком XX века. А ежели так, то следует немедленно, массовым тиражом переиздать все его последние работы, ибо они определяют суть и смысл Перестройки, начавшийся в 21 году, предательски прерванной Сталиным в 29-м, и провозглашенной вновь в апреле 85-го.

Мы получили шанс.

И этот шанс — последний. Если история повторяется трагедией или фарсом, то наша может повториться лишь трагедией, масштабы которой невозможно себе представить. Забвение этого постулата — преступно.

«Секретность» угодна бюрократии, это ее надежная защита.

Гласность необходима обществу, основанному на праве и законе.

Мы назвали наш Бюллетень «Совершенно секретно» еще и потому, чтобы убрать «грифы» с того, что должно быть известно каждому гражданину.

Юлиан СЕМЕНОВ

К вопросу о национальностях или об «автономизации»

(продолжение)

Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол», грузина и других кавказских инородцев, — как «кавказский человек».

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения.

Что же важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимум доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации.

Я думаю, что для большевиков, для коммунистов разъяснять это дальше и подробно не приходится. И я думаю, что в данном случае, по отношению к грузинской нации, мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу. Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упрочности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить. Вот почему в данном случае коренной интерес пролетарской солидарности, а следовательно и пролетарской классовой борьбы, требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу, а всегда учитывали обязательную разницу в отношении пролетария нации угнетенной (или малой) к нации угнетающей (или большой).

ЛЕНИН

Записано М. В. 31.XII.22 г.

31 декабря 1922 года.

ПЕРЕД ВЫБОРОМ

План и рынок в советской экономике

Татьяна КОРЯГИНА,
доктор экономических наук

Бремя экономических неудач, а вернее хронических провалов, тяжелым грузом висит на отечественной экономике. Исчерпав все мыслимые и немыслимые резервы, экстенсивная экономика начинает «распадаться», демонстрируя неспособность глубоко больного организма. Катастрофический развал экономики сопровождается букетом кризисов: социальным, национальным, идеологическим.

Что же все-таки происходит? Неужели именно такой конец предопределен теоретической моделью социализма, его экономической конструкции? Вернемся к истории нашего государства. Отказавшись от утопической идеи построить коммунизм ударным броском, В. И. Ленин в начале 20-х годов вновь вернул экономику на рельсы товарно-денежных отношений, базирующихся на всех доступных формах собственности: личной, частной, кооперативной, государственной. Денационализированы были торговые и промышленные предприятия, опять хозяевами на земле стали крестьяне. Страна из финансовой и экономической разрухи поднялась на ноги за считанные годы. Государство приняло на себя разработку сугубо стратегических направлений в экономической и социальной политике. Все остальные вопросы в сфере экономики решались самими крестьянами, предпринимателями, государственными предприятиями, трестами, работавшими в условиях жесткой рыночной конъюнктуры.

Со второй половины 20-х годов начался постепенный, но с каждым годом все более интенсивный процесс идеологизации экономики. Фундаментальные экономические законы заменились «истинами особой марксистской закваски», которые сверху навязывались советской эконо-

мике, формируя особые внеэкономические принципы хозяйствования и учета. Расчеты национального дохода, совокупного общественного продукта и других важнейших стоимостных народнохозяйственных показателей стали вестись с позиций ограниченной концепции производительного труда. Это лишило нас, в частности, возможности сопоставлять показатели динамики развития отечественной экономики и экономики капиталистических стран. Были отмечены в сторону, как чуждые социализму, принципы ценообразования, действующие в мировой экономике. В «зачет» шли только текущие издержки, и совсем не принимались во внимание другие факторы производства, такие, как стоимость капитала (основных фондов), земли, природных ресурсов. Реальная стоимость рабочей силы занижалась через крайне низкую заработную плату. Особенно это касалось труда высококвалифицированных специалистов и рабочих. Мера эксплуатации труда крестьян превысила все мыслимые границы в годы «сталинских пятилеток», когда в деревне в целом ряде регионов страны начался повальный голод.

В теории и в «высоких» документах «план» был поставлен на недостижимый постамент. Однако в реальной жизни он редко выполнялся. «План» давил на жизнь, а она ему отвечала безудержным разрастанием теневой экономики. Сейчас, по нашим расчетам, она составляет от 70 до 90 миллиардов рублей в год, или около 15% от валового национального продукта. Черный рынок становится питательной социальной средой для разрастания коррупции и организованной преступности. Здесь подвергаются издевательствам принципы социальной справедливости, когда

трудоустроенный заработанный рубль потребитель вынужден отоваривать у спекулянта. А не пойдя он к нему, рубль вообще можно выбросить, так как на него фактически нечего купить в государственной торговле.

И вот опять мы стоим перед выбором. Продолжать ли нам «конструировать» административно-бюрократическую плановую экономику или строить рыночную экономику с элементами государственного регулирования? С немногочисленным штабом умных экспертов, — по Ленину, — в лице Госплана? Ответ на этот вопрос даже сегодня вовсе не однозначен. Нормальные экономические отношения, как известно, опираются на собственность. Так вот, у меня есть большие опасения относительно того, будут ли настоящие собственники допущены в нашу экономику. Мои сомнения подтверждаются тем, с каким огромным сопротивлением вырастает в экономическую ткань новая кооперация, как, по существу, вновь и вновь отвергается фермерский путь развития в сельском хозяйстве.

Частная инициатива продолжает отторгаться как чуждая социалистическому обществу. А в результате мы теряем драгоценное для экономической реформы время. Социальное и экономическое доктринерство продолжает «править бал». Поддерживаются иллюзии, что из глубочайшего кризиса наша страна сумеет выйти без инфляционного витка. Такие идеи исповедуют сейчас многие экономисты. В это, кажется, верит и правительство. Но природа экономических законов неумолима. Фактически ни одна из социалистических стран, вставших на путь реформ, не избежала инфляции. В реальной жизни вопрос может стоять только о том, с какими размерами и

темпами инфляции сумеем мы преодолеть кризис. На укрепление воли к преодолению тяжелых явлений в экономике и надо готовить наше общество. Розовые надежды на легкое «излечение» здесь не помогут.

Давайте взглянем на самих себя трезвым взглядом. Мы увидим, что население активно не приемлет реформу цен в государственном секторе, опасаясь инфляции. Но в то же время, параллельно и с еще большими темпами, чем за счет инфляционного роста цен, происходит обесценивание денег из-за пустоты прилавков в наших магазинах. Правительство борется за низкие цены, ограничивает рамки роста договорных цен, а внутренний потребительский рынок начинает рассыпаться буквально на глазах. Достаточно привести такие цифры. На конец 1987 г. совокупный неудовлетворенный спрос населения на товары и услуги находился на уровне 70 млрд. рублей. За 1988 год он возрос до 80—85 млрд. рублей. А в 1989 году, только за первый квартал в «копилку» неудовлетворенного спроса добавилось еще около 10 млрд. рублей. Если положение на потребительском рынке будет развиваться в том же неблагоприятном направлении и с той же интенсивностью, то уже текущий год может стать началом конца преимущественного безкарточного распределения населению важнейших продовольственных и непродовольственных товаров. Карточками мы вынуждены будем «отоваривать» не только мясо, сахарный песок, мыло, стиральный порошок и другие «продукты» типа легковых автомобилей. В категорию карточного распределения в течение года, а может быть, и месяцев, попадут соль, спички, подсолнечное масло, рис, мука, мебель, многие виды радио и электротоваров. Ажиотажный спрос, к несчастью, скажет свое роковое слово. Просвета впереди не будет видно, если мы не пойдем по пути решительных перемен в нашей экономике.

Выход один — нам надо строить рыночную экономику. Синяков и на этом пути будет предостаточно. В ходе

ее построения нам не уйти от децентрализации ценообразования и системы управления экономикой. Это — ключевые моменты реформы. На этом пути главным элементом экономической политики становится поддержка производителя, причем в первую очередь производителя сильного. Если у нас не окрепнет самостоятельный производитель, то и потребитель ничего не получит взамен. Надо расширять зону действия свободных, рыночных цен. Но параллельно надо создавать систему антиинфляционных мер. Например, с помощью налогов делать максимально выгодным производство товаров и услуг для населения, за счет налоговых льгот заинтересовать предприятие в поддержании сегодняшнего уровня розничных цен и тарифов, стимулировать появление все новых и новых производителей, устраняя явления монополизма на рынке. Но и этого всего будет недостаточно для обуздания инфляции. Очень важно срочно принять решение о формировании в нашей стране рынка ценных бумаг. Живые деньги населения надо оттянуть от магазинов посредством предложения ему под выгодные дивиденды акций и правительственных облигаций. Требуется повысить заинтересованность людей в отчислениях в пенсионные и страховые фонды. Надо, наконец, расширить каналы платности в услугах. Создавать рынок жилья, медицинских услуг и даже услуг системы образования.

Все эти предложения для неосведомленного читателя могут выглядеть как отступление от принципов социализма. Но, на наш взгляд, предательством фундаментальных идей социализма являются очереди в магазинах, карточная система распределения различного рода благ, отсутствие серьезной медицинской помощи, низкое качество образования. Развивая рыночную экономику, мы должны начать существенно больше зарабатывать, но при этом должны получить и более богатые альтернативы в расходовании заработанных средств.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В КИТАЕ

Борьба против коррупции и взяточничества выдвигается на передний план

Гао ФЭНЬИ, корреспондент газеты «Гуанмин жибао» в Москве

Экономической реформе в Китае минуло десять лет. Достижения ее признаны всем миром. Китайцам есть чем гордиться. Но рост экономической активности повлек за собой и развитие таких явлений, как взяточничество и казнокрадство. По сообщениям печати, только за период с 1982 по 1988 годы в КНР органами прокуратуры было расследовано около 120 тысяч подобных дел.

Рост экономических преступлений не случаен. Он связан прежде всего с несовершенством механизма регулирования народным хозяйством. Раньше средства производства полностью распределялись плановыми органами по твердой государственной цене. Нара-

стающие дефициты в экономике показали, что путь этот не эффективен. Сегодня создается рынок средств производства. Почти половина их сейчас уже свободно продается на рынке по договорной цене. Однако из-за дефицитной экономики изживаются медленно. Пользуясь дефицитом сырья и разнообразной продукции на рынке, а также существенной разницей между государственной и договорной ценой, некоторые должностные лица в сговоре с различными фирмами начали заниматься незаконными махинациями.

Свежий пример из китайской прессы. Директор одной из торговых фирм при Минсельхозе дает взятку в 10 тысяч юаней чиновнику из Госплана КНР, некоему Ли.

Тот, пользуясь «телефонным правом» и правом распоряжаться нормативами экспорта и импорта бытовой электроники, договаривается с директором завода по производству цветных телевизоров о продаже торговой фирме одной тысячи телевизоров. Последняя в одночасье перепродает приобретенные по госцене телевизоры по договорным ценам (они на 60—80% выше твердых) и зарабатывает на этом намного больше, чем врученная чиновнику взятка. Это дело достаточно типично для наших сегодняшних экономических будней.

В китайской прессе сейчас уделяется особое внимание образованию коррумпированных связей между хо-

зяйственными руководителями и партийным аппаратом. Как известно, главное направление экономической реформы состояло в том, чтобы дать больше самостоятельности и прав первичным звеньям производства — предприятиям. Расширение экономических свобод предприятий некоторые нечистоплотные руководители использовали для личной наживы. Стал широко практиковаться подкуп должностных лиц. Немало членов партии — руководящих работников оказались преступниками. В 1987 году 20 тысяч членов партии были предъявлены обвинения во взяточничестве и коррупции.

Угрожающе быстрый рост экономической преступности

сегодня весьма беспокоит общественное мнение и руководство страны. Несколько лет подряд эти проблемы обсуждаются на сессиях народных представителей и на Пленумах ЦК КПК. Было принято несколько соответствующих постановлений. Но, к сожалению, явления эти оказались очень живучими. Социологические исследования показывают, что народ не хочет мириться со взяточничеством и коррупцией. Во время майских демонстраций, например, студенты несли лозунги: «Да здравствует компартия! Да здравствует реформа! Да здравствует демократия! Долой взятки и коррупцию!»

Именно так думают и действуют сегодня в Китае.

УСАЖИВАЯСЬ ЗА ПАРТЫ...

Рышард КАПУСЦИНСКИЙ

Польского журналиста-международника Рышарда Капусцинского литературная критика предпочитает именовать писателем, как бы подчеркивая высокий художественный уровень его книг о странах «третьего мира», где он провел в качестве корреспондента польского Агентства печати без малого двадцать лет.

Он оказывался в «горячих точках» планеты всякий раз, когда к данному району мира было приковано всеобщее внимание. С риском для жизни Капусцинский в свое время прорвался в отрезанное от остальных африканских государств Конго, позже он досылал в Варшаву репортажи с фронтов освободительной войны в Анголе, рассказывал о падении династии Пехлеви в Иране. Документальное повествование о последнем правителе Эфиопии Хайле Селассие — «Император» — получило широкую известность за пределами Польши, в том числе и в Советском Союзе.

Когда в 1980 году Капусцинский дописывал, вернувшись из Тегерана, свою книгу «Шахиншах», «горячие точки» острых социальных конфликтов резко обозначились в самой Польше. Возглавляемое Э. Гереком высшее партийное руководство не смогло справиться с экономическими трудностями. Стихийно возникшее профобъединение «Солидарность» призвало рабочих судоверфей Гданьска, Гдыни, Щецина к забастовке, что привело к отставке правительства...

Р. Капусцинский провел на Балтийском побережье среди бастующих рабочих двенадцать самых напряженных августовских дней. Он присутствовал при подписании соглашения между Правительственной комиссией и профобъединением «Солидарность». Государство и новые, независимые профсоюзы договорились сотрудничать как равные партнеры.

Казалось, открылась новая глава в истории Польши. К сожалению, события вскоре приняли иной оборот: 13 декабря 1981 года в ПНР по решению ЦК ПОРП было введено военное положение, вызвавшее состояние шока в польском обществе...

Предлагаемый читателю небольшой репортаж Р. Капусцинского написан по свежим впечатлениям. Сейчас этот материал привлекает наше внимание, пожалуй, не столько конкретными реалиями тех памятных дней (хотя и они представляют немалую ценность), сколько суждениями автора о том, что всему польскому обществу, да и не только ему, необходимо учиться демократии. «Это трудный, мучительный урок, — замечает писатель, — но он необходим».

...Настроение на улицах спокойное, но напряженное, атмосфера серьезности и уверенности, рожденная чувством справедливости. Это города, в которых восторжествовала новая мораль. Здесь никто не пьянствовал, не устраивал дебошей, не просыпался, одуревши с похмелья. Преступность упала до нулевой отметки, угасла взаимная агрессивность, люди стали доброжелательными, открытыми, окликивали друг друга по имени. Совершенно посторонние почувствовали, как они необходимы друг другу.

В те дни можно было наблюдать, как складываются отношения между крупным предприятием и Гданьском. Многоотраслевой город стихийно подчиняет свою судьбу стремлениям и чаяниям коллектива судоверфи, борьбу которого считает своей и усилия которого солидарно поддерживает. Всякого рода заявления и фразы в духе: «Потерявшие терпение жители Побережья ждут, что забастовщики приступят к работе», постоянно повторяющиеся по телевидению и в печати, там, на месте событий, звучали, как мрачная шутка и прежде всего, как оскорбление. В действительности все обстояло иначе: чем дольше продолжалась забастовка, тем больше крепло стремление продержаться. В те дни ворота судоверфи и проходные других предприятий утопали в цветах. Ибо августовская забастовка являла собой полную драматизма борьбу и вместе с тем праздник. Это была борьба за свои права и праздник распрямленных спин, гордо поднятых голов.

Трудящиеся Побережья разрушили утвердившийся в официальных кабинетах и элитарных салонах стереотип работы. Работяга не дискутирует, а выполняет план. Если вам потребовалось, чтоб работяга подал голос, то только для того, чтобы принял обязательства, дал заверения. Работягу интересует исключительно вопрос о зарплате, уходя с завода, он выносит в карманах гайки, веревки, инструмент. Если бы не дирекция, работяги растащили бы весь завод. После работы работяги толпятся возле пивных ларьков, позже отсыплются. Утром, следуя в электричке к месту работы, они режут в карты. По приходе на завод очередью выстраиваются к врачу за получением больничного. Тяжкое это дело управлять работягами. Разговаривать с ними не о чем. На всех ответственных совещаниях немало вздохов по этому поводу.

Тем временем на Побережье, а затем и по всей Польше из-за тумана этой удовлетворенной самоуспокоенности показался юный лик нового поколения рабочих — думающих, интеллигентных, осознающих свое место в обществе и, что самое главное, готовых сделать все выводы из факта, что, согласно идейным установкам существующего строя, их класс признается ведущей общественной силой. С тех пор как я себя помню, такая убежденность, подобная уверенности и непоколебимая воля впервые заявили о себе именно в эти августовские дни. На нашей земле позникла река, изменившая пейзаж и атмосферу страны.

Не знаю, все ли осознали значение того факта, что с 1980 года мы живем уже в другой Польше. Думаю, главное здесь в том, что рабочие по основополагающим проблемам высказались своим голосом. И полны решимости поступать так и впредь.

В помещении забастовочного комитета Гданьской судоверфи явились пять женщин из местной кустарной артели. Я оказался свидетелем этого визита. Они пришли, чтобы примкнуть к забастовке. Они не жаждали повышения заработной платы, не требовали нового детского сада. Они решили бастовать против председателя артели,

который был хамом. Все попытки добиться того, чтобы он вежливо и уважительно относился к ним — женщинам и матерям — потерпели неудачу, оборачиваясь травлей и преследованиями. Все обращения в более высокие инстанции кончались безрезультатно: председатель был на хорошем счету, поскольку обеспечивал выполнение плана. А чаша терпения этих женщин переполнилась. Ведь они тоже знают, что это за материя — чувство собственного достоинства.

В сравнении с кардинальными требованиями, предъявленными рабочими судоверфи, причина забастовки, изложенная этими пятью женщинами, представлялась малозначительной. Сколько у нас повсюду расплодилось распоясавшегося хамства! Но молодые рабочие судоверфи, выслушав эту жалобу, отнеслись к ней с полной серьезностью. Они тоже выступали против разнузданной бюрократии, против пренебрежительного отношения к человеку, против «работайте, а не занимайтесь болтовней», против тупой и равнодушной физиономии в конторском окошке, заявляющей «нет!». Кто намеревается свести движение на Побережье к денежно-бытовым проблемам, тот ничего не понял: исходным мотивом этих выступлений было именно чувство собственного достоинства, стремление утвердить новые отношения между людьми на всех участках и на всех уровнях, основанные на принципе взаимоуважения, обязывающем каждого без исключения видеть в подчиненном вместе с тем и партнера.

В ходе упомянутой беседы одна из женщин сказала: «Разве же наш председатель не способен тоже стать человеком?» Ведь хамство — некое чужеродное, насильственное насилие в нашей культуре, в традициях которой бытовала идея шляхетского превосходства, но не преднамеренная подлость, грубость, коварное надругательство, жесткое презрение, демонстрируемое более слабому. Подобное поведение рабочие на Побережье пригвоздили к позорному столбу, придав нашему патриотизму новое свойство: быть патриотом — значит уважать достоинство другого человека.

На Побережье шла также битва за язык, за наш польский язык, за его чистоту и ясность, за возвращение словам их однозначного смысла, за очищение нашей речи от пустопорожних фраз и бредней, за освобождение ее от грозящего ей бедствия — бедствия недомолвок. «Чего ради все так замалчивать, — заявил один из рабочих верфи, — наш язык достаточно закален. Простуда ему не грозит». Я помню первую встречу местного стачечного комитета с правительственной делегацией. Председатель местного стачечного комитета: «Просим представителя правительства высказаться по поводу наших требований». Представитель правительства: «Позвольте мне ответить на них в общей форме». Председатель стачечного комитета: «Нет. Просим ответить конкретно. Пункт за пунктом». Помню их естественное недоверие к ответам общего порядка, к общим фразам. Их протест против всего, что отдает фальшью, недоговоренностью, попыткой втереть очки, увильнуть от ответа. Они протестовали против фраз, начинающихся словами: «Как вам известно...» (в то время, как нам ничего не известно!), «Как вы сами понимаете...» (именно не понимаем!). Один из делегатов судоверфи: «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Сладости хороши для детей, а мы взрослые люди!»

...За ожесточенностью, которая ощущалась в первые дни забастовки, за их стремлением утвердить правовые гарантии, прослушивалось эхо невыполненных обещаний, тех, которые бы-

ли даны в 1970—1971 годах.¹ Рабочие отнеслись к этим обещаниям чрезвычайно серьезно, как к началу диалога, который будет продолжен, но который (как оказалось на практике) поспешно и без их ведома прервался.

А их благоразумие, рассудительность и — хочу воспользоваться этим словом — их гуманизм! Самой тяжелой карой было устранение из числа забастовщиков. И вот сцена, впрочем, редкая, когда в Гданьске коллектив судоверфи принимает решение удалить человека, который его скомпрометировал. Валенса: «Прошу всех дать возможность этому пану спокойно и без всяких эксцессов покинуть территорию. Надеюсь на ваше достоинство и благородство».

И еще сцена (тоже на Гданьской судоверфи), когда из Испании прибыли двое троцкистов. Рабочие попросили меня участвовать в беседе в качестве переводчика. Троцкист: «Мы хотели познакомиться с вашей революцией». Член президиума местного стачечного комитета: «Вы ошиблись. Никакой революции мы здесь не устраиваем. Мы просто улаживаем наши дела. Простите, но попрошу вас немедленно покинуть территорию судоверфи без права возвращения сюда».

«Мы улаживаем наши дела». Существенно было также и то, как их улаживали. В действиях забастовщиков отсутствовали мотивы мести, не чувствовалось стремления отыграться, ни одной попытки уладить дела чисто персонального порядка. Когда им задавали вопросы по этому поводу, бастующие отвечали, что «не это самое важное», что это было бы «неблагородно». В те августовские дни многие слова внезапно ожили, обрели весомость и блеск, такие слова, как «честь», «достоинство», «равенство».

Начался новый урок по-польски. Его тема: демократия. Трудный, мучительный урок, под суровым и бдительным оком, запрещающим пользоваться шпаргалками. Поэтому неизбежны и «двойки». Но звонок уже прозвенел, мы все усаживаемся за парты.

Вступление и перевод с польского Сергея ЛАРИНА.

¹ В декабре 1970 года в Польше, в связи с резким повышением розничных цен на продукты питания, в Щецине, Гданьске и Гдыне вспыхнули волнения рабочих, приведшие к человеческим жертвам. Высшее партийно-государственное руководство во главе с В. Гомулкой вынуждено было подать в отставку. Новый первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек заверил польскую общественность, что будет проведено тщательное расследование противоправных действий милиции и армии на Побережье, однако его результаты так и не стали достоянием гласности. — Примеч. переводчика

Президент Кеннеди определил время: он был первым после Рузвельта политиком, пошедшим на деловой конструктивный диалог с нашей страной.

Именно это снискало ему любовь и благодарность большинства и ненависть могущественного меньшинства, как ультраправого, так и крайнего левого.

Кеннеди мешал им потому, что стал человеком мира, понимая, что порою глобальные интересы важнее национальных или классовых.

Нам, которые лишь сейчас стали постигать реальную науку истории, следует вернуться к тем трагическим дням, когда заговор против президента привел к кардинальному изменению ситуации в мире.

С тех пор прошло четверть века. Написаны десятки тысяч страниц исследователями, журналистами, юристами... Проведено несколько официальных расследований. Этим делом продолжает заниматься ряд частных лиц. Но убийство американского президента остается загадкой до сих пор.

«Совершенно секретно» начинает публикацию материалов «Отчета Комиссии, назначенной для расследования дела об убийстве президента Кеннеди». Советский читатель впервые познакомится в таком объеме с фрагментами этого знаменитого юридического документа, которые мы приводим, сохраняя особенности стиля американского издания «Отчета» на русском языке.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Первоначальная подготовка посещения президентом Кеннеди Далласа была возложена главным образом на двух агентов Секретной службы: на принадлежащего к охране Белого Дома специального агента Винстона Г. Лоусона, которому было поручено предварительное обследование маршрута, и на специального агента Форреста В. Соррелса, начальника отделения Секретной службы в Далласе. 4 ноября оба агента были извещены о предстоящей поездке. 8 ноября Лоусон получил от специального агента Роя Келлермана, помощника начальника охраны Белого Дома, предварительное расписание поездки по Техасу; на Келлермана была возложена ответственность за всю поездку.

Правила Секретной службы относительно поездок президента, примененные и к автокортежу в Далласе, имели целью обеспечить личную безопасность президента и в то же время дать как можно большему числу людей возможность увидеть его. В числе прочего принимаются меры для избежания непредвиденных остановок, хотя президент может приказывать остановиться для того, чтобы приветствовать толпу. Когда автокортеж замедляет ход или оста-

крестку Хьюстон-стрит и Элм-стрит, сопровождавшие президента лица были глубоко удовлетворены оказанной ему восторженной встречей. Г-жа Коннэли была в восторге от приема. Она повернулась к президенту Кеннеди и сказала: «Господин президент, вы не можете сказать, что Даллас вас не любит». Президент ответил: «Это совершенно очевидно».

В 12 ч. 30 м. по местному времени, когда открытый лимузин президента следовал со скоростью приблизительно 11 миль в час по Элм-стрит к Тройному виадукту, выстрелами из винтовки президент Кеннеди был смертельно ранен, а губернатор Коннэли получил серьезные ранения. Одна пуля прошла через шею президента; другая, оказавшаяся смертельной, раздробила правую сторону его черепа. Губернатор Коннэли был ранен пулей в спину, в правую сторону груди, в кисть правой руки и левое бедро.

(По мнению водителя лимузина, скорость автомобиля во время первого выстрела колебалась от 12 до 15 миль в час. Другие свидетели, находившиеся в автомобильном кортеже, определили скорость президентского автомобиля от 7 до 22 миль в час. Более точное определение было сделано на основании кинофильма, снятого на месте фотолу-

Согласно его показаниям, г-жа Кеннеди тогда воскликнула: «Что они делают с тобой?» Оглянувшись с переднего сиденья, Келлерман увидел губернатора полулежащим на коленях жены, и специального агента Хилла, который лежал поперек багажника автомобиля.

Услышав второй выстрел, г-жа Коннэли притянула своего мужа вниз к себе на колени. Увидав в тот момент свою окровавленную грудь, Коннэли подумал, что он сам смертельно ранен. Он воскликнул: «О, нет, нет, нет. Господи, они перебьют всех нас». Вначале г-жа Коннэли подумала, что ее муж убит, но затем она заметила почти незаметное движение и поняла, что он еще жив. Она сказала: «Ничего, лежи спокойно». Губернатор лежал головой на коленях жены, когда услышал второй выстрел, попавший в президента. В этот момент как губернатор, так и г-жа Коннэли увидели, как частицы мозга покрыли поверхность автомобиля.

После уведомления больницы персонал был поднят на ноги и были приготовлены палаты скорой помощи. Хотя в первом извещении было сказано о ранении одного только президента, были приготовлены две палаты. В то время как президентский лимузин мчался в больницу, 12 врачей спешили в эту часть больницы...

УБИЙСТВО

навливается, агенты размещаются между президентом и толпой.

Автомобиль президента, сделанный по особому заказу в 1961 году, был открытой машиной марки «линкольн» с двумя дополнительными откидывающимися сиденьями. Этот автомобиль был снабжен прозрачным, сделанным из пластмассы верхом, который, однако, не был пуленепробиваемым. Так как небо в Далласе прояснилось, Лоусон распорядился не устанавливать верха. На высоте приблизительно в 15 дюймов над передними сиденьями находится металлическая рама с 4 поручнями, за которые пассажиры в автомобиле могут держаться, если хотят ехать стоя во время парада. Сзади автомобиля с обеих сторон устроены небольшие подножки, позволяющие агентам Секретной службы стоять на них, держась за металлический поручень. Президент неоднократно говорил, что он не желает, чтобы агенты стояли на этих подножках во время автомобильных процессий, кроме случаев действительной необходимости.

Президент Кеннеди сидел сзади справа. Слева была госпожа Кеннеди. Губернатор Коннэли занимал правое откидное сиденье, госпожа Коннэли — левое. За рулем президентского лимузина был специальный агент Секретной службы Уильям Р. Грир; справа от него сидел Келлерман. В обязанности Келлермана входило поддержание радиосвязи с ведущим и следующими автомобилями и наблюдение за дорогой. При остановках он должен был выходить из автомобиля и стоять рядом с президентом.

ПОЕЗДКА ПО ДАЛЛАСУ

Автомобильный кортеж выехал с аэродрома Лов-Филд сразу после 11 ч. 50 м. утра и проехал со скоростью от 25 до 30 миль в час через малонаселенные районы на окраине Далласа. Когда автомобильный кортеж приближался к пере-

битеlem. На основании этого фильма скорость президентского автомобиля была определена в среднем в 11,2 мили в час).

Г-жа Кеннеди, сидевшая слева на заднем сиденье лимузина, смотрела в левую сторону, махая рукой толпе вдоль всего пути. Вскоре после того, как автомобильный кортеж повернул на Элм-стрит, она услышала звук, похожий на выхлоп мотоцикла, и возглас губернатора Коннэли, который ее заставил повернуться вправо. Повернувшись, она увидела странное выражение лица своего мужа, поднимавшего левую руку к горлу. Г-жа Кеннеди затем услышала второй выстрел и увидела, как в голове президента образовалась зияющая рана. Обнимая своего смертельно раненого мужа, г-жа Кеннеди воскликнула: «О, Боже мой, они ранили моего мужа. Я люблю тебя, Джек!»

Губернатор Коннэли сказал в своем свидетельском показании, что он распознал в первом же звуке винтовочный выстрел и сразу же подумал, что это покушение. Со своего места на правом откидном сиденье, непосредственно перед президентом, он инстинктивно повернулся направо, потому что ему показалось, что выстрелы были сделаны откуда-то с правой стороны.

Г-жа Коннэли тоже услышала испугавший ее звук справа. Оглянувшись через правое плечо, она увидела, что президент схватился обеими руками за шею, но не заметила крови и ничего не услышала. Она видела, как он соскользнул вниз с отсутствующим выражением лица. Рой Келлерман, сидевший на правом сиденье лимузина, услышал звук, напомнивший ему взрыв петарды. Повернувшись направо, в направлении звука, Келлерман услышал, как президент сказал: «Боже мой, я ранен», и увидел, как президент поднял обе руки к шее. Сказав водителю: «Скорее выбирайся отсюда; в нас попали!», Келлерман схватил микрофон и сообщил ведущему автомобилю: «В нас попали. Направляйтесь в больницу». Отдавая приказание, Келлерман в течение 5 секунд после первого звука услышал «серию выстрелов».

После прибытия в больницу агент Лоусон выскочил из ведущего автомобиля и подбежал ко входу в отдел скорой помощи, где его встретили служащие, катившие носилки к автомобилю. Агент Хилл снял с себя пиджак и покрыл им голову и верхнюю часть груди президента, чтобы предотвратить фотографирование. Губернатор, который потерял сознание по пути в госпиталь, снова пришел в себя, когда лимузин резко остановился у входа в приемный покой скорой помощи.

Пока группа врачей отчаянно пыталась спасти жизнь президента, г-жа Кеннеди то наблюдала за их работой, то выходила из палаты. После того, как президент был объявлен мертвым, она сказала, что намерена остаться со своим мужем. Был доставлен гроб, и тело президента было подготовлено для перевозки. Два представителя даласских городских властей сообщили помощникам президента, что тело не может быть увезено из города без предварительного вскрытия. Несмотря на их протесты, гроб вынесли из больницы, поместили в машину скорой помощи и перевезли на аэродром вскоре после двух часов пополудни. Приблизительно в 2 часа 15 минут гроб был поставлен в кормовую часть президентского самолета.

КОНЕЦ ПОЕЗДКИ

С борта президентского самолета вице-президент связался по радиотелефону с министром юстиции Робертом Ф. Кеннеди, который посоветовал г-ну Джонсону принести президентскую присягу прежде, чем самолет покинет Даллас. Федеральный судья Сара Т. Хьюз спешно прибыла на самолет, чтобы принять присягу. Сопровождавшие президента и вице-президента лица заполнили центральное отделение самолета, чтобы быть свидетелями принесения присяги. В 2 часа 38 минут пополудни по центральному стандартному времени Линдон

Президентская Комиссия по расследованию дела об убийстве президента Кеннеди
200 Мирамекс-авеню
Балтимор
Тел.: 545-1400
04 сентября 1964 г.

Президенту
Белый Дом
Вашингтон

Уважаемый господин президент!

Назначенная Вами Комиссия по расследованию дела об убийстве президента Кеннеди 22 ноября 1963 г., выполнила свое задание в соответствии с Вашим приказом № 11130 от 20 ноября 1963 г., представляя при сем свой окончательный отчет.

С уважением

Эд Уоррен, председатель (подпись)
Ричард Б. Расса (подпись)
Джон Шерман Кулер (подпись)
Джеральд Р. Форд (подпись)
Аарон У. Даллес (подпись)
Джон Дж. Мак-Клюй (подпись)

ПРЕЗИДЕНТА

из служащих склада больше не видел Освальда до того, как прозвучали выстрелы.

Наблюдения Гивенса, что Освальд держал в руке планшет с зажимом для бумаг, приобрели очевидное значение лишь 2 декабря 1963 года, когда служащий склада Франки Кайзер нашел этот планшет спрятанным за ящиками с книгами в северо-западном углу шестого этажа у западной стены, всего в нескольких футах от того места, где была обнаружена винтовка. Этот планшет был сделан самим Кайзером, на нем было его имя, и он признал в нем тот самый планшет, который присвоил Освальд, придя работать на склад.

УБИЙСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО ТИППИТА

Уйдя со склада примерно в 12 часов 33 минуты дня, Освальд отправился автобусом, а потом на такси домой. Дома он появился приблизительно в 1 час дня и через несколько минут снова ушел.

цейскому радио. Типпит подозвал его к своему автомобилю; тот подошел. Они, по-видимому, обменялись несколькими словами через правое переднее окно. После этого полицейский вышел из автомобиля и стал обходить его спереди. Но как только он поравнялся с левым передним колесом, пешеход выхватил револьвер и несколько раз в него выстрелил. Четыре пули поразили Типпита, убив его на месте. Убийца зашагал назад к Паттон-авеню, на ходу выбрасывая из револьвера пустые гильзы и перезаряжая его.

По крайней мере 12 лиц видели человека с револьвером в руке неподалеку от места, где произошло убийство Типпита, — во время или сразу же после стрельбы. К вечеру 22 ноября пятеро из них опознали Ли Харви Освальда в группе людей, показанных им в полицейском участке как человека, которого они видели. Шестой свидетель опознал его на следующий день. Трое опознали Освальда позже по фотографии. Еще двое свидетелей показали, что Освальд похож на человека, которого они видели, и один свидетель считал, что он находился слишком далеко от стрелявшего человека, чтобы точно его опознать.

СВИДЕТЕЛИ

Бэйнс Джонсон принес присягу в качестве тридцать шестого президента Соединенных Штатов. Г-жа Кеннеди и г-жа Джонсон стояли рядом с новым президентом во время его присяги. Девять минут спустя президентский самолет вылетел в Вашингтон.

Г-жа Кеннеди и министр юстиции с тремя агентами Секретной службы проводили в автомобиле тело президента Кеннеди с воздушной базы Эндрюс в госпиталь, на что потребовалось 45 минут. На 17 этаже госпиталя г-жа Кеннеди и министр юстиции присоединились к другим членам семьи Кеннеди в ожидании окончания вскрытия. Агенты Секретной службы охраняли г-жу Кеннеди в помещении, отведенном ей в морском госпитале. Агенты Секретной службы установили связь с Белым Домом и проверяли все телефонные звонки и посетителей.

Тело президента было доставлено в госпиталь приблизительно в 7 часов 35 минут вечера.

Во время вскрытия федеральные агенты принесли хирургам три кусочка кости, подобранные на Элм-стрит и в президентском автомобиле. Когда они были сложены вместе, эти куски составили приблизительно три четверти недостающей части черепа. Пользуясь рентгеновским анализом, хирурги обнаружили от 30 до 40 мельчайших пылеобразных осколков металла, расположенных по линии, идущей от раны на затылке президента к передней части черепа, со значительным осколком металла непосредственно над правым глазом. Два металлических осколка неправильной формы были извлечены из раны в голове и переданы в ФБР.

После того, как вскрытие было закончено приблизительно в 11 часов ночи, тело президента стали готовить для погребения. Это было закончено около 4 часов утра. Вскоре после этого жена президента, члены его семьи и помощники покинули военно-морской госпиталь в Бетезде. Тело президента было перевезено в Восточный зал Белого Дома, где к нему был приставлен почетный военный караул.

15 октября 1963 года Ли Харви Освальд поступил работать в Техасский склад школьных учебников на должность экспедитора. Работать ему в основном приходилось на первом и шестом этажах здания, отбирая книги по заказам и доставляя их для отправки на первый этаж. На шестой этаж, с которого — из окна в юго-восточном углу — были сделаны выстрелы в президента, он имел свободный доступ. Добавочные показания, связывающие Освальда с местом, откуда были произведены выстрелы, даны в показаниях Чарльза Гивенса, работающего на складе. Насколько можно судить, он был последним, видевшим Освальда в здании склада до убийства президента. Утром 22 ноября Гивенс работал с артелью, укладывавшей пол в юго-восточной секции шестого этажа. Около 11 часов 45 минут утра, пользуясь обоими лифтами, плотники спускались с шестого этажа. Когда лифт шел вниз, Гивенс увидел Освальда, стоящим у двери на пятом этаже. Оказавшись на первом этаже, Гивенс, по его словам, «обнаружил, что забыл сигареты в кармане пиджака и поднялся в лифте обратно вверх, чтобы взять пиджак с сигаретами». Поднявшись, он увидел Освальда, держащего в руке планшет с зажимом для накладных и идущего из юго-восточного угла шестого этажа к лифту. Гивенс обратился к нему со словами: «Эй, вы направляетесь вниз? Скоро время завтрака», на что Освальд сказал: «Нет, сэр. Когда вы будете внизу, закройте дверь лифта». Он имел в виду западный лифт, который приводился в действие нажатием кнопок и может двигаться лишь при закрытой двери. Гивенс сказал: «О-кэй!» и начал спускаться в восточном лифте. Когда он вышел на первом этаже, западного лифта — того, что действует при закрытых дверях, — внизу уже не было. Гивенс считает, что все это произошло около 11 часов 55 минут утра. Насколько известно, после этого никто

В 1 час 16 минут дня далласский полицейский Дж. Д. Типпит был застрелен менее чем в одной миле от дома, в котором жил Освальд.

Патрульный полицейский Типпит поступил в далласское полицейское управление в июле 1952 года. Начальник полиции Керри характеризует его, как «превосходного, преданного делу сотрудника». Типпит патрулировал участок № 78 в Ок-Клиффе, районе Далласа, в дневную смену. Он ездил в полицейском автомобиле, приметно выкрашенном и имеющем с обеих сторон крупно выведенный № 10. Был он один: одиночные патрули приняты в дневные смены в жилых районах Далласа.

Около 12 часов 44 минут дня 22 ноября радиодиспетчер полиции по первой радиосети приказал всем патрульным машинам явиться в Элм-стрит и Хьюстон-стрит, код 3 (критическая ситуация). В 12 часов 45 минут дня диспетчер приказал № 78 (т. е. Типпиту) «двигаться в центральную часть Ок-Клиффа в районе Ланкастер-стрит и 8-ой улицы. В центральной части Ок-Клиффа Типпит был в 12 часов 45 минут, о чем и доложил диспетчеру. Тот приказал ему быть «в готовности ко всякой непредвиденной случайности».

По заявлению начальника полиции Керри. Типпит мог продолжать объезжать центр Ок-Клиффа. Он, наверное, слышал по радио описание человека, разыскиваемого в связи с убийством президента; об этом передавалось по первой радиосети в 12 часов 45 минут, снова в 12 часов 48 минут и опять в 12 часов 55 минут дня.

Приблизительно в 1 час 15 минут дня Типпит проехал перекресток 10-й улицы и Паттон-авеню. В 12 часов 54 минуты он доложил о своем местонахождении, когда находился примерно в восьми кварталах от этого перекрестка. В ста футах за перекрестком Типпит остановил человека, идущего в восточном направлении вдоль южной стороны Паттон-авеню. Общий вид пешехода отвечал описанию, переданному по поли-

АРЕСТ ОСВАЛЬДА

В 1 час 45 минут дня полицейское радио сообщило: «Получены сведения, что подозреваемый только что вошел в кино «Техас» на Вест-Джефферсон. К кино «Техас» немедленно съехало на патрульных машинах не менее 15 полицейских. Полицейские вошли в кино через запасной вход. Другие полицейские прошли через главный ход и обыскали балкон. Детектив Бентли бросился в проекционную будку и сказал механику, чтобы тот включил свет в зале».

Освальд сидел один в задних рядах партера, недалеко от правого прохода. Кроме него в партере сидело шесть или семь человек, столько же было на балконе.

Полицейский Мак-Дональд сначала обыскал двух человек, сидевших в партере — приблизительно в десятом ряду. Из этого ряда он вышел в правый проход. Когда он дошел до того ряда, где сидел подозреваемый, Мак-Дональд резко остановился и велел этому человеку встать. Освальд поднялся со своего места, поднимая вверх обе руки. Когда Мак-Дональд стал обыскивать Освальда, ища оружие у пояса, тот сказал: «Теперь все кончено». Затем Освальд левым кулаком ударил Мак-Дональда между глаз, а правой рукой выхватил револьвер. В ответ Мак-Дональд нанес ему удар правой рукой, а левой схватил револьвер. Оба они упали на стулья. Освальда схватили спереди, сзади, сбоку трое других полицейских, подоспевших к месту борьбы. Падая на сиденья и держа револьвер левой рукой. Мак-Дональд почувствовал, что что-то защемило кожу на его руке, одновременно он услышал звук щелкнувшего курка. Вырывая у Освальда револьвер, он оцарапал себе щеку. Детектив Каррол, стоявший около Мак-Дональда, выхватил у Освальда револьвер.

Зритель в кино — Джон Гибсон — видел, как Освальда схватил полицейский, и утверждал, что слышал звук осечки. Ни у кого из находившихся око-

ло Освальда полицейских ружья он не видел. Джонни Брюэр показал, что он видел, как Освальд выхватил револьвер и как полицейские боролись с ним, стараясь отобрать револьвер, но после того, как Освальд был усмирен, никто из полицейских его не был. Он заявил далее, что во время схватки один из полицейских сказал: «Может, еще президента убьешь?»

Вряд ли кто-нибудь из полицейских смотрел на Освальда как на подозреваемого в убийстве президента. Хотя полицейское радио и указало на сходство между двумя подозреваемыми, полицейские арестовали Освальда в связи с убийством Типпита. Когда Освальда в наручниках уводили из кино, он, по словам Мак-Дональда, «немножко бранился и выкрикивал что-то о жестокости полиции». В 1 час 51 минуту из полицейской автомашины № 2 было сообщено по радио, что подозреваемого везут в полицейское управление.

В 2 часа 15 минут дня в полицейское управление вернулся из Техасского склада школьных учебников, после непродолжительной остановки в канцелярии шерифа, капитан Фритц. Войдя в бюро по убийствам и грабежам, он увидел двух детективов, которые стояли с сержантом Джералдом Хиллом, приехавшим из кино с Освальдом. Хилл показал, что Фритц отдал распоряжение детективам получить ордер на обыск, съездить по адресу на 5-ой улице в Ирвинге и задержать человека по имени Ли Освальд. Когда Хилл спросил, почему разыскивается Освальд, Фритц ответил: «Он служил в складе учебников и его не было, когда делали перекличку служащих». Хилл сказал: «Капитан, ехать не нужно... вот он там сидит».

ЗАЯВЛЕНИЕ ОСВАЛЬДА ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Допрос Освальда продолжался с перерывами, приблизительно 12 часов — с 2 часов 30 минут дня 22 ноября и до 11 часов утра 24 ноября. Во время всего этого допроса он отрицал, что имеет какое-либо отношение к убийству президента Кеннеди или убийству полицейского Типпита. Проводил этот допрос главным образом капитан Фритц из бюро по убийствам и грабежам, но он не делал никаких записей. Не производилось также ни стенографической записи, ни звукозаписи на магнитофоне. На допросах присутствовали также представители других учреждений, включая ФБР и Секретную службу.

Вечером 22 ноября далласское полицейское управление произвело криминалистическое исследование парафином рук и правой щеки Освальда, делая, очевидно, попытку определить научным путем, стрелял ли недавно Освальд из какого-либо оружия. Поскольку исследование касалось рук, результаты были положительными, а для щеки — отрицательными. Согласно заключению данному Комиссии экспертами, когда нужно определить, стреляло ли какое-либо определенное лицо из винтовки или револьвера, на парафиновое исследование полагаться нельзя. Поэтому Комиссия и не приняла во внимание произведенное далласской полицией парафиновое исследование.

Во время допроса Освальд сообщил немного сведений. Однако часто ему предъявлялись улики, по поводу которых он не в состоянии был дать никаких объяснений, и делал заявления, ложность которых была очевидна.

С самого начала Освальд отрицал, что у него имелась винтовка. 23 ноября Фритц предъявил ему доказательства того, что он купил винтовку под вымышленным именем «Хиделл». Освальд заявил, что это — неправда. Освальд отрицал также, что у него была винтовка, и утверждал, что после своего выхода из Корпуса морской пехоты он стрелял только из малокалиберной винтовки 22 калибра. Днем 23 ноября полицейские получили ордер на обыск и осмотрели вещи Освальда в гараже Пэйнов. Они

обнаружили две фотографии. На каждой из них Освальд был изображен с винтовкой и револьвером. Эти фотографии были показаны Освальду дважды: вечером 23 ноября и утром 24 ноября. По словам Фритца, Освальд заявил с усмешкой, что фотографии эти — поддельные, что накануне полиция фотографировала его несколько раз, что она наложилась на эти фотографии винтовку и револьвер. Он несколько раз заявлял Фритцу, что меньшая фотография была перенята с большей или что большая фотография была перенята с меньшей, и что в свое время он докажет, что эти фотографии — поддельные. Фритц сказал ему, что две маленькие фотографии были найдены в гараже Пэйнов. После этого Освальд отказался отвечать на какие бы то ни было дальнейшие вопросы. Как было указано выше, Марина Освальд показала, что она сделала оба эти снимка принадлежавшим ее мужу аппаратом Империл-рефлекс, когда они жили в Нили-отрит. Ее показание было полностью подтверждено экспертом по фотографиям, который заявил, что, по его мнению, фотографии эти — не фотомонтаж.

На первом допросе Освальд утверждал, что единственным его преступлением было незаконное ношение оружия и оказание сопротивления при аресте. Когда капитан Фритц спросил его, почему же он носил револьвер, Освальд ответил: «Ну, вы знаете о пистолетах! Просто носил — вот и все!» Он лгал, утверждая, что купил этот револьвер в Форт-Уорте, тогда как на самом деле он купил его по почте у одной фирмы в Лос-Анжелосе.

Арестовавшие Освальда полицейские нашли в его бумажнике подделанную карточку военнообязанного с фотографией Освальда и именем «Алек Дж. Хиделл». 22 и 23 ноября Освальд отказался сказать Фритцу, почему у него оказалась эта карточка, а также отказался отвечать на какие-либо вопросы относительно этой карточки. Утром, в воскресенье 24 ноября, Освальд отрицал, что знал А. Дж. Хиделла. Когда капитан Фритц предъявил ему карточку с именем «Алек Дж. Хиделл», Освальд раздраженно заявил: «Слушайте, я сказал вам все, что намеревался сказать относительно этой карточки в моем бумажнике; эта карточка у вас, и вы знаете о ней столько же, сколько и я». При последнем допросе 24 ноября он сознался почтовому инспектору Холмсу, что арендовал почтовый ящик № 2915 в Далласе, но отрицал, что получил на этот адрес посылку, адресованную Хиделлу. Он отрицал также, что получил по этому адресу винтовку. Холмс напомнил Освальду, что почтовый ящик 30061 в Нью-Орлеане был также записан на А. Дж. Хиделла как на лицо, имеющее право получать почту. Освальд ответил: «Об этом я ничего не знаю».

Когда его спросили, почему он жил в меблированных комнатах под именем О. Х. Ли, Освальд ответил, что хозяйка просто сделала ошибку, так как он сказал ей, что его имя — Ли, не имея в виду фамилии. При проверке регистрационной книги меблированных комнат было установлено, что в действительности Освальд сам расписался именем О. Х. Ли.

Придя к заключению, что утром 22 ноября 1963 г. в бумажном мешке Освальда находилась винтовка, Комиссия установила, что Освальд лгал, когда говорил, что возвращается в Ирвинг, чтобы взять палки для занавесок. Когда его спросили об истории с этими палками, Освальд солгал опять. Он отрицал, что когда-либо просил довести его до Ирвинга для того, чтобы он мог взять палки для занавесок в своей квартире. Когда ему сказали, что его видели несущим длинный тяжелый пакет, Освальд ответил: «Очевидно, они ошиблись. Это они видели меня в другой раз». На одном из допросов он сказал Фритцу, что сверток, который он взял с собой в тот день на работу, был сверток с завтраком, и что он держал его у себя на коленях на пути из Ирвинга в Даллас.

При первом допросе 22 ноября Фритц просил Освальда указать, где он был, когда были произведены выстрелы в президента. Освальд сказал ему, что он завтракал в столовой на первом этаже, а потом поднялся на второй этаж за бутылкой кока-колы, которую унес вниз.

Он подтвердил, что на втором этаже он столкнулся с полицейским. Освальд сказал Фритцу, что после завтрака он вышел из помещения, поговорил 5 или 10 минут с десятником Биллом Шелли, а затем отправился домой. Он сказал, что ушел с работы, потому что Билл Шелли сообщил, что в этот день больше никакой работы в здании не будет. Шелли отрицал, что видел Освальда после полудня или в какое-либо другое время после стрельбы. На следующий день Освальд сделал добавление к этой истории. Он заявил, что в то время, когда были произведены выстрелы в президента, он завтракал с одним парнем по кличке «Молодой», но фамилии его не сообщил. Единственным служащим в здании склада учебников, которого звали «Молодым», был Джеймс Джармэн. Джармэн показал, что он завтракал на первом этаже, приблизительно без пяти минут двенадцать, но Освальда не видел. В тот день Джармэн говорил с Освальдом утром. Комиссия он показал:

«...Он спросил меня, почему за углом собираются люди, и я сказал ему, что утром должен проехать президент, а он спросил меня, знаю ли я, каким путем он поедет, и я сказал ему — да, он, вероятно, проедет по Мэйн-стрит и повернет на Хьюстон-стрит, а затем опять назад на Элм-стрит. Тогда он сказал: «Так, понимаю». И это было все».

ПРЕДЫДУЩЕЕ ПОКУШЕНИЕ НА УБИЙСТВО

Генерал-майор Эдвин А. Уокер, житель Далласа, стал после своего ухода в отставку из армии США в 1961 году известной и противоречивой фигурой в американской политической жизни. Около 9 ч. вечера 10 апреля 1963 г., когда Уокер сидел у себя дома за письменным столом, мимо его головы пролетела пуля, выпущенная из винтовки кем-то на улице. Очевидцев не было, но четырнадцатилетний мальчик в соседнем доме утверждал, что немедленно после выстрела он видел двух людей в отдельных автомашинах, выезжавших со стоянки автомобилей у церкви, находящейся рядом с домом Уокера. Один из друзей Уокера показал, что за два дня до этого, вечером, он видел около дома «двух мужчин, заглядывавших в окна». Генерал Уокер сообщил эти сведения полиции еще до покушения, но это не помогло раскрытию преступления. Хотя пуля и была найдена в доме Уокера, при отсутствии оружия она имела небольшую следственную ценность. Покушение на жизнь Уокера осталось нераскрытым до 3 декабря 1963 г.

При рассмотрении вопроса о том, был ли выстрел, которым чуть не был убит генерал Уокер, произведен Ли Харви Освальдом, Комиссия произвела оценку следующих данных: 1) записки, оставленной Освальдом своей жене вечером в день покушения, 2) фотографий, найденных среди вещей Освальда после убийства президента Кеннеди, 3) опознания пули, найденной в доме Уокера, и 4) признаний и заявлений Освальда своей жене Марине относительно этого покушения.

2 декабря 1963 г. г-жа Рут Пэйн передала полиции некоторые принадлежавшие Освальду вещи, среди которых была книга на русском языке, озаглавленная: «Книга полезных советов». В этой книге была вложена записка на русском языке, без даты. Эта записка гласит следующее:

«1. Эта ключ почтовый ящику почтам главным, находится городу, на улице еР-ЖАЫ тот же улице где аптека где ты всегда стояла. 4 блоков от аптека на эту улицу к почтам там найдешь наш ящик. Я платил за ящику прошем месяце так ты не переживай об этом.

2. Посылай посольстве информации что со мной случилось и тоже отрезай из газета, (если в газета что-нибудь о мне пишет) я думаю что посольство быстрее тебе поможет когда знаю все.

3. Я платил за дом на 2ой часло так не переживай об эта.

4. За води и газ тоже платил недавно.

5. возможно что денги с равоту будег, они посылают нашу ящику на поч-

тат. пойдеш банк и по-меняет шек на деньги.

6. мои одежда где то можши выбросить или отдат не сохрани их на маи бумаги лични (военный, заводской и т. д.) Я предпочитаю ты дериц.

7. Некоторый мои документы находятя в синей маленький чемодане.

8. Адрессаваа книга на мои столе кабинету исли тебе нада.

9. Тут ест у нас друзей и Красный Крест тоже тебе помогут (Red Cross по-английски).

10. Я оставил тебе деньги как много так я мог, 60 на 2-ой число, и ты и Джун можит жит на 10 недели, еще 2 месяцы.

11. Если я жив и взят мне пленником, городской тюрьмы находится на конце том мост через который ты всегда ежала, когда ехала в городу. (самым начала городу через мост)»*

До покушения на Уокера 10 апреля Освальд посещал вечерние курсы машинописи — по понедельникам, вторникам и четвергам. По крайней мере за неделю до покушения, которое было совершено в среду вечером, Освальд прекратил эти занятия. Согласно показаниями Марины Освальд, в тот вечер, когда состоялось покушение на Уокера, ее муж ушел из их квартиры на Нили-стрит вскоре после обеда. Она думала, что он пошел на курсы или «по делу». Ввиду того, что он не вернулся около 10 ч. или 10 ч. 30 м. вечера, Марина Освальд пошла в его комнату и обнаружила вышеприведенную записку. Она дала следующие показания: «Когда он вернулся, я спросила его, что случилось. Он был очень бледен. Я точно не помню, когда это было, но было очень поздно. Он сказал мне, чтобы я не задавала ему никаких вопросов. Он сказал мне только, что стрелял в генерала Уокера». Освальд сказал своей жене, что не знает, попал ли он в Уокера. По словам Марины Освальд, когда он узнал на следующий день из сообщений по радио и из газет, что промахнулся, он заявил, что ему «очень жаль», что он не попал в него. Показания Марины Освальд вполне подтверждаются самой запиской, которая была, очевидно, написана человеком, думавшим, что он будет либо убит, либо арестован, либо скроется.

Признания, сделанные Марине ее мужем — важный фактор при установлении того обстоятельства, что Освальд стрелял в Уокера. Как выше указано, записка Освальда и фотографии дома Уокера и близлежащего железнодорожного полотна дают важное подтверждение ее показаниям о данном инциденте. Другие, описанные Мариной детали, совпадают с фактами, установленными независимо от ее заявлений. Она показала, что ее муж отложил покушение на жизнь Уокера до среды, потому что узнал, что в этот вечер будет собрание в церкви, находящейся рядом с домом Уокера. Он сказал жене, что хотел, чтобы во время совершения покушения по соседству было больше людей, и что бы, таким образом, его прибытие и отбытие не вызвали бы большого внимания.

Другой случай угрозы со стороны Освальда по адресу видного общественного деятеля относился к бывшему вице-президенту Соединенных Штатов Ричарду М. Никсону. В январе 1964 г. Марина Освальд и ее поверенный Джеймс Мартин сказали Роберту Освальду, брату Ли Харви Освальда, что однажды Освальд угрожал застрелить бывшего вице-президента Ричарда М. Никсона. Когда Марина Освальд давала Комиссии показания 3—6 февраля 1964 г., в ответ на вопрос, выражал ли Освальд враждебность к какому-либо должностному лицу Соединенных Штатов, она не упомянула об этом эпизоде.

11 июня 1964 г. Марина Освальд снова была вызвана в Комиссию, и показала, что за несколько дней до отъезда ее мужа из Далласа в Нью-Орлеан, 24 апреля 1963 г., он прочел утреннюю газету... «и затем надел свой хороший костюм. Я видела, как он взял пистолет. Я спросила его, куда он идет и почему он так приоделся. Он ответил: «Прибывает Никсон. Хочу пойти и посмотреть». Он

* Примечание редактора: Эта записка Освальда печатается с сохранением орфографии автора.

сказал далее, что пустит в ход пистолет, если будет возможность. Она напомнила ему, что после покушения на Уокера он обещал никогда больше такого не повторять. Марина Освальд описала последовавшие затем события:

«Я позвала его в ванную комнату, закрыла дверь и хотела остановить его, а потом начала плакать. И я сказала ему, что он не должен этого делать, что он обещал мне не делать этого.

...Я помню, что я держала его. Мы фактически боролись несколько минут, а потом он успокоился».

Револьвер Освальда был отправлен ему из Лос-Анджелеса 20 марта 1963 г., а 24 апреля 1963 г. Освальд выехал в Нью-Орлеан. Между 1 января 1963 г. и 15 мая 1963 г. ни в какой из даласских газет не упоминалось ни о каком предполагаемом визите Никсона в Даллас. Никсон сообщил Комиссии, что в 1963 г. он был в Далласе только один раз — с 20 по 21 ноября 1963 г. Произведенным расследованием не было обнаружено никакого приглашения, которое было бы адресовано Никсону в течение того периода, к которому, как утверждали, относилась угроза Освальда. Поэтому Комиссия пришла к заключению, что, независимо от того, что мог Освальд сказать своей жене, в действительности он не собирался в то время стрелять в Никсона в Далласе.

Марина Освальд допускает мысль, что Освальд вовсе и не имел намерения убивать вице-президента. Она сказала:

...«Может быть, он просто хотел испытать меня. Это был человек, который мог причинить боль и таким образом. Возможно, что он совсем и не собирался куда-то идти, а просто рассматривал все это как своего рода шутку, может быть, не совсем как шутку, а скорее просто, чтобы причинить мне боль, расстроить меня».

При отсутствии каких-либо других доказательств того, что Освальд действительно намеревался застрелить кого-либо в то время, Комиссия пришла к заключению, что описываемый Мариной эпизод не имеет никакой доказательной силы в заключении Комиссии относительно личности убийцы президента Кеннеди.

ПОСЛЕ АРЕСТА

После ареста Освальда центральным пунктом здания полиции и суда оказался третий этаж, где находились главные отделы полицейского управления Далласа. Между комнатой для печати и вестибюлем размещены помещения бюро по расследованию убийств и грабежей, возглавляемого капитаном Фритцем.

Полицейские, арестовавшие Освальда в кино «Техас», доставили его в здание полицейского управления около двух часов дня прямо на третий этаж в помещение бюро, где стали ожидать приезда капитана Фритца из Техасского склада школьных учебников. Минут через 15 или 20 Освальд был введен в кабинет капитана Фритца и подвергнут первому из нескольких предстоявших ему допросов. В 4 ч. 5 м. пополудни Освальда провели в подвальное помещение для обыска и установления личности. В карманах его было обнаружено 5 патронов и другие предметы, отобранные впоследствии полицией. После установления личности, примерно в 4.20, Освальда снова подняли на третий этаж, и капитан Фритц возобновил допрос. Через два часа, в 6 ч. 20 м. пополудни, Освальд опять был проведен вниз для вторичного опознавания, продолжавшегося 15 минут, и затем возвращен в кабинет Фритца для дополнительного допроса. Вскоре после 7 ч. вечера капитан Фритц подписал официальное обвинение Освальда в убийстве полицейского Тип-пита. В 7 ч. 10 м. вечера в кабинет капитана Фритца явился мировой судья Дэйвид Л. Джонстон, официально известивший Освальда о предъявляемых ему обвинениях.

В 7 ч. 40 м. вечера, после третьей процедуры по опознанию его личности Освальд был снова доставлен в кабинет капитана Фритца. В 11 ч. 26 м. ночи Фритц предъявил Освальду обвинение в убийстве президента Кеннеди. Вскоре после полуночи детективы отвели Ос-

вальда в находящийся в подвальном помещении зал, чтобы показать его в течение нескольких минут представителям печати. Примерно в 12 ч. 20 м. ночи Освальд был передан в руки тюремного надзирателя, который поместил его в самую надежную камеру на пятом этаже. Камера эта находилась между двумя другими, отделенными от всех остальных. Камеры с обеих сторон той, в которой сидел Освальд, были пусты. Во время пребывания Освальда в этой камере около нее всегда находился надзиратель. Вскоре после 1 ч. 30 м. ночи Освальд был доставлен в бюро по установлению личности на четвертом этаже, где мировой судья Джонстон предъявил ему формальное обвинение на этот раз в убийстве Кеннеди.

Допрос Освальда в кабинете Фритца возобновился в субботу, примерно в 10 ч. 25 м. утра, и продолжался около 1 ч. 10 м. После этого Освальд провел час в своей камере и в 2 ч. 35 м. пополудни был снова доставлен в кабинет Фритца для добавочного допроса, продолжавшегося полчаса. Зачем в продолжение 20 минут Освальд имел свидание с женой и матерью в помещении для посетителей на четвертом этаже; в 1 ч. 40 м. пополудни он пытался вызвать по телефону адвоката в Нью-Йорке. В 2 ч. 15 м. он подвергся еще раз процедуре опознания. В 2 ч. 45 м. пополудни один из служащих бюро по установлению личности взял, с разрешения Освальда, пробу его ногтей и волос. В 3 ч. 30 м. пополудни Освальд был возвращен на четвертый этаж, где имел десятиминутное свидание со своим братом Робертом. Между 4 ч. и 4 ч. 30 м. пополудни Освальд дважды звонил в Ирвинг-г-же Рут Пэйн; около 5 ч. 30 м. пополудни его навестил председатель коллегии адвокатов города Далласа, с которым Освальд говорил около пяти минут. Между 6 и 7 ч. 15 м. вечера Освальд еще раз был допрошен в кабинете капитана Фритца и затем отправлен опять в свою камеру. В 8 ч. вечера он снова позвонил на дом г-же Пэйн и хотел поговорить с женой, но г-жа Пэйн сказала ему, что его жены там уже нет.

В воскресенье 24 ноября Освальд был выпущен из тюрьмы в 9 ч. 30 м. утра и доставлен в кабинет капитана Фритца на последний допрос. Освальд с приставленной к нему охраной покинул кабинет Фритца около 11 ч. 15 м. утра; в 11 ч. 21 м. Освальд был застрелен. В 1 ч. 7 м. дня из больницы Парклэнд было сообщено, что он умер.

ДОПРОСЫ

Освальда допрашивали, в общей сложности, около двенадцати часов, начиная с 2 ч. 30 м. дня в пятницу и, с перерывами, до 11 ч. 15 м. утра в воскресенье. Хотя в пятницу Освальд был подвергнут ряду перемежающихся допросов, длившихся в общей сложности более 7 часов, ночью ему была предоставлена возможность поспать 8—9 часов. В субботу его допрашивали всего 3 часа на трех допросах, а в воскресенье — меньше 2 часов.

Следователи расходятся во мнениях относительно того, проникло ли в кабинет Фритца и оказало ли какое-либо влияние на атмосферу допросов то замешательство, которое царило в главном коридоре третьего этажа. Толпы, сопровождавшие Освальда по коридору третьего этажа, по мнению Фритца, усиливали подавленное состояние Освальда, а замечания и вопросы журналистов иногда вызывали у него раздражение. Но, несмотря на преобладавший на допросах беспорядок, Освальд почти все время оставался спокойным. Капитан Фритц показал: «У меня не было с ним неприятностей. В тех случаях, когда мы говорили с ним спокойно, как говорим сейчас, у нас все шло хорошо, пока я не задавал ему вопроса, имеющего существенное значение. Каждый раз, когда я задавал ему вопрос, касавшийся какой-либо улики, он сразу же заявлял, что отвечать не будет; часто казалось, что он предугадывал мои вопросы».

(Продолжение следует)

КОЛОНКА СЛЕДОВАТЕЛЯ

Заместитель
Генерального
прокурора СССР,
Государственный
Советник юстиции
I класса Александр
КАТУСЕВ

Помню, как совсем еще недавно отдельные публикации в прессе расценивались моими коллегами далеко неоднозначно, а подчас вызвали бурное возмущение. Сегодня, однако, всем — и особенно нам, юристам, — ясно: только честный и непритворный разговор о наблевших проблемах правоохранительной системы способен вывести ее из застойного кризиса и бесповоротно перевести на рельсы перестройки.

Поэтому-то я и считаю, что писать о работе следователей обязательно надо. Писать и самим специалистам (в том числе и работникам прокуратуры), и профессиональным публицистам. Писать правду, какой бы подчас горькой она ни была. Но только правду!

Пусть в публикациях последнего времени появляются иногда шероховатости лихих обобщений, но, прочитанные беспристрастно, они дают более-менее правильную картину, обрисовывая контуры организованной преступности, само наличие которой недавно у нас гневно отрицалось. Да, свежо еще в памяти это совсем не веселое время фанфарного благополучия, всеобщего газетно-митингового ликования. Официальная раскрываемость преступлений едва ли не зашкаливала за сто процентов! Бравые милиционеры методично гоняли старушек, украдкой торгующих укропом, а министры внутренних дел Щелоков, не стеснясь, получал из рук своего первого заместителя Ю. Чурбанова золотые часы и золотую цепь, фактически похищенные из Гохрана и «писанные» на руководителя одного из восточно-европейских государств, к коему, конечно, не всякий может обратиться для выяснения истины. Казалось, что никому она и не была нужна, неудобная правда про «высокие игры».

В последние годы совместными усилиями правоохранительных органов к уголовной ответственности привлечены должностные лица, занимавшие в прошлом ответственные посты в партийных и советских инстанциях. Не открою «Америки», если отмечу, что ход ряда беспрецедентных расследований находился в прямой зависимости от происходящих в стране изменений. Они сопровождались не всегда видимой для общественности борьбой мнений, вынужденными компромиссами.

Да, власть без боя не отдают. Привлеченные к ответственности руководители, стоящие за ними кланы и их высокие покровители отстаивали и будут отстаивать свои жизненные интересы. Нельзя забывать об огромных награбленных ценностях. Это — потенциал круговой поруки, финансовое, так сказать, обеспечение защиты кастовых привилегий.

В наши дни, как мне кажется, очень важно отличать подлинно перестроечные процессы от имитации, словесной демагогии и лицемерия. Никто, конечно, не дерзнет сказать: «Перестройка — это плохо». Нет, все происходит завуалированно: плетутся интриги, вставляются палки в колеса тому или иному следствию. Административная Система предполагала проведение в жизнь всеми без исключения органами той политической линии, которая исходила от высшего руководства. И правовая структура обеспечивала достижение тех целей и задач и такими методами, которые определялись и были угодны «наверху».

Гласность пробила брешь в этой замшелой стене. Повысилась требовательность к проведению дознания и следствия, к суду. Многие «совершенно секретные» проблемы стали открыто обсуждаться.

Появление Бюллетеня «Совершенно секретно» мне кажется особенно актуальным именно сейчас, на начальном этапе становления правового государства. Насколько я знаю, нигде в мире еще не издавался подобный печатный орган, уделяющий в таком ракурсе столько места правовой и криминальной тематике. Хотелось бы, чтобы оно стало своеобразным зеркалом оздоровительного, очистительного процесса, придало бы новый осязаемый импульс борьбе за демократию и правопорядок, подняло бы гласность на новую ступень.

Ведь одновременно с положительными сдвигами в стране продолжает расти преступность, снижается раскрываемость преступлений. В первом квартале этого года в стране совершено — точнее, лишь зарегистрировано — 509 тысяч преступлений. Преступность возросла на 31,2 процента по сравнению с аналогичным периодом 1988 года. В том числе: убийства — на 30,5, разбои — на 85,3, грабежи — на 86,5, изнасилования — на 24, кражи — на 68,3 процента. При этом — официально! — взяточничество снизилось на 25,5 процента.

Что же происходит? Мы желаем изменить положение к лучшему, и вот уже на первом этапе — такой негативный эффект. По-моему, аналогичную картину можно наблюдать и в других сферах жизни. Возможность подобных явлений нельзя было сбрасывать со счетов. Что касается правовой системы, то здесь дополнительные сложности создает присущий ей по природе консерватизм. На снижение активности правоохранительных органов и рост преступности влияет, таким образом, целый ряд факторов, в том числе и субъективных.

Дело нужно и можно поправить. И здесь нам без еще более громкого голоса общественности, без подлинной гласности не обойтись. Без свободной, честной и ответственной прессы нам не создать правового государства.

ПИСЬМА
ИЗ ЗОНЫДмитрий ЛИХАНОВ,
обозреватель «Совершенно секретно»

Тогда Петр
приступил к Нему и
сказал: Господи!
сколько раз прощать
брату моему,
согрешающему
против меня? до семи
ли раз? Иисус
говорит ему: не
говорю тебе: до семи,
но до седмижды
семидесяти раз.

Евангелие от Матфея

Никто

Прежде эти письма миллионами хоронили в редакционных архивах, да еще приписывали на конверте две буквочки-закорючки, буквочки-табу, прокаженные буквочки «з.к.», что означало «заключенный».

На письма эти никто не давал ответа. Потому что все, кто писал оттуда, считались не нашими — чужими. И мы хоронили их судьбы в пыльных архивах.

Но письма шли и шли. И с каждым годом их становилось все больше. И не только потому, что многие годы полнились людьми колонии и тюрьмы, но потому, главным образом, что общественное самосознание проникло, наконец, и за заборы с колючей проволокой, а все мы отчетливо осознали: сотни тысяч заключенных, это не что-то абстрактное и не наше, но неотъемлемая (хоть и горькая) часть нынешнего бытия.

О них и речь. Их письма отныне в полный голос, без купюр, зазвучат в нашем издании.

Ведь это та самая нить, которая в самые худшие часы и минуты связывает их с нами. И нас с ними.

Письмо первое — о письмах. Оно пришло ко мне от Павла Скалина из колонии № УГ-42/12, расположенной на родине великого Ломоносова, в Архангельской области.

«Мы, осужденные, или как нас, соблюдая приличия, называют — «временно изолированные от общества» с интересом и, увы, пока еще с недоверием относимся к перестройке, которая идет у нас на воле. И это потому, что в наших «не столь отдаленных местах» мало что изменяется пока в лучшую сторону. Политико-воспитательная работа как была на бумаге, так и осталась. Душа осужденного, его внутренний мир, причины, приведшие его сюда, — никого не интересуют. Отбыл наказание и иди... куда хочешь, а иди-то, порой, и некуда. За годы пребывания здесь человек теряет все связи с людьми, которые остались на воле и которые верят в тебя и ждут. И иной раз не сам осужденный виноват полностью в этом, но и «порядки», ограничения прав, которые бытуют в зоне. Ограничение на переписку — одно из них. К примеру, заключенному в месяц положено: на усиленном режиме — 3 письма, на строгом — 2 письма, на особом — одно письмо! Какое воспитательное значение имеет ограничение письменных сношений с родственниками, близкими, друзьями, отсюда, из зоны, нам, «временно изолированным», — непонятно. Сюда, в зону, можно писать неограниченно, а отсюда — лимит. Но ведь каждое письмо подразумевает ответ, а его при всем желании не всегда можно дать своевременно. Родители живут в одном городе, жена с детьми в другом, сын служит в армии... Адреса разные. И как тут всем ответить, чтобы не обидеть молчанием, с кем лишний раз (а может, и далеко не

лишний) посоветоваться, поделиться думами, надеждами? Тем более, что та обстановка, в которой мы здесь находимся, не располагает к откровению: святое и близкое держат здесь в «дальнем углу» души, очень редко «допуская» в нее кого-то из своих «собратьев» по несчастью.

Так вот и получается, что письмо — единственная в таких условиях форма духовного общения. Выходит, люди, которые внесли в какой-то циркуляр положение о лимите на письма осужденных, руководствовались только карающими, режимными соображениями, не думая о том, какой это мощный моральный рычаг в формировании самосознания, в воспитании оступившегося человека.

Словом, в человеке можно не только воскрешать дух, но и убивать его, разрешая ему переписку только в соответствии с «режимом содержания» и не давая ему «вылить» душу хотя бы в письме к близкому в любой момент, когда он чувствует в этом необходимость.

Вот такие дела пока у нас с письмами: лишний раз ждущей тебя жене «люблю» не напишешь! Никакие деньги, высылаемые в семью отсюда, этих слов не заменят. Деньги можно высылать сколько угодно, а лишнее доброе слово — нельзя! Парадокс! И мириться с этим нельзя, тем более сейчас...

Редакция «Совершенно секретно» рассчитывает получить ответ соответствующих организаций и ведомств о порядке переписки заключенных.

Со своей стороны мы полагаем, что ограничение переписки не есть «форма воспитательной работы», — особенно среди молодежи.

ДОПУСК ЗАКРЫТ

*Ректор Заокской духовной семинарии
Церкви Адвентистов Седьмого дня
Михаил КУЛАКОВ беседует с
обозревателем «Совершенно секретно»*

— Знаете, Михаил, вспоминая наше недавнее прошлое, ловлю себя на мысли, что идеи гуманизма, благотворительности, милосердия, которые постепенно входят в наше общественное сознание, не скоро еще дойдут до каждого сердца. Ведь сколько лет они вытравливались у нас как опасная болезнь. Увы, горе-врачеватели от идеологии добились хороших результатов. Ну скажем, у многих ли даже сегодня вызовет сострадание хулиган, бандит, убийца?

— Да нет же, конечно. Абсолютное большинство возопит «распни его!», да еще потащит к эшафоту. А ведь прежде было иначе.

В России до революции перед тем как отправлять заключенных на этап, их вели сначала по главным улицам. Но не для устрашения и не ради унижения это делалось, а дабы вызвать сочувствие окружающих, дать им возможность поделиться с ними едой ли, одеждой ли, добрым словом. Глубококонрастные традиции эти со временем действительно были подменены неким эрзацем морали, лишавшей преступника не только гражданских, но и человеческих прав, уничтожающей в нем Человека. И мало кто задается при этом простым вопросом: да, человек стоит на пути зла, но ведь он когда-то был другим, и у него был или еще будет шанс стать на путь истинный. Почему этого не случилось? Почему мы от человека — лишь попал он за решетку — сразу же отступились?

— Значит не отступаться? Но как? Ведь преступивший закон изолирован от общества колючей проволокой, заборами, собаками, режимом. Неужели дожидаться, пока искалеченный физически и нравственно, он выйдет оттуда? Да и нужна ли ему будет тогда наша помощь?

— Согласен. И поэтому нам нужно преодолеть заборы и колючую проволоку самим.

Четыре года я учился на богословском факультете колледжа Ньюболд, что расположен в сорока минутах езды от Лондона. Недалеко от нашего колледжа находилась Бродморская тюрьма — одна из самых секретных и известных своими преступниками тюрем. И вот студенты нашего колледжа организовали специальную группу для общения и помощи заключенным этой тюрьмы. Мы выбрали старшего, и он от имени администрации колледжа списался с администрацией Бродмора. Тамешние психиатры составили список готовых к общению и встречам заключенных, указали их наклонности, интересы, хобби. Все это помогло хотя бы приблизительно представить, с кем ты будешь иметь дело.

По субботам, после обеда наша группа из четырнадцати человек садилась в микроавтобус и отправлялась в Бродмор.

Моим подопечным оказался журналист, бывший сотрудник английской газеты «Таймс» пятидесятилетний Барри Стоун, осужденный на длительное тюремное заключение за убийство полицейского. Ко дню нашей встречи он пробыл в Бродморе уже семнадцать лет. За это время он потерял всех своих друзей, от него отшатнулись родные.

Видели бы вы, как он ждал нашей встречи, какие были у него при этом глаза? Надо сказать, что в заключении Барри выучил русский язык, правда, изъяснялся на нем из рук вон плохо. И вот именно он, как это ни странно, посоветовал мне в то время прочесть «Доктора Живаго», и дал мне роман на русском.

Мы встречались в тюремном кафе — очень уютном и каком-то домашнем. Он входил — сутуловатый и чисто выбритый, держа в руках словари и книги. Спрашивал нас о России, просил объяснить те или иные значения русских слов. Несколько раз мы прогуливались по парку, заходили в кафе и пили пепси-колу с жареным картофелем. Побывали в его камере с небольшой библиотекой и телевизором.

Я старался не думать, что он преступник, убийца, я хотел увидеть в нем Человека, и, мне кажется, Барри чувствовал это; его застоявшаяся тоска, переполнявшее его одиночество раз от раза таяли, как весенний лед.

— Да, но ведь это все там, у них. Я с трудом представляю себе, чтобы наших студентов вот так запросто пропускали бы каждый выходной в колонию усиленного режима, позволяли гулять и пить кока-колу в «кафе» с заключенными.

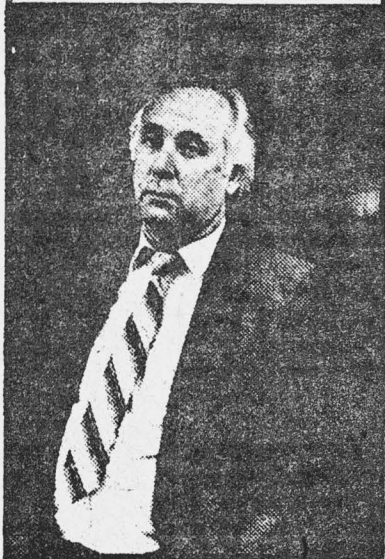
— Верно. Покуда лагерная администрация в нашей стране больше руководствуется соображениями режима, а не гуманности. Приведу пример: несколько наших молодых единоверцев попытались встретиться с заключенными одной из мурманских колоний. С этими заключенными они, впрочем, были знакомы и прежде по длительной переписке. Но сколько же мытарств и проверок им пришлось пройти, чтобы добиться обычного свидания. Но, что самое интересное, администрация колонии ну просто никак не могла и не хотела понять, зачем просят свидания с заключенными не родственники даже, а почти незнакомые люди. Им это казалось подозрительным!

Верующие нашей церкви уже несколько лет в меру своих сил и возможностей пытаются облегчить тяжелую участь осужденных. Мы ведем с ними постоянную переписку, после освобождения подыскиваем им работу, протягиваем руку помощи в трудные часы и минуты. Одна из наших женщин после долгой переписки с заключенным вышла за него замуж, и теперь у них счастливая семья. Но все это лишь частные случаи. Допуск в зону благотворительности у нас пока закрыт. И это касается не только нашей церкви.

— Видимо, преградой тому служит все та же бюрократическая «богобоязнь»: мол, пусть сегодня в зону верующих с их благотворительностью, милосердием, завтра «эски» будут штудировать Библию, пусть лучше ни во что не верят или верят сатане, но только не Богу...

— Но ведь в больницах верующих уже допустили. И ничего страшного, как видите, не произошло. И потом... Пусть уж лучше он прочтет Библию и, может быть, очистится от скверны и порока, нежели, переполненный злом и отвергнутый обществом, вновь пойдет насиловать и убивать.

«За годы пребывания здесь человек теряет все связи с людьми, которые остались на воле и которые верят в тебя и ждут. И иной раз не сам осужденный виноват в этом, но и «порядки», ограничение прав, которые бытуют в зоне. Ограничение на переписку — одно из них. К примеру, заключенному в месяц положено: на усиленном режиме — три письма, на строгом — два письма, на особом — одно письмо! Какое воспитательное значение имеет ограничение письменных сношений с родственниками, близкими, друзьями, отсюда, из зоны, нам, «временно изолированным», непонятно».

ОТВЕТЫ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИНачальник
Уголовного розыска
страны
Вячеслав
ПАНКИНМесто
встречи
изменить
можно

Вопрос: Что Вы считаете главной причиной роста преступности в нашей стране?

Ответ: Должен согласиться с мнением ведущих наших писателей и публицистов: причина — в сохраняющемся социальном неравенстве в обществе.

Вопрос: Понятно, что ликвидировать социальное неравенство, поднять жизненный уровень в стране — задача сложнейшая, и решать мы ее будем еще много лет. Так что же, все эти годы преступность будет расти?

Ответ: Давать лозунговые обещания — не в моем характере. Скажу лишь, что мы делаем все, что можем, используя все средства, которыми располагаем. Нашей работе беспорочно помогают развитие демократии и гласности. Мы очень многого ждем от совершенствования (причем, незамедлительного) экономического механизма в нашей стране.

Вот еще одно соображение. Когда по телевидению показывают популярные детективные сериалы, преступность в городах и селах падает на 60 процентов. В тех городках и районах, где по-настоящему работают библиотеки и клубы, и юноши и девушки всегда могут получить то, что они действительно хотят читать (а книги эти на черном рынке стоят по 80—100 рублей), преступность значительно ниже, чем там, где местные руководители только митингуют, а на деле как не занимались, так и не занимаются развитием социального-культурного сектора. А ведь исправить положение в этой сфере при желании можно очень быстро, — не за годы даже, за месяцы.

Искусство и литература облагораживали человека во все времена.

Москва. 1984 год.
Протазанов

Он протянул руку, и пальцы мягко вошли в зеленую палочку. Он знал, что мягкость эта обманчива, склизкие нити податливы, но прочны, что стоит только расслабиться, как палочка забьет нос, залепит глаза.

Он подошел к окну и увидел в темном стекле свои расширенные зрачки. Он почему-то вспомнил, как год назад в последний раз ездил в Урджар за маком. В памяти всплыл сероглазый варик*. Говорили, что он один из лучших в городе. Так оно, наверно, и было...

...7 ноября 1984 года в подмосковном городе Видное был обнаружен труп молодого мужчины без пальто, брюк, туфель. На теле отсутствовали какие-либо следы насилия. Экспертиза показала, что смерть произошла из-за переохлаждения. При вскрытии в организме покойного был обнаружен сильный наркотик. Труп опознали быстро. Имя человека — Владимир Протазанов. Леонов, по кличке «Гаденыш», был последним, кто видел Протазанова живым. Он предположил, что с Протазановым рассчитались московские наркоманы.

Усть-Каменогорск.
19 ноября 1979 года.
Данилов.

Ровно в 18 часов 10 минут к ювелирному магазину «Янтарь» подъехала спецмашина. Инкассатор Фаизов пошел за дневной выручкой: двадцать восемь тысяч пятьсот сорок рублей. Инкассаторы Коротков и Тарасов заехали во двор и остановились, как всегда, недалеко от металлических контейнеров для мусора, напротив запасного выхода из магазина. Открылась дверь, вышел Фаизов с инкассаторской сумкой. Он успел сделать всего несколько шагов, из-за контейнеров раздался характерный звук автоматной очереди.

В следующий миг невидимый преступник в упор расстрелял машину инкассаторов. Очередь про-

шила Тарасова. Он скончался через несколько секунд. Только тяжело раненному Короткову удалось выбраться из машины. Стрельбы больше не было. Преступник, видимо, израсходовал все патроны. Деньги ему не достались. Двор заполнялся людьми...

(По заключению криминалистической экспертизы 22 гильзы, обнаруженные на месте происшествия, отстреляны из автомата АК-74 № 702666).

Преступник бросился в сторону кинотеатра «Орленок», выкинул на ходу автомат, быстро миновал перекресток, сел на трамвай, доехав до остановки «Дворец спорта», пересел на автобус и благополучно добрался до дома. Переоделся и отправился в универсам. В парфюмерном отделе купил духи, покрутился в толпе, затем вернулся к магазину «Янтарь». Там было много милиции. Он постоял среди зевак, жално лоя обрывки разговоров.

Через день его задержали. Он признал себя виновным полностью. Давая показания следователю, в числе побудительных мотивов ограбления и убийства назвал фильм «Место встречи изменить нельзя». Дверь следственного изолятора захлопнулась за обвиняемым — Даниловым Александром Сергеевичем, 1958 года рождения, уроженцем города Барбинска.

Приметы: рост 175—177, средней полноты, лицо прямоугольное, бледное, пористое, брови дугообразные, низкие, глаза голубые, на подбородке ямка, уши оттопыренные, мочки спросишся, волосы светло-русые.

Особая примета: на верхней губе небольшой вертикальный шрам. Может носить усы.

Усть-Каменогорск.
Апрель 1988 года.
Рябоконе.

Он скомкал в руке повестку вызова в милицию. Зачем вызывают? Неужели опять начнут таскать? Чувствовал, что прописка — только предлог, разговор пойдет о другом. Да и какой там разговор! Допрос. Значит, подумал Рябоконе, снова Данилов, нашла его, что ли?

...Сбиваясь, путаясь, он все же вспомнил, как однажды, в 79-ом, на квартире у Бабка, куда зашел, чтобы сделать внутривенную ин-

ъекцию наркотика, заметил на кухне светловолосого парня в солдатской форме, Сашу Данилова.

— Откуда вы узнали, что нападение на инкассаторов совершил Данилов? — спросил следователь.

— Из газет. Его по телевизору показывали.

Как вы оказались в момент преступления у магазина «Янтарь»?

— Случайно проходил мимо. Слышал выстрелы, видел, как приехала милиция. Сразу взял такси и ушел домой.

Почему? Потому что у меня был пакет с наркотиком, и я боялся... Сын прокурора области Рябоконе по кличке «Прокурор» любил пострелять. Недостатка в оружии не испытывал, благо отцовский пистолет был всегда под рукой. На машине УВД он не раз ездил на охоту. Часто брал с собой приятелей, в том числе и Протазанова, сына первого секретаря обкома партии.

...Обвинительное заключение по делу № 2011 о злодейском нападении на инкассаторов утвердил прокурор области, государственный советник юстиции 3-го класса Рябоконе. Отец «Прокурора»... Версия о соучастии в «деле» Рябоконе и Протазанова не отработывалась.

Усть-Каменогорск.
10 сентября 1979 года.
Данилов.

Рядовой Кузнецов скучал. Он мерил шагами территорию объекта: туда — обратно, туда — обратно. Поравнявшись с оградой, заметил незнакомого парня в зеленой штормовке — почти ровесника, наверно, одного призыва.

— Перелезай сюда! — предложил Данилов. — У меня выпить есть.

— Сейчас, — отозвался Кузнецов и ловко перемахнул через ограду. Тяжелый автомат явно мешал солдату. Держать бутылку в левой было неудобно, и он протянул оружие Данилову: «Подержи». Все шло по плану. Он точно рассчитал силу удара. Кузнецов рухнул, как подкошенный, а когда пришел в себя, не было ни парня в зеленой штормовке, ни автомата АК-74 № 702666.

Усть-Каменогорск.
Ноябрь 1979 года.
Машенькин.

Автомат был надежно спрятан в проеме железнодорожного моста через Иртыш. Приятель Данилова выкрал из «учебки» патроны и прибор бесшумной стрельбы (ПБС). Оставалось только дожидаться удобного случая.

Данилов завидовал приятелям, которые разъезжали по городу на новеньких «Жигулях». «Была бы машина, а деньги найдутся», — говорил он сам себе. А тут как раз и подвернулся продавец. Бродя по рынку и расспрашивая, не продает ли кто машину, Данилов встретил Шунина.

Повезло тебе, парень, — улыбнулся Шунин. — Есть такой человек. Машина новая, «шестерка». И продает недорого.

В тот же день они поехали к Машенькину, который продавал новую «шестерку». Данилов сел за руль, повернул ключ зажигания и онемел от счастья.

Ни за что бы не продал, — сокрушался Машенькин, — если б не жена... Каждый день скандалит. Обиделась, что без нее машину обмыли. Ладно, отдам за одиннадцать тысяч двести. Подойдет?

Данилов протянул Машенькину сотню. Этот мизерный задаток не убедил продавца в серьезности намерений молодого покупателя. Вечером поехал к тестю Данилова, и тот подтвердил, что зять ведет переговоры с матерью о покупке машины, что деньги скоро будут.

16 ноября Данилов показал Машенькину телеграмму из Алма-Аты о приезде матери.

18 ноября приехала мать, но... деньги дать отказалась. «Заработай и покупай», — сказала она сыну.

19 ноября, около восьми часов вечера, Данилов зашел к Машенькину. Был он внешне спокоен, может быть, слегка бледнее обычного. Заходить в комнату не стал.

— Дядя! Слава, — сказал Данилов, — такие вот дела... Я от машины отказываюсь. Мне Вовка Протазанов достал другую. За свою цену.

Проводив Данилова, Машенькин вышел на кухню. В это время по телевидению передали экстренное сообщение о разбойном нападении на инкассаторов у магазина «Янтарь». Передали приметы преступника.

— Послушай! — вскрикнула жена Машенькина, — а не твой ли это покупатель?

— Да ты что! Не может быть! Ведь он только что заходил к нам...

Актюбинск.
Август 1980 года.
Следственный
изолятор.

Следствие тянулось почти год. Подшивались в дело свидетельские показания, похожие друг на друга, как копии. Следственную группу по расследованию убийства инкассаторов возглавлял областной прокурор Рябоконе.

Свидетели были единодушны: убегающий с места происшествия светловолосый парень был одет в зеленую куртку, серые брюки и вязанную спортивную шапочку малинового цвета. И только показания Ирины Ковелевой не вполне совпадали с другими. По ее словам, на бегущем была серая телогрейка, на голове было что-то надето, но не спортивная шапочка. «Когда нам показали ориентировку, — отметила Ирина, — я усомнилась в том, что там было написано. Там были совсем другие приметы...» Другая свидетельница, за несколько минут до выстрелов вошедшая в темный подъезд с остановленным лифтом, заметила в пролете между этажами парня и девушку. Они смотрели в окно. «Стреляют, что ли?» — спросила женщина. «Иди, куда шла», — грубо ответила девушка. Свидетельница подумала, что все это — и выключенный свет, и неработающий лифт, и пара у окна — имеет какое-то отношение к преступлению...

В камере следственного изолятора было около пятидесяти человек. Его никто ни о чем не спрашивал. А он молчал и никому не говорил ни слова. Потом не выдержал и рассказал все.

— Мне будет «вышка», мужики, — сказал, он притихшей камере. — А эти двое на воле гуляют, колются...

— Подожди паниковать, — утешали «строгачи» Нурисламов и Зинченко, — может, дадут максимальный срок. Отсидишь половину, а там видно будет.

18 августа, после обеда, рослый Данилов отшел в угол шуплого Гиззатова.

— Слушай внимательно, — Данилов говорил тихо, но в голосе его звучала угроза. — Помнясь со мной установочными данными, я пойду вместо тебя.

— Нет, — еще тише сказал Гиззатов, — в деле есть фотография. Ты русский, а я — казах... Узнают. Нет, — повторил он тверже.

Соглашайся, — Данилов подошел вплотную. — Я в долгу не останусь. А не согласишься, будет сам знаешь что, он показал на Нурисламова и Зинченко.

Гиззатов молчал, думая о чем-то своем. Кто знает, сколько дней до «химии»? А как делается это, он представлял.

Договорились? — Данилов почти перешел на шепот. — Неделю будешь молчать. Понял? Скажешь хоть слово, мои корешки с тобой рассчитаются.

Рано утром 19 августа дверь камеры открылась. Дежурный контролер назвал фамилию Гиззатова. Встал Данилов с венами и, обернувшись в дверях, помахал рукой.

* Тот, кто готовит наркотическую смесь (жаргон).

20 августа Зинченко и Нурисламов ушли на этап. А 21 августа Гиззатов написал заявление о том, что вместо него ушел Данилов.

Октябрьск. 19 августа 1980 года. Спецкомендатура.

В спецкомендатуре всем условно-осужденным выдали постельные принадлежности и расселили по комнатам. Данилов («Гиззатов») попил со своими соседями чаю. К ночи те стали укладываться спать.

— Ты чего, Федя,—спросил один,—спать не собираешься?

— Сейчас лягу,—ответил Данилов,—покурю только...

Утром, увидев, что «Федина» койка не смята, они сразу же догадались: ты-то — сбежал парень.

...На розыск особо опасного преступника были ориентированы все управления внутренних дел областей, где он мог появиться. На дорогах были выставлены за-

слоны. Внеочередным циркуляром Данилов был объявлен во всеобщий розыск.

Но след его затерялся.

1980—1989 годы. Поиск.

26 декабря 1980 года вдова водителя-инкассатора Тарасова написала заявление на имя тогдашнего министра внутренних дел Щелокова: «19 августа при загадочных обстоятельствах Данилов сбежал из актюбинской тюрьмы. Как это могло произойти? По имеющимся сведениям, 15 августа к нему на свидание из Алма-Аты приезжала мать. Кто ей дал знать, что ее сын-убийца в Актюбинске? Возможно, это адвокат, а скорее всего, кто-то из работников тюрьмы, помогавших ему бежать...»

Три года спустя в МВД поступает новое заявление вдовы, на сей раз уже на имя министра Федорчука: «... Я, вдова погибшего, требую найти виновника гибели мужа, провести расследование загадочных обстоятельств побега убийцы».

Проверялись десятки людей, имевших какое-либо отношение к Данилову, рассылались сотни запросов, опрашивались бывшие одноклассники, сокурсники и сослуживцы преступника. Никаких следов. Оперативно-розыскные мероприятия, проводимые МВД Казахской ССР, положительных результатов не дали.

Преступник мог жениться и взять фамилию жены. Но и эта версия при тщательной проверке не подтвердилась.

... В отделении милиции на станции Одесса-главная зашел человек. Постоял в нерешительности. Видно было, что он нездешний. Он вытер платком загорелый лоб, поправил ворот рубашки и сказал, что хочет видеть следователя: «Я опознал опасного преступника». Следователь достал чистый лист бумаги: «Пишите».

Человек, назвавшийся Гончаровым, уроженцем Кишинева, показал, что в 1981—83 годах в поселке Эдучанка Усть-Илимского района Иркутской области, работая сборщиком сосновой смолы в объединении «Иркутскхимлес», видел парня, похожего на разыскиваемого, фотографию которого узнал на стенде. Он уверен, что это был Данилов.

Оперативник поблагодарил Гончарова, обещал, что будут приняты все меры к розыску. Сам же положил заявление в папку и забыл о нем. Прошло пять месяцев.

...Мысль «что же дальше?» не давала Данилову покоя. Считаться по заброшенным участкам, связанным с Большой землей только вертолетными трассами, стало нестерпимо. Он знал, что жена вышла замуж за другого и поменяла фамилию, но не осуждал ее за это. Он гнал от себя ненужные воспоминания. Неужели за пределами этой пустоши существует другой мир? Люди сейчас, наверно, покончив с ужином, сидят у телевизоров и наслаждаются каким-нибудь эстрадным концертом или детективом. Ему же пора было возвращаться в промозглую темноту барака. Он закурил. Усть-Илимское озеро серым свинцом лежало перед ним. За мыслями не заметил, что навстречу шел человек. Что за черт! Милиционер. «Тихо, — сказал он себе, — стой спокойно, ты ему не нужен». Человек в форме, а это был участковый инспектор младший лейтенант милиции Анисимов, мельком взглянул на него и прошел мимо, в сторону поселка. Шел конец ноября 1983 года.

Когда спустя некоторое время Анисимову покажут фотографию Данилова, он сразу признает в ней встреченного у озера парня. Но Данилов будет уже далеко.

Не увенчались успехом и попытки найти Гончарова. Выяснилось, что все указанные им о себе сведения вымышленные.

В том же восьмидесяти четвертом похожого на Данилова человека видели на станции Казалинск Кызыл-Ордынской области, на станции Совгавань-Сортировочная Хабаровского края, в деревне Сартамаре Северо-Казахстанской области. 5 ноября 1984 года в 95-е отделение милиции обратилась жительница города Чебоксары, которая в октябре в горьковском кафе «Нижегородское» познакомилась с русоволосым голубоглазым парнем, с ямочкой на подбородке, по кличке «Даня»...

С тех пор его больше никто не видел.

Место следующей встречи с ним может быть любое, но она обязательно состоится.

... Данилова ищут. Данилова найдут.

(Литературная обработка материалов, представленных В. Панкиным, сотрудницей Бюлетеня «Совершенно секретно» Елены СВЕТЛОВОЙ).

Задержание провели...

лейтенант
Константин Демченко

ст. лейтенант
Александр Чиченёв

капитан
Андрей Фомин

ст. лейтенант
Владимир Абрамов

Они стали первыми сотрудниками Уголовного розыска, получившими 2000 рублей премии, — из специально учрежденного фонда Бюлетеня «Совершенно секретно».

Поздним субботним вечером 20 августа 1988 года в дом № 2 по улице Грибоедова в городе Саратове вошли двое неизвестных. В доме никого не было, кроме хозяйки — С. М. Балаева, руководителя городского объединения аттракционов. Угрожая оружием, бандиты потребовали у Балаева 10 тысяч рублей. Тот отдал им шесть, остальные пообещал передать на другой день.

21 августа на совещании у полковника милиции Татаринцева состоялось совещание группы задержания вооруженных преступников. Разработанный план предусматривал, к сожалению, лишь один «сценарий» развития событий, во всех остальных случаях участники группы должны были действовать, сообразуясь с обстановкой.

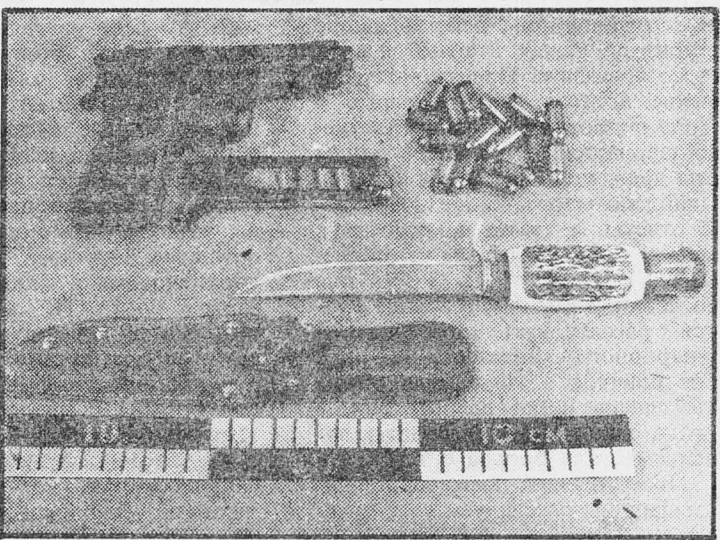
Результаты оказались плачевными. Воскресным днем на улицах Саратова разыгралась кровавая драма, в которой были все атрибуты современного детектива: погоня, стрельба, заложники, раненные и убитый... Бандитам удалось скрыться несмо-

тря на то, что в операции по их поиску было задействовано более пятисот сотрудников милиции, подняты по тревоге военнослужащие.

Были установлены имена преступников — М. Манджавидзе и Т. Рухадзе. Оба ранее судимые. Розыск долгое время не давал результатов.

10 марта 1989 года трое неизвестных, взломав дверь, проникли в квартиру К. (на Смоленской улице в Москве), занимающего высокое служебное положение. Они похитили радиоаппаратуру и другие ценности общей стоимостью на десять тысяч рублей. Сразу же после кражи воры были задержаны сотрудниками отдела по борьбе с квартирными кражами Московского уголовного розыска. У одного изъяли пистолет с четырнадцатью патронами, у другого — наган с десятью патронами и холодное оружие. Позже, при обыске на квартире, где останавливались преступники, обнаружили целый склад оружия, включая дымовые шашки, ручные гранаты, пистолет-пулемет...

Кражу совершили Манджавидзе, Рухадзе и Тушишвили. Используя поддельные документы, преступная группа разъезжала по стране, занимаясь вымогательством, разбоем, кражами.

WANTED

ДАНИЛОВ Александр Сергеевич, 1958 года рождения.

Приметы: рост 175—177, средней полноты, лицо прямоугольное, пористое, брови дугообразные, низкие, глаза голубые, на подбородке ямка, уши оттопыренные, мочки сросшиеся, волосы светло-русые. Особая примета: на верхней губе небольшой вертикальный шрам. Может носить усы.

Тому, кто задержит или поможет задержать его, — премия в размере

3000

рублей
из специального фонда «Совершенно секретно».

Телефоны: 239-72-14
239-66-17

«Wanted» — «разыскивается, требуется» — хорошо известный термин, который мы заимствуем из практики американских правоохранительных органов. Это обращение к населению, сопровождаемое объявлением о премии, часто оказывается эффективным средством борьбы с опасными преступниками.

ОТКАЗАНО
ДЛЯ
СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО

ФБР

Директор Федерального Бюро расследований Уильям СЕШЕНС

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Выпускник Бэйлорского университета, в прошлом — военный летчик, адвокат, прокурор и судья, Уильям Сешенс был заинтригован. К нему — ныне директору ФБР — обратился наш собственный корреспондент в США с просьбой рассказать о работе главного следственного ведомства США для читателей нового советского издания — Бюллетеня «Совершенно секретно».

Передавая нам этот материал, Уильям СЕШЕНС пожелал «Совершенно секретно» всяческих успехов, а на вопрос, верит ли он в более тесное сотрудничество между силами, борющимися с преступностью в СССР и в США, включая обмен новейшими достижениями науки и техники, ответил:

— О, да! Это очень важно. Если мы хотим покончить с такими явлениями, как терроризм, от которого, несомненно, страдают все, и торговля наркотиками, завоевавшая международный рынок, наши правоохранительные органы обязательно должны сотрудничать: обмениваться данными разведки, содействовать в выдаче лиц, замешанных в вышеперечисленных преступлениях, и следить за тем, чтобы и мы, и наши соседи соблюдали направленные против преступников законы.

ФБР: пять приоритетных программ

Что представляет собой ФБР сегодня? В 80-е годы нам во многом пришлось перестроиться: ведь преступления день ото дня усложняются, зачастую носят международный характер, и мы не имеем права отставать. Реорганизовать деятельность ФБР нас заставило стремление преступных организаций-синдикатов качественно изменить структуру своих операций, используя самую новую и сложную технологию (на ее приобретение идут деньги, полученные в результате террористических акций и незаконной торговли наркотиками). Даже преступные банды, традиционно действовавшие «по старинке», теперь стараются идти в ногу со временем. Представьте себе изумление агентов ФБР, которые в 1985 году подвели итоги трехлетнего расследования деятельности банды «ангелы ада»: при обыске у бандитов было найдено многотомное досье, деловые отчеты, а также компьютер с серьезным программным обеспечением.

В последние годы нам все чаще приходится расследовать преступления международного характера, и, хотя ФБР не новичок в этом деле, объем работы теперь резко возрос. Так, с 1982 года нашим приоритетным направлением стала борьба с терроризмом. Преступления международной наркомафии мы расследуем совместно

с Управлением по борьбе с наркотиками. Поворотным моментом в нашей деятельности стали 1984 и 1986 годы: согласно принятому Конгрессом новому законодательству, нам поручалось расследование террористических актов, жертвами которых становятся американцы за пределами США.

В компетенции ФБР — расследование более двухсот видов нарушений федеральных законов, но все же сейчас основные силы и средства мы сосредоточили на решении пяти национальных приоритетных программ. Это:

1. Борьба с терроризмом.
2. Борьба с незаконной торговлей наркотиками.
3. Борьба с организованной преступностью.
4. Деятельность иностранных контрразведок.
5. Борьба с «беловоротничковой» преступностью.

Наша программа по борьбе с преступниками в «белых воротничках», а именно, со служебными и другими правонарушениями, совершаемыми людьми с высоким социально-экономическим положением, весьма обширна. Мы расследуем должностные и финансовые преступления — такие, как махинации в банковской сфере, «компьютерное» мошенничество, сговор о фиксировании цен, нарушение законов об авторском праве (последнее, как мне известно, особенно всех интересует). К «беловоротничковой» преступности мы также относим нарушения закона в государственном, так сказать, масштабе: преступления фирм, выполняющих военные заказы, мошенничество в области медицины и «экологические» преступления.

ФБР: новейшая технология и научные достижения

Таким образом, сегодняшняя наша основная цель — не борьба с отдельными мелкими жуликами, а уничтожение крупных преступных организаций. Чтобы решить эту задачу, нужны новые эффективные методы.

Во-первых, теперь мы ведем долговременные, если потребуется — многолетние расследования (я уже упоминал, что дело «ангелов ада» заняло у нас три года). Во-вторых, мы стали более активно использовать осведомителей и тайных агентов, а также санкционированные законом средства электронного наблюдения. В-третьих, мы разрабатываем и совершенствуем программы, связывающие местные органы правопорядка с соответствующими органами штата, а также общегосударственными и международными организациями. И, в-четвертых, мы используем новейшую технологию и научные достижения, революционизирующие всю систему средств и методов борьбы с преступностью. Среди этих нововведений:

— Автоматизированные системы дактилоскопии с использованием экранной технологии;

— Генетический дифференциатор ДНА, могущий установить личность преступника по частицам кожи, крови или жидких частей тела, оставленных на месте преступления;

— Автоматизированные системы информации с искусственным интеллектом, способные обработать горы информации и распутать паутину преступления;

— Отнесение преступника к тому или иному поведенческому типу по уликам, оставленным на месте преступления.

ФБР против «ЭР-РУКН»

Ну что же, я, кажется, довольно воздал нашим программам и профессиональным секретам. Чтобы не быть голословным, расскажу об одном недавнем деле.

Поначалу казалось, что оно не выходит за пределы улиц Чикаго, но, распутывая его, мы предотвратили ряд преступлений, которые могли бы всерьез угрожать государственной безопасности. Вы, возможно, слышали о знаменитой банде «Эр-Рукн», но наверняка не знаете, какая у этой банды удивительная предыстория и что с ней в конце концов стало.

В 60-е годы некий Джефф Форт — подросток с южной окраины Чикаго — сколотил банду, назвавшую себя «Бродяги Блэкстоуна». На улицах родного города малолетние преступники промышляли грабежом, вымогательством и торговлей наркотиками, кроме того, в чикагской полиции за ними числилось более двухсот убийств. Чем старше становился Форт, тем большей власти он жаждал. Занявшись общественной деятельностью, Форт обнаружил при этом столько здравого смысла, что ему доверили часть миллионной субсидии, выделенной государством на борьбу с бедностью и профессиональное обучение. Как и следовало ожидать, деньги были использованы не по назначению — часть Форт прокутил, а на остальные основал объединение торговцев и поставщиков наркотиками, контролировавших большую часть рынка. И, конечно, угодил в тюрьму, но зато его «Бродяги Блэкстоуна» стали одной из самых влиятельных уличных банд в Чикаго.

Через четыре года, выйдя из тюрьмы, Форт реорганизовал свою банду наподобие мусульманской религиозной общины и назвал ее «Эр-Рукн», что в переводе с арабского означает «опора». Его империя наркотиков росла, росли и другие подпольные предприятия, пока в 1982 году его вновь не посадили в тюрьму — на сей раз по обвинению в распространении наркотиков. Форт, однако, умудрялся руководить своей бандой по телефону прямо из камеры. Каких только преступлений не совершали бандиты, повинувшись его зашифрованным приказам. Невольно, но он приказал им связаться с представителями правительства Ливии и, предложив услуги своей банды, намекнуть, что они готовы на любые террористические акты, если им хорошо заплатят.

Между тем и правоохранительные органы не сидели сложа руки. За разнообразные, характерные именно для этой банды преступления, им удалось арестовать отдельных ее членов. Но банда оставалась по-прежнему сильна. И вот, осенью 1982 года, члены правления общегосударственных правоохранительных органов, а также представители служб на местах собрались, чтобы решить, каким образом можно внедрить в банду своих людей и расколоть ее. В первом заседании принимали участие высшие чины чикагской полиции, прокуратуры США и Бюро по борьбе с пьянством, курением и огнестрельным оружием. Вскоре подключилось и ФБР, и образовалась специальная объединенная группа по борьбе с незаконной торговлей наркотиками. Им помогли сотрудники таможи и судебные исполнители.

Члены рабочей группы, объединив свои профессиональные навыки, два года держали банду «Эр-Рукн» в поле зрения и собирали улики. Установленное с разрешения суда подслушивающее устройство записало телефонные разговоры Форты, где он в общих чертах наметил, как связаться с правительством Ливии. Над государственной безопасностью нависла угроза. Поэтому была создана новая рабочая группа по борьбе с терроризмом, в которую вошли представители ФБР, полиции Чикаго и штата Иллинойс.

Общими усилиями двух рабочих групп нам удалось расшифровать сложный код, которым пользовалась банда «Эр-Рукн», и мы услышали, что они собираются приобрести новейшее боевое оружие и взрывчатые вещества.

Настала пора действовать. Через тайного агента нашего отделения в Чикаго мы «помогли» банде: продали им легкое противотанковое орудие — как раз такое, какое они хотели. А орудие это, надо сказать, было сделано на заказ: стрелять-то оно вовсе не стреляло, зато передавало радиосигналы через передатчик, который мы в него вмонтировали.

5 августа 1986 года радиосигналы привели нас к многоквартирному дому в южной части Чикаго. Пригодился ордер и на обыск и на арест. За своей противотанковой ракетой мы спустились в подвал и обнаружили ее на целом складе автоматов, гранат и ружей. Главарей банды арестовали в тот же день. Операция прошла без сучка, без задоринки. Для «Эр-Рукн», одной из самых жестоких банд в Чикаго, это было началом конца.

Мне кажется, эта увлекательная история дает довольно полное представление о том, чем же занимается сегодня ФБР. Повторю — мы боремся с терроризмом и торговлей наркотиками, «беловоротничковой» преступностью и сотрудничаем с правоохранительными органами всех стран мира, ибо наша цель — призвать преступников к ответу.

Материал подготовил наш собственный корреспондент в США Тристан ДЕЛ

Это — строки из публикуемого ниже предисловия генерала секретной службы Александра Орлова к его книге «Тайная история сталинских преступлений», написанной в 1951 году. Находясь в Испании в качестве советника республиканского правительства, в июле 1938 года он порвал со сталинским режимом и получил политическое убежище в США. С книгой Александра Орлова мы познакомим читателя в очередных выпусках «Детектива и политики».

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ:

„Я вступил в игру, опасную для себя и нашей семьи...“

Я не принадлежу к какой-бы то ни было политической партии или группе. В этой книге я не преследую никаких политических или узкопартийных целей. Моя единственная задача — предать гласности тайную историю преступлений, совершенных Сталиным, и таким образом восстановить те недостающие звенья, без которых трагические события, произошедшие в СССР, приобретают характер неразрешимой загадки.

Вплоть до 12 июля 1938 года я был членом Всесоюзной коммунистической партии, и советское правительство последовательно доверяло мне ряд ответственных постов. Я принимал активное участие в гражданской войне, сражался в рядах Красной армии на Юго-восточном фронте, где командовал партизанскими отрядами, действовавшими в тылу врага, и отвечал также за контрразведку.

Когда гражданская война кончилась, ЦК партии назначил меня помощником прокурора в Верховный суд. Здесь я принимал участие, между прочим, в разработке первого советского уголовного кодекса.

В 1924 году я был назначен заместителем председателя Экономического управления ОГПУ (в дальнейшем получившего наименование НКВД). На меня были возложены государственный надзор за реконструкцией советской промышленности и борьба со взяточничеством. Затем меня перебросили в Закавказье, в погранвойска, и я начал командовать подразделением, которое несло охрану границы с Ираном и Турцией.

В 1926 году меня назначили начальником экономического отдела Иностранного управления ОГПУ и уполномоченным госконтроля, отвечавшим за внешнюю торговлю.

1936 год ознаменовался началом гражданской войны в Испании. Политбюро направило меня туда — советником республиканского правительства — для организации контрразведки и партизанской войны в тылу противника. В Испанию я прибыл в сентябре 1936 года и оставался там до 12 июля 1938 года — дня, когда я порвал со сталинским режимом.

На тех должностях, что я занимал в ОГПУ — НКВД, мне удалось собрать, а затем и вывезти из СССР совершенно секретные сведения: о преступлениях Сталина, совершенных им, чтобы удержать в своих руках власть, о процессах, организованных им против вождей Октябрьской революции, и о его отношениях с людьми, чья гибель он подготовил.

Я записывал указания, устно даваемые Сталиным руководителям НКВД на кремлевских совещаниях; его указания следователям, как сломить сопротивление сподвижников Ленина и вырвать у них ложные признания; личные переговоры Сталина с некоторыми из его жертв и слова, произнесенные этими обреченными в стенах Лубянки. Эти тщательно скрываемые секретные материалы я получил от самих следователей НКВД, многие из которых находились у меня в подчинении. Среди них был мой бывший заместитель Мионов (в дальнейшем начальник Экономического управления НКВД, ставший одним из главных орудий Сталина при подготовке так называемых московских процессов) и Борис Берман, заместитель начальника Иностранного управления НКВД.

В своих преступлениях Сталин не мог обойтись без надежных помощников из НКВД. По мере того как рос список его злодеев, увеличивалось и число соучастников. Опасаясь за свою репутацию в глазах мира, Сталин решил в 1937 году уничтожить всех доверенных лиц, чтобы никто из них не смог выступить в будущем свидетелем обвинения. Весной 1937 года были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД и все следователи, которые по его прямому указанию вырывали ложные признания у основателей большевистской партии и вождей Октябрьской революции. За ними последовали в небытие тысячи энкавдистов — те, что по своему положению в НКВД могли в той или иной степени располагать секретной информацией о сталинских преступлениях.

Будучи в Испании, я узнал об аресте Ягоды, наркома внутренних дел. Там же до меня дошли известия об уничтожении всех моих бывших друзей и коллег, и, казалось, вот-вот наступит моя очередь. Тем не менее, я не мог открыто порвать со сталинским режимом. В Москве у меня оставалась мать, которая согласно варварским сталинским законам рассматривалась властями как заложница и которой угрожала смертная казнь в случае моего отказа вернуться в СССР. Точно в таком же положении была и мать моей жены.

На фронтах Испании, особенно когда я выезжал во фронтовую зону при подготовке наступления республиканских войск, я часто оказывался под сильной вражеской бомбежкой. В эти минуты я не раз ловил себя на мысли, что если меня убьют при исполнении служебных обязанностей, угроза, нависшая над моей матерью, моей семьей и моими близкими, оставшимися в Москве, сразу рассеется. Такая судьба казалась мне более привлекательной, чем открытый разрыв с Москвой.

Но это было проявлением малодушия. Я продолжал свою

работу среди испанцев, восхищавших меня своим мужеством, и мечтал о том, что, быть может, Сталин падет от руки одного из своих сообщников или что ужас кошмарных московских «чисток» минует как-нибудь сам собой.

В августе 1937 года я получил телеграмму от Слуцкого, начальника Иностранного управления НКВД. В ней сообщалось, что секретные службы Франко и гитлеровской Германии разработали планы моего похищения из Испании, чтобы выпытать у меня сведения о размерах помощи, оказываемой испанцам Советским Союзом.

Слуцкий сообщал также, что собирается прислать мне личную охрану из двенадцати человек, которая отвечала бы за мою безопасность и сопровождала меня во всех поездках. Мне тотчас пришло в голову, что в первую очередь этой «личной охране» будет поручено ликвидировать меня самого. Я телеграфировал Слуцкому, что в личной охране не нуждаюсь, поскольку мой штаб круглосуточно охраняется испанской «гражданской гвардией», а за его пределами во всех поездках меня сопровождают вооруженные агенты испанской тайной полиции. Это, кстати, соответствовало действительности.

Советская личная охрана так и не была прислана, однако этот случай меня насторожил. Я начал подозревать, что Ежов, новый нарком внутренних дел, по-видимому, приказал своим секретным «подвижным группам» убить меня здесь же, в Испании. Предвидя такой оборот, я послал во фронтовую зону одного из своих помощников с заданием отобрать из немецкой интербригады и доставить ко мне десяток преданных коммунистов, накопивших достаточный боевой опыт. Эти люди стали моими постоянными спутниками. Вооруженные автоматами и связками ручных гранат, подвешенными к поясу, они неотлучно сопровождали меня.

В октябре 1937 года в Испанию прибыл Шпигельглас, заместитель Слуцкого. Не кто иной, как он, за три месяца до этого организовал в Швейцарии убийство Игнатия Рейсса — резидента НКВД, отказавшегося вернуться в Москву. Шпигельглас, у которого жена и дочь оставались в Советском Союзе, фактически в роли заложников, не был уверен в своей собственной участи и, вероятно, сам подумывал, как выйти из игры. Но это отнюдь не делало его менее опасным. У него не было в Испании никаких явных дел, и его приезд только укреплял мои подозрения, особенно когда я узнал, что он встречался в Мадриде с неким Болодиным, который, как выяснилось, был прислан в Испанию Ежовым в качестве руководителя террористической «подвижной группы».

Шпигельгласу и Болодину приходилось считаться с тем, что меня защищала моя собственная охрана, так что в случае покушения может возникнуть перестрелка с серьезными потерями для обеих сторон, к чему ни тот, ни другой не привыкли. Мне пришло в голову, не приказала ли Москва Болодину похитить мою четырнадцатилетнюю дочь и затем шантажировать меня, вынуждая вернуться в СССР. Мои мрачные подозрения настолько обострились, что я отправился в загородный дом, где жили жена с дочерью, посадил их в машину и отвез во Францию. Там, недалеко от испанской границы, мной была снята для них небольшая вила. С ними я оставил надежного телохранителя из испанской тайной полиции, который заодно исполнял и обязанности шофера. Сам я вернулся к своей работе в Барселоне.

Я выжидал, откладывая свой разрыв с Москвой, поскольку сознавал, что, действуя таким образом, продлеваю жизнь моей матери и дочери.

Меня все еще не оставляла наивная надежда, что возможны какие-то перемены, что в Москве случится что-то такое, что положит конец кошмару бесконечного террора.

Наконец, Москва сама решила за меня. 9 июля 1938 года я получил телеграмму Ежова — в то время второго человека в стране после Сталина. Мне предписывалось выехать в Бельгию, в Антверпен, и 14 июля подняться на борт стоявшего там советского судна «Свирь» для совещания с «товарищем, известным вам лично». При этом давалось понять, что прибыть туда я должен в машине нашего парижского посольства в сопровождении Бирюкова, советского генерального консула во Франции, который «может пригодиться в качестве посредника в связи с предстоящим важным заданием».

Телеграмма была длинной и мудреной. Ежов и те, кто перешли вместе с ним из аппарата ЦК в НКВД, были куда менее опытные, чем прежние энкавдистские главарь, ныне ликвидированные. Эти люди так и старались усыпить мои подозрения и делали это так неуклюже, что, сами того не ожидая, выдали свое тайное намерение. Было ясно, что «Свирь» станет моей плавающей тюрьмой. Я телеграфировал ответ: «Прибыву в Антверпен в назначенный день».

12 июля мои коллеги собрались перед нашим особняком в Барселоне, чтобы попрощаться со мной. Я чувствовал: они понимают, что меня ждет западня, и уверены, что я в нее попадусь.

Часа через два я был на французской границе. Попрошачусь с охраной и с агентом испанской тайной полиции, который привык повсюду сопровождать меня. Отсюда мой водитель-испанец доставил меня в гостиницу в Перпиньяне, где ждали жена и дочь. Мы сели в ночной экспресс и утром 13 июля прибыли в Париж. Я чувствовал себя так, словно сошел с тонущего корабля — неожиданно, без заранее подготовленного плана, без надежды спастись.

Я знал, что НКВД располагает во Франции густой агентурной сетью и в течение сорока восьми часов агенты Ежова нападут на мой след. Значит, из Франции следовало выбираться как можно скорее.

Единственным безопасным пристанищем представлялась мне Америка. Я позвонил в американское посольство и попросил посла, Вильяма Буллита. Был как раз канун французского национального праздника — дня взятия Бастилии, и мне ответили, что посла нет в городе. Тогда по совету жены мы направились в представительство Канады. Здесь я предъявил наши дипломатические паспорта и попросил канадские визы под тем предлогом, что хотел бы отправить семью в Квебек — провести там летний отпуск.

СССР не имел с Канадой дипломатических отношений, так что можно было опасаться, что представительство откажет в просьбе. Но глава представительства, оказавшийся бывшим комиссаром Канады по делам иммиграции, отнесся к нам сочувственно. Он любезно вручил мне письмо от своего имени к иммиграционным властям в Квебеке и попросил оказать мне помощь.

Одновременно с нами в здании представительства оказался и канадский пастор, каким-то образом связанный с трансатлантическим судоходством. Он сообщил, что канадский теплоход «Монклэр» как раз сегодня отправляется из Шербурга, и еще осталось несколько свободных кают. Я бросился в билетное агентство, жена побежала в гостиницу, где оставалась дочь. Все трое мы едва успели на вокзал к отходу поезда. Но спустя несколько часов благополучно поднялись на борт теплохода, а еще через час с небольшим — покинули Европу.

Моя дочь пускалась в это путешествие с легким сердцем. Она все еще оставалась в блаженном неведении относительно того, что произошло. Жена и я не знали, как объяснить ей, что она никогда больше не увидит своих подруг, обеих своих бабушек, родину.

Начиная с 1926 года, моя работа заставляла меня большую часть времени жить за границей, и любовь моей дочери к России и родному народу ничем не была омрачена. Из-за ее болезни — она страдала суставным ревматизмом — у нее было мало возможностей наблюдать реальную жизнь и о страданиях своих соотечественников, не говоря уж о жестокостях сталинского режима, она вовсе ничего не знала. Мы с женой никогда не стремились развеять ее иллюзии. Ей были свойственны глубокое отвращение к малейшей жестокости и бесконечное сочувствие любому человеческому страданию. Понимая, что из-за болезни ее жизнь может быть слишком коротка, мы старались утаить от нее правду — это относилось и к сталинской тирании, и вообще к несчастной доле русского народа.

Трудно было объяснить ей, что произошло с нашей семьей. Но она поняла. Она слушала нас, обливаясь слезами. Мир, который она знала, оказался выдуманным, ее иллюзии — разлетелись в пух и прах. Она знала, что ее отец и мать отстаивали дело революции в гражданской войне. Теперь ей было больно за нас. В один день она выросла и стала взрослой.

Сразу по прибытии в Канаду я написал большое письмо Сталину и копию его отправил Ежову. В нем я сказал Сталину, который лично знал меня еще с 1924 года, что я думаю о его режиме. Но главный смысл письма был в другом. Я ставил своей целью спасти жизни наших матерей. Умолять Сталина сохранить им жизнь, взывать к его милосердию было бесполезно. Я выбрал другой путь, более подходящий, когда речь идет о Сталине. Со всей доступной мне решительностью я предупредил его, что если он посмеет выместить зло на наших матерях, я опубликую все, что мне известно о нем. Чтобы показать, что это не пустая угроза, я составил и приложил к письму перечень его преступлений.

Кроме того, я предупредил его: если даже я буду убит его агентурой, историю его преступлений немедленно опубликует мой адвокат. Хорошо зная Сталина, я был уверен, что он примет мои предупреждения всерьез.

Я вступил в игру, опасную для себя и нашей семьи. Но я был убежден, что Сталин отложит свою месть до тех пор, пока не достигнет наверняка поставленной им цели: похитить меня и заставить отдать мои тайные записки. Он постарается, конечно, в полной мере удовлетворить свою жажду мести, — но только после того, как убедится, что его преступления останутся нераскрытыми.

13 августа 1938 года, ровно через месяц после исчезновения из Испании, я прибыл в Соединенные Штаты с дипломатической визой, выданной мне главой американского представительства в Оттаве.

По прибытии в США мы с моим адвокатом сразу же направились в Вашингтон. Здесь я сделал заявление комиссару по делам иммиграции о том, что порываю с правительством своей страны и прошу политического убежища.

Охота за мной началась тотчас же и продолжалась четырнадцать лет. В этом противоборстве на стороне Сталина были колоссальное политическое могущество и полчища тайных агентов. На моей стороне — только мое умение предвидеть и опознавать их уловки, да еще самоотверженность и храбрость моих близких — жены и дочери.

Все эти годы мы избегали писать нашим матерям и даже нашим друзьям в СССР, не желая подвергать их жизнь опасности. Никаких известий об их судьбе мы не имели.

В начале 1953 года мы с женой решили, что матерей наших уже нет в живых и можно рискнуть опубликовать эту книгу. В феврале я начал переговоры о публикации некоторых разделов с одним из редакторов журнала «Лайф». Переговоры еще шли, когда умер Сталин. Я был страшно разочарован, что он не протянул еще немного, — тогда бы он увидел разоблачающую по всему миру тайную историю своих преступлений и убедился, что все его старания утаить их оказались тщетными.

Смерть Сталина не означала, что я мог больше не опасаться за свою жизнь. Кремль по-прежнему ревниво оберегает свои тайны и сделает все, что в его власти, чтобы раздаться со мной, — хотя бы в наказание тем, кто испытывает соблазн последовать моему примеру.

Около 4 часов дня 4 марта 1922 года в квартиру богатого ленинградского меховщика Богачева в доме № 39 по улице Плеханова (бывшей Казанской) постучались.

— Кто там? — к двери подошла прислуга Богачевых — Бронислава Протас.

— Дома ли мадам или Сима? Где Эмилия? — ответили ей вопросом на вопрос.

Протас ответила, что мадам нет дома, а Эмилия больна. Помедлив, спросила, вспомнив о Ване, знакомом Эмилии:

— Это ты, Ваня?

— Да, — глухо прозвучало в ответ.

Бронислава отперла дверь.

Один из вошедших, в военной шинели, руководивший налетом, приставил револьвер к виску Протас и потребовал указать, где хранятся ценности и дорогие вещи.

Горничная заупрямилась: она, де, не знает, где что лежит у господ. Тогда налетчик в военной шинели ухмыльнулся:

— Мы и без тебя найдем.

Взломав хорошо отточенным стилетом шкафы, грабители забрали меховые и другие ценные вещи и, сложив их в корзину, ушли с парадного входа...

Налетчика в серой шинели звали Ленька Пантелеев. Это было его первое бандитское дело.

... В 1922—23 годах налеты стали обыденным явлением: грабили в квартирах, на улицах, ночью и днем.

Обыватели были до того напуганы, что стали устраивать у себя в квартирах электрическую сигнализацию, ложились спать, держа топор под подушкой, вовсе перестали ходить в театр и в гости — боялись, что ночью разденут на любой улице, даже на Невском. По статистике Угрозыска число налетов в то время достигло сорока в месяц, причем многие были «мокрыми» — сопровождалось убийством.

Больше половины из этих «налетчиков» призыва 22—23 годов до своего первого дела никогда никаких преступлений не совершали. Этим и объясняется, что большая их часть попадалась сразу же: или при выходе из налета, или при продаже награбленного на толкучке, или, наконец, в первом попавшемся трактире, где они делили добычу. Налетчиков-рецидивистов было мало. Рецидивисты других мастей: многочисленные городушники, домушники, малинники и форточники — на налет не отваживались и «мокрых» дел «не уважали».

Среди профессиональных налетчиков почти легендарную славу в эти годы «заслужила» шайка

АРХИВ

ДЕЛО

ЛЕНЬКИ

ПАНТЕЛЕЕВА

Леньки Пантелеева. Леньке нельзя было, конечно, отказать в «организаторских способностях». Ядро шайки насчитывало с десятков отборных хулиганов. Ближайшим его помощником, «адъютантом», как он сам себя хвастливо называл на допросах, был Дмитрий Гавриков. В шайке была железная дисциплина, четко определена роль каждого при налете. Кроме того, по всему городу у Леньки были разбросаны «конспиративные» квартиры — «хазы». Попасть в «хазу» было можно, только зная пароль. Пантелеев после первых же своих налетов, узнав, что его ловят, менял «хазы» чуть ли не ежедневно.

Молва придавала Леньке черты этакого Робин Гуда. Утверждали, например, что он грабил только богатых, а бедным, попадавшимся на его пути, даже давал деньги. Легенды ходили и про его неуловимость. Обывательская фантазия каждый налет в Ленинграде приписывала Леньке Пантелееву.

У страха глаза велики. Но дел, правда, Пантелеев «наделал» немало...

18 марта того же 1922 года вечером в квартиру, принадлежавшую доктору Грилихесу, позвонили. На вопрос прислуги: «Кто там?», ответили, что доктору, мол, записка из штаба.

Прислуга открыла дверь. На кухню вошли двое: Один из них, видимо, чтобы отвлечь внимание, протянул прислуге какую-то бумажку. Другой в это время направил на нее револьвер и сказал:

— Говори: одна дома? Только не ори!

Узнав, что дома никого нет, грабители взяли горничную за руки и повели по комнатам, требуя указать, где деньги. Она твердила, что не знает. Тогда «гости» стали брать все, что попадало под руку: белье, одежду. Уложив все награбленное в узел, один из налетчиков пошел за извозчиком, а другой остался сторожить еле живую от страха женщину. Затем они связали ее полотенцами по рукам и ногам, положили на кровать и, приказав молчать, скрылись.

В эти же дни в Уголовный розыск поступило заявление от некоего Вольмана о том, что Пантелеев скрывается в доме № 8 по Эртелеву переулку у своей сожительницы. В квартире был произведен тщательный обыск, не давший, однако, никаких результатов. После обыска были задержаны сожительница Пантелеева Валентина Цветкова и Вольман. Этот арест дал Угро «стрелку» на еще две Ленькины «хазы». Были произведены дальнейшие аресты его «подруг» и наводчиц.

Кольцо сужалось. Это, однако не помешало Леньке совершить 26 июня дерзкий налет на квартиру доктора Левина.

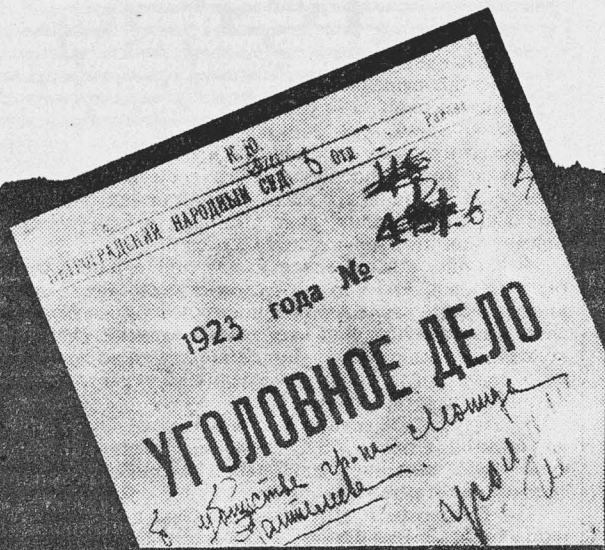

Арест Леньки Пантелеева.

В ночь с 12 на 13 февраля ударной группой по борьбе с бандитизмом при Петроградском губернском отделе Г.П.У. с участием Уголовного розыска после долгих поисков пойман известный бандит, прославившийся за последнее время своими зверскими убийствами и налетами Леонид Пантелкин, по кличке «ЛЕНЬКА ПАНТЕЛЕЕВ». При аресте Ленька оказал отчаянное вооруженное сопротивление, во время которого он УБИТ.

Вместе с Пантелеевым задержан и другой бандит Мишка Корявый, который во время сопротивления ранен в шею. Задержаны также соучастник Пантелеева известный громила-взломщик «Сашка Пли» и целый ряд соучастников и укрывателей.

Подробности будут приведены в утреннем выпуске «Восточной Газеты»

В квартиру под видом пациента пришел мрачноватый матрос. Через несколько минут вновь раздался звонок и вошли еще двое «матросов». Попросив пришедших подождать, Левин занялся осмотром первого. Через пару минут друзья лежачего пациента ворвались в кабинет, приставили к груди врача револьверы: «Руки вверх, ни звука!» Через полчаса в квартиру позвонила жена Левина. Ее впустили, связали и бросили в ванную комнату. То же проделали они и с пришедшей в квартиру жилищкой. На все звонки приходивших к доктору налетчики отвечали, что доктора нет дома. Разгром квартиры продолжался больше двух часов. Грабители взяли с собой чемодан и корзину, наполненную вещами, неспешно вынесли на улицу, не торопясь сели на поджидавшего лихача и укатили.

Спустя полмесяца еще один налет. На сей раз — на квартиру Аникеева — Пантелеев явился уже как «агент ГПУ».

Находившимся в квартире Пантелеев спокойно заявил, что, по имеющимся в ГПУ сведениям, у Аникеева много золотой валюты, что он, мол, имеет сношения с границей. Вот поэтому и приехали произвести обыск. Честь по чести предъявили ордер, поддельный, конечно. Отобрали найденные деньги, затем даже составили «протокол обыска», копию его за всеми подписями оставили хозяевам.

Через несколько дней такой же «театр», — но теперь уже по документам особого отдела ПВО, — Пантелеев разыграл на квартире Ишченс в Толмазовском переулке.

... Каждый день розыска приносил все новые и новые аресты наводчиков, бесчисленных сожителей-соучастников Пантелеева. Позднее, на дознании, он говорил, что в начале осени 1922 года он уже чувствовал себя, как затравленный зверь.

Чувство это, однако, не мешало Ленке продолжать налеты. Он лишь снова изменил способы их совершения. 25 августа, около 4 часов утра, на Марсовом Поле он и Гавриков, вооруженные револьверами, остановили извозчика, на котором ехали трое питерцев. Грабители, поигрывая револьверами, сняли с них верхнее платье, отобрали деньги, трудовые книжки, часы и обручальные кольца. Затем Пантелеев с Гавриковым укатили на том же извозчике. Такое же ограбление Пантелеев совершил на улице Толмачева, у клуба «Сплендид-Палас».

В эту же ночь на проспекте Нахимова начальником конного отряда милиции Никитиным был остановлен какой-то тип. Поводом к задержанию послужил крик из толпы: «Это налетчик!» Неизвестный, открыв стрельбу из «кольта», бросился

бежать, но его догнали. Он был ранен, и его отправили в Мариинскую больницу. Там он скончался. Это был один из ближайших друзей Пантелеева.

Позже стреляли и в самого Пантелеева. Он был ранен в левую руку, но не остановился и побежал по направлению к Марсову Полю. Подбежав к Инженерному замку, он перелез через забор и спрятался в Пантелеймоновской церкви. Моментально сообщили в Угрозыск, и буквально через несколько минут (шутка сказать: «Пантелеев!») на место прибыли агенты с собакой-ищейкой. По кровавому следу собака довела до Марсова Поля. Дальше след терялся. Наугад пошли по Пантелеймоновской, прошли мимо церкви и... не заметили лежавшего там Ленки.

К этому времени был пойман Гавриков. В результате на «верных» еще вчера «хазах» сидели засады. Осторожный Пантелеев догадывался об этом.

Раненый, он решил отправиться на одну из самых отдаленных квартир на «Пряжке». Вышел на пустынный Невский, где к тому времени уже ходили дозоры, искавшие бандита. У самой Садовой Ленка чуть не попался. Увидев приближавшийся дозор, Пантелеев присел на каменную тумбу у ворот одного из домов и, подняв высокий воротник своего тулупа, притворился спящим ночным дворником...

— Не видел ли такого-то, — спросил один из дозорных, перечисляя налетчику его же приметы...

— Не знаю, не-е... Я три дня как из деревни приехал, — пробурчал «дворник». Дозорные пошли дальше. А неуловимый Ленка снова был таков...

Чувствуя, что все-таки конец неминуем, Пантелеев решает, что терять нечего, и, как проигравший игрок, становится все наглее и наглее. Окруженный «достойными» по наглости и жестокости бандитами, вместе с ним прошедшими хорошую «разбойную» школу, Ленка теперь выводит свою банду не только на налеты, но и на уличные грабежи, не только ночью, но и при свете дня. В последний свой месяц он вместе с «Мишкой Корявым» (Лисенковым) и «Сашкой Паном» (Рейнтопом) совершил 10 убийств, около 20 уличных грабежей и 15 вооруженных налетов.

Уголовный розыск и ударная группа ГПУ выделили на «дело Пантелеева» лучших работников, в течение последних двух недель они буквально не слезали с автомобилей. В городе было размещено около 20 засад. То и дело поступали новые сведения, сыщики буквально «сели на хвост» бандита, и он каждые полчаса менял ме-

ста. Теперь ему было уже не до налетов и грабежей — он думал только о том, как спасти свою шкуру.

... Весело посвистывая, с гитарой в одной руке и корзиной в другой, Пантелеев вошел в квартиру. За ним Лисенков. Ленка был уверен в том, что квартира «свободна», и не смотрел по сторонам. Вдруг раздался выстрел. За ним — второй. Пантелеев упал замертво. Лисенков, слегка раненный в шею, был так ошеломлен, что не пытался сопротивляться и сам поднял руки вверх. Вест о случившемся на Можайской улице мгновенно облетела весь город. В тот же день в вечерней «Красной Газете» появилось сообщение о том, что в ночь с 12 на 13 февраля после долгих поисков был пойман и убит при аресте знаменитый Ленка Пантелеев, прославившийся своими зверскими убийствами и налетами.

Дело Пантелеева было окончено. Но долго еще ходили по Питеру слухи, что Ленка жив, на свободе и еще «себя покажет». Был даже случай, когда два налетчика, ворвавшись в квартиру, назывались Пантелеевым и Лисенковым, чем повергли в неопределимый ужас ее обитателей. Чтобы положить конец слухам и байкам, было произведено искусственное «оживление» лица убитого, умело «реставрирован» труп бандита. Несколько дней мертвый Ленка пролежал в покойнице, и ежедневно толпы приходили взглянуть на того, кто так долго сеял в Питере страх и смерть.

* * *

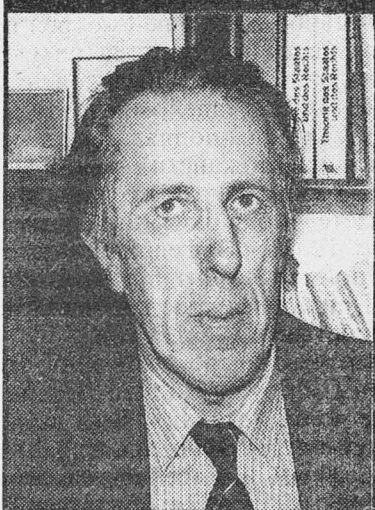
Прошлое Пантелеева — тема особого разговора. Его жизненный путь был далеко не прост и прямолинеен. Об этом мы намерены рассказать в последующих номерах нашего Бюллетеня.

Перед вами подлинные документы из архива Уголовного розыска. Вот сам Ленка Пантелеев — живой и мертвый, вот сотрудник Угро, задержавший опасного преступника, а вот — его сообщники и наводчики: Михаил Лисенков по кличке «Мишка Корявый», Александр Рейнтоп по кличке «Сашка Пан», Аграфена Егорова и Валентина Маукева.

КАБИНЕТ

Академик
Владимир
КУДРЯВЦЕВ

ЛИЧНОСТЬ И ПРАВО

С академиком Владимиром Николаевичем Кудрявцевым — народным депутатом СССР, вице-президентом Академии наук страны мы встретились буквально накануне сдачи нашего первого номера в типографию. Заинтересовавшись тематикой и направленностью нового издания, он согласился ответить на вопросы нашего специального корреспондента.

— Владимир Николаевич, как Вы относитесь к детективу?

— Я люблю детектив по многим причинам: во-первых, потому что моя профессия — криминология и уголовное право, то есть как раз то, что непосредственно связано с преступностью и преступлениями. Во-вторых, я люблю детектив как жанр: он заставляет размышлять, искать логическую связь событий. Любой детективный сюжет подобен научному исследованию, а научная работа в чем-то близка поискам детектива — и там, и там надо выстроить разрозненные факты, чтобы найти преступника, или же, во всяком случае, — истину. Есть такое образное выражение «дьявол Максвелла». Физик Максвелл считал, что на пути исследователя стоит некий дьявол и мешает ему добраться до истины. Значит, надо этого дьявола перехитрить. Нечто подобное есть и в науке, и в детективе. И, наконец, если к тому же детектив еще и художественное произведение, то он доставляет истинное удовольствие как всякая настоящая литература.

— Термин «правовое государство», так широко нами сегодня употребляемый, подразумевает, что и государство, и право — это относительно независимые друг от друга явления. Ибо право — это как раз те самые гарантии для гражданина от покушения на его личность, свободу и достоинство со стороны властей, то есть государства. Логично ли совмещаются эти два понятия в названии нашего главного научного юридического учреждения — Института государства и права?

— Так ведь эти понятия взаимосвязаны. Диалектическая связь состоит в том, что само по себе право без государства становится в общем-то бессильным. Ленин говорил: «право без государства ничто». Дело в том, что

право в отличие от других нормативных систем, например, морали или религии, охраняется и поддерживается принудительной силой государства. Конечно, лучше, когда правовые нормы выполняются добровольно, без принуждения. Но если бы за правовыми нормами не стояло никакой силы государства, то они были бы не нужны как таковые, достаточно было бы норм морали. Но с моралью у нас, согласитесь, пока не все так хорошо, как хотелось бы. Мы с вами не будем воровать и мошенничать, и потому нам не нужны угрозы принуждения. Но среди людей, окружающих нас, может найтись один человек, которому этих моральных соображений недостаточно. И, следовательно, если он украдет что-то, то именно государство должно встать на защиту собственности и потерпевшего. Суть права в том и выражается, что за ним стоит принудительная сила государства — именно как гарантия.

Другая же сторона этого взаимоотношения заключается в том, что принудительная сила может начать злоупотреблять своими возможностями. Вот здесь таится большая опасность, она исходит от государственных органов, от административно-командной системы.

— И примеров у нас здесь более чем достаточно...

— Совершенно верно. Когда силы, стоящие якобы за право, начинают это право подминать и им командовать, то само право превращается в служанку этой принудительной силы. А этого как раз и не должно быть, потому что сила государства должна быть служанкой права. Если все ставится с ног на голову, то это уже не правовое государство, а государство, существующее само по себе и для самого себя. Вот тут и возникают всяческие беззакония. Проблема состоит в том, чтобы не допустить этого опасного поворота. А для этого есть целый ряд веками отработанных механизмов и инструментов, которые необходимо использовать в интересах современного общества.

— Какие именно?

— Гласный суд, презумпция невиновности, суд равных, как говорили раньше, избранный из тех же людей, которые сами к нему будут обращаться. Это — защита обвиняемого, право обжалования, принятие справедливых решений в соответствии с Законом, а не по чьему-то произволу. И, конечно, сам Закон должен быть справедливым, а для этого он должен быть основан на воле народа, а не быть выражением чьей-то индивидуальной воли.

— Владимир Николаевич, мы наконец-то в полный голос заговорили о правовой культуре нашего народа. Как, на Ваш взгляд, создать в обществе такую ситуацию, когда люди будут не только знать о своих правах и свободах, но и уметь ими пользоваться?

— Это вопрос многоплановый, но мне хотелось бы выделить два момента. Первый — это просветительство, чему будет служить, надеюсь, и ваш Бюллетень. Однако, давно и хорошо известно, что одним только просветительством дела не сделаешь. Нужна практическая заинтересованность в использовании права как такового. Зададим себе такой вопрос: почему в течение долгих лет проблемы права были так не популярны в нашей стране? Неужели потому, что у нас народ такой безграмотный и малокультурный? Нет. Может, причина в другом — они не пользовались популярностью потому, что самой административно-командной системе это было не нужно? Сейчас, когда мы создаем новую экономическую систему и новые отношения в сфере собственности, управления и политической власти, право необходимо утвердить в правах. Извините за небольшой каламбур, но представьте себе собственника, который не защищен должным образом в отношении своей собственности. Арендатор, например, без юриста ничего сделать не сможет. У нас сейчас только 1/3 юрист-консультантов работают в сельском хозяйстве, они были попросту не нужны в колхозе — если колхозом командует райком партии, то что мог там сделать юрист? Если же отношения ставятся на

договорную основу, без юриста не обойтись. Так сама жизнь, практическая потребность в решении вопросов юридического свойства заставляют людей обращаться к правоведам.

— Всем нам очень хочется жить в правовом государстве и мы, кажется, начинаем его строить, но проявляем при этом потрясающую непоследовательность. Где-то в тиши кабинетов зреет Закон о печати, что-то его сдерживает, кто-то всячески препятствует его принятию, хотя давно назрела ситуация, при которой право журналиста говорить правду вслух, как, впрочем, и возможность любого гражданина высказывать свое мнение, охранялись бы именно Законом.

— Да, такая ситуация назрела. Я думаю, что проект Закона о печати должен быть опубликован и должен широко обсуждаться. Что касается права журналиста получать информацию — оно закономерно и необходимо. Но вместе с тем оно не должно противоречить праву гражданина на свободу высказывания. Почему я об этом говорю? Потому что в одном из проектов Закона о печати (это инициативный проект, написанный юристами и изданный ими за собственные деньги), сказано, что журналист вправе получать любую информацию, которая ему необходима, и все должностные лица обязаны ее предоставлять, причем под угрозой ответственности. Спрашивается, а где же право гражданина не отвечать на вопросы журналиста? Я ведь с вами сейчас добровольно беседую. Но если мы такую норму примем в Законе о печати, то вы тогда будете меня допрашивать и превратитесь из журналиста в следователя. А я тогда в кого превращусь? Даже обвиняемый по закону может отказаться отвечать на вопросы. Поэтому я считаю, что права журналиста должны быть по крайней мере равными с правами того гражданина или должностного лица, от которого он эту информацию получает.

— Прокомментируйте, пожалуйста, ту самую пресловутую статью 11 «прим» из Указа от 8 апреля, которая уже наделала столько шума.

— В этой статье, если вы помните, два положения: публичное оскорбление учреждений или должностных лиц и дискредитация этих лиц или общественных организаций. Что касается «публичного оскорбления», то я считаю это положение правильным, ибо оскорблять вообще никого не позволено, — ни частное лицо, ни должностное. Что же касается термина «дискредитация», то он применен явно неудачно. «Дискредитировать» кого-то можно и в результате вполне законных действий — критики, например, когда указывают на упущения в работе или недостойные поступки. С другой стороны, дискредитация может быть результатом клеветы или каких-то ложных сведений, которые на самом деле не соответствуют действительности. Вот почему термин «дискредитация» по меньшей мере двусмыслен в этой статье и должен быть заменен.

— Мы знаем, что любой правовой документ, тем более Закон или Указ, готовится при участии юристов. Объясните, как могла эта статья в такой редакции попасть в Указ?

— Этого я вам объяснить не могу, потому что ни я, ни коллектив нашего института к этой редакции Указа никакого отношения не имеем.

— Как ученый-юрист можете ли Вы определить причины роста преступности в нашей стране?

— Прежде всего я хотел бы надеяться, что ваше издание даст на эту тему не одну, а целую серию публикаций, ибо этот вопрос требует самого детального рассмотрения. Динамика преступности подчиняется определенным объективным закономерностям. Выделю три главные. Первая связана с процессами, происходящими сегодня в нашем обществе, то есть с состоянием экономики, социальными условиями жизни. Вторая — с психологией людей, третья — с деятельностью юридических органов.

Если говорить о социально-экономических факторах, то, скажем, экономические проблемы, несомненно, влияют отрицательным образом на состояние преступности. Но, надо заме-

тить, что нынешний рост преступности — результат событий 3-4-летней давности. Это зафиксировано многими исследованиями. Поэтому даже незначительное улучшение экономической ситуации, несомненно, скажется позитивно на состоянии преступности, но не сразу, а только спустя 2-3 года.

Далее. Бурные процессы, происходящие сейчас в общественной психологии, — изменение настроений, пристрастий, формирование плюралистических интересов, — не в полной мере еще исследованы. А ведь и они влияют на состояние преступности. Причем, как в позитивном, так и в негативном отношении.

И третье — многие цифровые данные о преступности, которые сейчас широко публикуются, требуют более тщательного анализа и объяснения. Не являются ли они результатом изменений в статистическом учете? Ведь то, что раньше игнорировалось и скрывалось от учета, сейчас становится гласным, открытым. Много связано еще и с неверной, на мой взгляд, оценкой юридических органов — есть люди, которые считают, что милиция, прокуратура и даже суд виноваты в росте преступности. Но ведь они, как известно, только фиксируют всю картину.

— Как Вы относитесь к такой новой для нас процессуальной норме, как суд присяжных заседателей?

— Я положительно отношусь к этой норме. Хотя, надо сказать, тут не все так просто, как кажется на первый взгляд. Когда предлагают суд присяжных, думают, что он был бы более демократичным и справедливым, чем существующий сейчас суд при двух заседателях. Но ведь это только предположение. Вспомним «Воскресение»: Катюшу Маслову именно суд присяжных осудил неверно. Они допустили ошибку, послав ее на каторжные работы, и изменить тут уже ничего было нельзя. Неслучайно в западных странах к суду присяжных обращаются не так часто. В Англии, например, только три процента уголовных дел рассматриваются судом присяжных. В США эта цифра чуть выше — примерно, около десяти процентов. Я спрашивал о причинах этого. Там считают, что так называемый коронный суд, где действует судья, назначенный государством, и заседатели (или даже без них), более справедливы, а решения его более предсказуемы. Может, они будут более жесткими, но уж во всяком случае не допустят грубой ошибки.

У нас сейчас намечается некоторое промежуточное решение — это расширение состава суда, увеличение числа заседателей.

— Владимир Николаевич, я был в колонии для несовершеннолетних и замечал, что многие ребята носят самодельные крестики или выкалывают их на руках. Если мы сегодня говорим о гуманизации наших исправительных учреждений, может быть, есть смысл допустить туда и священника?

— Не вижу в этом ничего плохого. Я атеист по убеждениям, но думаю, что вера человека в какую-то высшую силу является его личным делом, и если эта вера помогает его исправлению, то тут не должно быть ни политических, ни юридических, ни моральных препятствий. В наших действующих законах этих препятствий нет, в них просто не упоминается о религии. И если исходить из сегодняшнего принципа — «разрешено все, что не запрещено», — то я тем более не вижу тут никаких препятствий даже формального порядка.

— Что Вы хотели бы пожелать нашему «Совершенно секретно», его читателям?

— Я считаю, что это очень интересное и полезное начинание. Поскольку я прежде всего ученый, мне хотелось бы пожелать, чтобы вы могли на своих страницах сочетать публицистику с наукой, детективную занимательность с научным анализом, а для этого шире привлекать ученых — не только юристов, но и социологов, психологов, философов и даже представителей естественных наук. Я уверен, что вы делаете очень благородное и нужное дело.

Узнав, что готовится первый номер «Совершенно секретно», постоянный корреспондент Шведского радио в Москве Чель Альбин Абрахамсон предался приятным воспоминаниям:

— Эта тема мне хорошо знакома: несколько лет подряд я вел подобную передачу у нас на радио, — рассказывает Альбин. — Она идет всего один час и до сих пор пользуется большим успехом у слушателей. Журналисты, которые делают ее сегодня, очень серьезно относятся к своему делу, считая — и не без оснований — что она заставляет задуматься о социальных проблемах общества гораздо больше людей, чем иные исследования. Я приветствую ваше начинание.

— Альбин, Вы уже три года живете и работаете в Москве, примерно столько же лет мы предпринимаем шаги к созданию правового государства. Как Вы считаете, продвинулись ли мы на этом пути?

— Конечно, произошли большие изменения, но, очевидно, многое еще предстоит сделать. Я огорчаюсь, например, когда читаю о несанкционированных митингах, собраниях или демонстрациях. Я не совсем понимаю, что это означает. Демонстрация и есть демонстрация, то есть не запланированное «мероприятие», а спонтанное выражение людьми тех или иных чувств и намерений. Мне непонятно также, почему, когда человека в чем-то обвиняют, он не может с самого начала воспользоваться услугами адвоката. Кроме того, среди иностранцев, живущих в Москве, много разговоров о том, прослушиваются или нет наши квартиры. Уже из-за одних этих разговоров я чувствую себя незащищенным. Увы, люди быстро ко всему привыкают: недавно я приехал в Швецию, звоню шефу, завожу разговор о чем-то важном, а потом вдруг говорю: «Вообще-то, это не телефонный разговор». Он страшно удивился: «Это почему же?»

Или вот еще. На судебном процессе в Москве над шведским студентом, который попался с наркотиками, свидетелям задавали вопрос: являются ли они членами партии. Я не вижу никакой связи между истиной, которую должен установить суд, и принадлежностью того или иного гражданина к партии. Я также не понимаю, почему по ТВ еще до суда называют имена подозреваемых в совершении преступления, хотя хорошо известно, что ни один человек не может быть назван виновным до тех пор, пока суд не докажет его виновность.

— И так нарушают основополагающий правовой принцип — «презумпцию невиновности».

КАК ЖУРНАЛИСТ ЖУРНАЛИСТУ

«ТРУДНО СОЗДАТЬ ОБЩЕСТВО, ОПИРАЮЩЕЕСЯ НА ЗАКОН...»

Конечно. Например, у нас сейчас арестован человек, который подозревается в убийстве Улофа Пальме, но никто не называет его имени, только сообщили, что ему 41 год. Таков закон.

— Однако он содержится под стражей уже гораздо больше того срока, который отведен законом.

— Да, и сейчас у нас широко обсуждается вопрос: сколько раз можно продлевать срок задержания под стражей. Это очень серьезно.

Вот еще одна важная и для Швеции, и для других стран проблема — доступ к документам, отражающим деятельность органов безопасности. К сожалению, во всех странах прослеживается тенденция к тому, что эти органы превращаются как бы в государство в государстве. У нас в стране секретная служба имеет, например, досье на каждого журналиста. Я считаю, что избранные народом политические деятели должны иметь доступ к этим документам, чтобы судить о том, правильно ли они отражают то, что происходит в стране. Трудно создать общество, опирающееся на закон, если не соблюдаются три основных взаимосвязанных принципа социальной демократии: «свобода, равенство и братство».

— Мы сейчас очень обеспокоены ростом преступности в нашей стране. В чем, по Вашему, ее причины?

Думаю, это происходит потому, что общество не может пока гарантировать каждому человеку его основных прав. Не хватает жилья, продовольствия, не хватает мест отдыха. Все это, по-моему, и порождает черный рынок, коррупцию, и — в конечном итоге —

является причиной роста преступности. Кроме того, раньше власти манипулировали статистическими данными, занижали, скрывали их, а теперь они стали открытыми.

— Как, по Вашему, Альбин, в Швеции те же причины преступности, что и у нас?

Думаю, что другие. У нас нет проблем жилья, продовольствия, нет черного рынка, а преступность все же есть. Вспоминаю снова и снова два судебных процесса в Москве над шведскими гражданами, молодой женщиной и парнем, которые перевозили наркотики. Идя в суд, я дал себе слово не жалеть их, постараться быть предельно объективным. Я услышал вопросы, которые им задавали в суде, и их ответы: судьбы этих людей были похожи. В школе они учились плохо, ничем не интересовались, настоящей семьи не было и казалось, их путь предопределен. Такие люди получают у нас грязную, неинтересную и невыгодную работу, но ведь они живут в обществе, где большинство живет по-другому: виллы, шикарные машины, много денег. И вот они уже начинают задумываться над тем, как побыстрее разбогатеть. Убежден: то, что такие люди сталкиваются с законом, — это не только их личная трагедия, но проблема всего общества. И здесь сразу же возникает вопрос их реабилитации. У нас долго идут дискуссии о том, какими должны быть предельные сроки пребывания в тюрьме, чтобы осужденный не становился рецидивистом. Надо, чтобы в тюрьме он мог учиться, получить профессию, чтобы работа в тюрьме для него что-то значила, чтобы он получал за нее деньги. И, конечно, я абсолютно против смертной казни.

— Вы лично сталкивались у нас с нарушением Ваших прав?

— Как человек и журналист я очень ограничен в возможностях для путешествий. Очень неприятно, когда по воскресениям я с женой и тремя детьми куда-то еду, и меня останавливает милиция и держит часами, потому что мы ехали куда-то не туда, потому что в окрестностях Москвы есть, оказывается, районы, закрытые для иностранцев.

— У Вас есть адвокат?

— Нет. «Я хочу обсудить этот вопрос со своим адвокатом», — звучит, конечно, красиво, но, к счастью, мне пока не приходилось пользоваться этой фразой.

С коллегой беседовал
Борис ЛЕОНИДОВ

КОЛОНКА АДВОКАТА

Председатель
Правления Союза
адвокатов СССР
Георгий
ВОСКРЕСЕНСКИЙ

центра опрошенных ответили: «Исключить защиту по всем делам». Откуда такой нигилизм по отношению к уголовной защите? Не в последнюю очередь от низкой правовой культуры.

Положение, однако, стало меняться к лучшему. Произошло важнейшее для адвокатов событие: в конце февраля этого года в Москве состоялся Учредительный Съезд адвокатов Советского Союза, провозгласивший создание Союза адвокатов СССР как общественной самоуправляющейся добровольной организации, обладающей правом избирать депутатов высших органов власти СССР и правом законодательной инициативы.

Союз адвокатов намерен активно участвовать в формировании правового государства в нашей стране; представлять адвокатуру в СССР и за рубежом, защищать профессиональные и социальные права, авторитет, честь и достоинство адвокатов, повысить их роль в жизни советского общества и государства. Мы считаем своей важной задачей работу по совершенствованию профессионального мастерства адвокатов, возрождение ораторского искусства, активное участие в законодательстве.

В условиях развития демократии и формирования правового государства возникает социальная потребность в создании сильной, бескомпромиссной, независимой адвокатуры, способной противостоять нарушениям законности в уголовном судопроизводстве. Адвокатура должна стать одним из эффективных инструментов предупреждения и исправления следственных и судебных ошибок, защиты прав и свобод советских граждан.

Однако адвокатура сможет стать бескомпромиссной и независимой только в том случае, если адвокатам будет обеспечена профессиональная безопасность, правовая защищенность.

Действительно ли нужна такая правовая защищенность адвокату? Конечно, если мы серьезно говорим о создании независимой адвокатуры. Вот один лишь пример из практики.

Адвокат М. И. Коган защищал несовершеннолетнего Шатова, обвиняемого в нанесении ножевых ранений и убийстве таксиста с целью ограбления. В судебном заседании Мосгорсуда Шатов заявил, что убийство совершил не он, а другие лица. Дело было направлено на дополнительное расследование. Однако

органы внутренних дел Московской области вместо того, чтобы вести следствие объективно, решили просто устранить из дела строптивого адвоката.

Для этого Когана вызвали на допрос, но адвокат, в соответствии со ст. 72 УПК РСФСР, отказался давать показания. Тогда следователь сообщает юридической консультации, что адвокат вызывается в суд в качестве свидетеля и поэтому не может защищать Шатова.

Коган и президиум Московской городской коллегии адвокатов тут же подали жалобы начальнику ГУВД Мосгорисполкома, а затем прокурору РСФСР, потребовали пресечь беззаконие и допустить адвоката Когана к участию в деле.

Тем временем срок дополнительного расследования и содержания Шатова под стражей подходил к концу. Следствие по делу несовершеннолетнего не могло проводиться без адвоката; адвокат Коган был, наконец, допущен к участию в деле. Коган участвует в следствии, затем дело направляется в суд. И вдруг к следователю прокуратуры РСФСР поступает материал на адвоката. Следователь изымает его регистрационные карточки и начинает вызывать на допрос клиентов Когана для того, чтобы найти «какого-нибудь «потерпевшего». Вскоре Когана вызывают на допрос и предъявляют обвинение в подстрекательстве ко взяточничеству.

Из Мосгорсуда в МГКА пришел запрос: отстранен ли Коган от работы и будет ли он заменен другим адвокатом.

В тот же день Президиум МГКА дал ответ: «Коган состоит членом коллегии и оснований для его замены нет», а затем обратился с протестом в прокуратуру РСФСР и письмом в ЦК КПСС. Через две недели вопрос был справедливо решен: дело в отношении Когана прекращено, его регистрационные карточки, (а затем и регистрационные карточки других адвокатов) возвращены.

Дело Шатова было повторно направлено на дополнительное расследование и вскоре прекращено за недоказанностью обвинения.

Как видите, сегодня адвокату просто нечего противопоставить злоупотребляющим властью должностным лицам, кроме личного мужества и принципиальности. Вот почему мы будем добиваться внесения в Закон об адвокатуре положения, согласно которому возбуждение уголовного дела в отношении адвоката, арест, привлечение к уголовной ответственности в связи с его профессиональной деятельностью допускаются только с согласия Секретариата или Правления Союза адвокатов СССР.

В разъяснении роли и задач адвокатуры в нашем обществе, в деле развития правовой культуры немало могут сделать и средства массовой информации. Надеюсь, что Бюллетень «Совершенно секретно» найдет место на своих страницах и для рассказа об истории и сегодняшнем дне отечественной адвокатуры, о выдающихся наших адвокатах, об ораторском искусстве и профессиональном мастерстве.

На заседании Исполкома Международной Ассоциации детективной и политическо-го романа в Праге в марте этого года Президент Ассоциации Юлиан Семенов предложил принять резолюцию об освобождении арестованного чехословацкого писателя Вацлава Хавела. Эта резолюция была принята Исполкомом при одном воздержавшемся.

Сообщаем, что писатель Вацлав Хавел освобожден из заключения.

Многие советские граждане, к сожалению, мало знают о работе правозащитников. В наших печатных органах редко рассказывается об адвокатской деятельности, да что там говорить, — даже некоторые юристы, увы, не понимают сущности задач адвокатуры. Институт государства и права АН СССР провел опрос среди научных работников-правоведов и практикующих юристов. Был задан вопрос: «Какие нормы надо исключить из УПК, чтобы упростить процесс дознания и производства по делу?». 24 про-

Мы связались с Эдуардом Лимоновым по телефону, чтобы сообщить ему о готовящейся публикации:

— Может быть, снимем имена. Вы упоминаете уважаемых, известных людей, могут обидеться...

— Да Бог с вами: это же фантастика — политическая фантастика. У нас в Париже и не на такое не обижаются. Есть же все-таки и у великих чувство юмора... Спасибо за публикацию. С нетерпением буду ждать первого номера вашего «Совершенно секретно».

...Что ж, подумали мы, если в Париже не обижаются, чем Москва хуже, и решили оставить все, как есть у автора. Да и чувства юмора нам не занимать.

ожидаемые в Польше, Чехословакии и Венгрии, не прибыли к местам назначения и не пересекли границу СССР».

Президент встал с оттоманки. «Властью, данной мне французским народом, я объявляю чрезвычайное положение. Наш ядерный арсенал и обычные вооруженные силы страны должны быть немедленно приведены в боевую готовность. Господа министры, займитесь своими обязанностями в соответствии с планом X. Мсье Жиру, вас я назначаю ответственным за связь с нашими союзниками».

Министры встали.
«И еще, господа... Конфиденциальные сведения, полученные вами только что об...» Президент проглотил слюну, — исчезновении Советского Союза, прошу считать строго секретными и не разглашать вплоть до специального уведомления».

3

Массовое безумие охватило пограничные войска стран восточно-европейского блока, стоящие на границах с Советским Союзом. Взводы, роты, даже целые батальоны ударились в бессмысленное бешенство и агрессивность, увидев, что сочная трава луга или березовая роща, подползающая к границе с их стороны, резко вдруг обрывается и на советской стороне... сменяется белой субстанцией непонятного происхождения, равнодушно простирающейся в глубь советской территории, насколько может видеть глаз и цейсовские бинокли пограничников. Правительства восточно-европейских стран, шокированные происшедшим, сумели кое-как замять дело, срочно сменив войска на границе с... белой гипсовой пустыней. Тысячи деморализованных солдат были отправлены в закрытые психиатрические госпитали. Однако тот факт, что та же субстанция покрыла территорию внутри стран восточно-европейского блока, на которых до сего времени помещались казармы, службы и полигоны подразделений советских войск, оказалось куда труднее скрыть. Впрочем, сохранив секретное совещание в Праге, главы восточно-европейских государств сообща нашли выход из положения. Населению объявили, что советские войска срочно переведены на новые квартиры, и что белая субстанция — фундаменты, на которых будут построены различные сооружения, срочно необходимые для народного хозяйства стран. И что фундаменты выполнены из сверхбетона нового типа.

Между тем первые разведывательные самолеты НАТО робко углублялись в воздушное пространство над пустыней, ранее называвшейся Союз Советских Республик. Они не были обстреляны и никаких странностей с ними не произошло, если не считать странность то обстоятельство, что нигде пилоты-разведчики не увидели и островка живой земли.

Несколько дней правительства Запада и Востока скрывали супер-новость от прессы. Однако слухи ползли с Востока.

4

Энергичные, мясистые американские журналисты узнали об исчезновении СССР, разумеется, первыми. Второго октября принадлежащая Руперту Мэрдоку «Нью Йорк Пост» вышла с громадным красным заголовком «РУССКИЕ УШЛИ. ВСЕ! КУДА?».

«Русские опять обманули нас. По сведениям, полученным «Нью Йорк Пост» от ЦРУ, фотоснимки, сделанные нашими спутниками, повсюду над территорией СССР обнаруживают однообразную белую поверхность, напоминающую свежесохший гипс. (Никаких рек, озер, гор или железных дорог и полей, люди!)»

«Одновременно прекратились все радио- и кабельные коммуникации с СССР. Регулярные рейсы Эр Франс, Аль Италия и Бритиш Эр Уэйз Ройс в Москву прекращены, так как, начиная с 29 сентября вылетающие в Москву самолеты не могли обнаружить ни столицы СССР, ни ее аэродрома».

«Наши европейские партнеры по НАТО подозревают, что коммунисты выкинули хитрый трюк, природа которого еще не ясна».

«Альфред Стайн, представитель базирующейся в Вашингтоне исследовательской группы АТЛА, уже 175 лет работающей над разгадкой причин исчезновения Атлантиды, с которым «Нью Йорк Пост» связалась по телефону, сказал: «Если могла исчезнуть Атлантида, то почему не может исчезнуть Советский Союз?»

«Экс-кандидат в президенты Джесси Джэксон заявил: «Правильно сделали! Черные тоже должны уйти в знак протеста». В свою очередь, доктор Киссинджер сказал: «Хм... Я думаю, что они сделали вид, что обиделись. Это может быть паблсити-рюк. Они хотят, чтобы Соединенные Штаты попросили их вернуться. Мы должны оставаться твердыми».

Профессор Хельмут Браун из Лос-Аламоса, Нью Мехико, спрошенный о природе явления исчезновения Советского Союза, сказал: «Причиной может быть что угодно. Незвестной нам природы поля, подобные магнитным, создающие внутри себя колоссальное напряжение, способное отрывать материю и уносить ее куда угодно. И далеко в космос». О природе белой корки профессор Браун сказал: «Нам в Лос-Аламосе еще два дня назад были доставлены для анализа пробы этой «корки», как вы ее называете. Субстанция не оказалась ни металлом, ни горной породой. Чтобы определить, что это такое, нам необходимо время. На сегодня мне

кажется, что корка может быть накожным заболеванием Земли, так сказать — грибом, коростой. Корка также может быть интересным для исследователя видом гигантского инопланетного существа, которое, сожрав СССР, каковой она сейчас переваривает, начнет жрать «свободный мир».

Обычно сдержанный «Уолл-Стрит Джорнэл» появился с эмоциональным заголовком: «Сверхограбление! Сбежав, русские остались должны Западу 600 миллионов долларов!»

Третьего октября по всем телеканалам транслировали долгожданное обращение Президента Соединенных Штатов к нации. На сей раз Президент явился народу в костюме популярного героя Дракулы, тщательно загримированный. Ночь перед выступлением Президент, как обычно, провел в холодильнике. Рядом с Президентом, по правую руку от него, находился новый Государственный секретарь Соединенных Штатов певец Майкл Джексон в костюме другого популярного национального героя Мики Мауса. «Несколько дней мы выясняли подробности омерзительной провокации, не желая понапрасну волновать чувствительный американский народ». Едва сдержав намернувшиеся на глаза слезы, Президент продолжал: «Это непростительное, варварское нарушение Советским Союзом общепринятых международных норм еще раз ярко продемонстрировало свободному миру, что русские способны на все. Я объявляю их с сегодняшнего дня не принадлежащими к цивилизации...» Президент вынул из кармана алый платок и стер со щеки слезу. «Чтобы доказать нашим, сделавшимся невидимыми, врагам, что Соединенные Штаты Америки сильны, как никогда, я, Президент и Верховный главнокомандующий, отдаю приказ вооруженным силам вступить в... Мексику. Я также вношу в Сенат Соединенных Штатов предложение об увеличении военного бюджета на 1111 процентов... Если русские хотят жить с нами в мире, они появятся... Для того, чтобы вальсировать танго, необходимы двое».

Журнал «Тайм» высказал предположение, что теперь, «когда Большой Брат покинул их, коммунистические «империализм» Восточной Европы рассыплются в мгновение ока, как картонные домики». И заметил, «что неисправимая злобная природа русских сказывается и в их, может быть, последнем акте — уходя, они оставили после себя ни на что не употребляемую пустыню».

«Чаттануга Таймс» практически заметила, что американские ученые должны немедленно приступить к работе над проектами использования освобожденной советской территории, однако неуклюже выдала государственную тайну, сообщив, что еще с 31 сентября американские инженеры из ЦРУ бурят белую субстанцию на Камчатке. «Но пока ничего интересного», — лаконично отчиталась газета.

5

Во Франции первым высказался по поводу исчезновения русских, конечно же, супермен оппозиции Жак Ширак. Пятого августа в «Фигаро» появилось очередное обвинение Ширака в адрес правительства социалистов. «Социалистическое правительство, конечно же, знает, где русские. Простые французы и французские также имеют право знать, где они. Левые, ответьте французскому народу, где русские? Я лично не верю в то, что Жоржа Марше не предупредили из Кремля...»

«Либерасьон» суммировала происшедшее заголовком: «Супертрюк! Если бы Тристан Тцара, Пикабия и вся сюрреалистическая банда были живы сегодня, они бы аплодировали русским. После Революции, Ленина, Сталина, Архипелага Гулага, Ялты и Афганистана — блистательное исчезновение в духе Атлантиды. Bravo русские!»

Журнал «Актюэль» послал своего специального корреспондента в Польшу, денег не пожалел. Корреспондент, пробравшись к польско-русской границе и подкупив пограничников, сумел уговорить их разрешить ему поставить босу ступню на часть советской территории. Фотография некротической ступни, покоящейся на белой тверди, украсила собой обложку «Актюэля». Однако некий Джонсон, внезапно уволенный сотрудник «Актюэля», стал утверждать, что ступня принадлежит ему, а твердь под ногой — песчанник Нормандии.

«Харакири» поместил на обложке фотографию стада черных козлов, символизирующих собой страны Восточной Европы и третьего мира. Белые надписи по брюхам помечали козлов: Китай, Мозамбик, Польша, Вьетнам, Иран, Сирия, Ливия... «Какой из них? Свободному миру нужен новый козел отпущения. «Может быть, Албания станет главным козлом отпущения для свободного мира? Нет, слишком мала... Такого удобного козла, каким был СССР, нам больше не найти...» — грустные размышления профессора Шарона комментировали фотографию.

«Ле Нуваль Обсерватэр», верный своей репутации основательности, подошел к проблеме серьезно, посвятив исчезновению СССР пятнадцать страниц. Журнал скрупулезно выяснил мнения девяти русских диссидентов крупного калибра, проживающих на Западе, уделив каждому по странице. Идейные враги Советского государства не ударили лицом в грязь, сообщив свои, как всегда, интересные мнения. «Сеанс коммунистического гипноза», — заявил Зиновьев. «Идеологическая диверсия! Необходимо увеличить финансирование Интернационала сопротивления», — заявил Максимов. «Я им не верил и не верю. Я не знаю, в чем дело, но они вас обманут, они хитрые, вы их не знаете...» — Плющ. «Это пропаганда. Советские купили продажных западных журналистов. Я верю в религиозное возрождение России, и я туда вернусь, даже если окажусь совершенно один. Россия — это я, в любом случае», — Солженицын. Пять страниц журнал уделил произведению

Эдуард ЛИМОНОВ

(ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА)

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

под названием «Красный некролог» — творению известного военного стратега и нового философа Андрэ Глюксмана. На фотографии этот новый философ всегда стоит справа от покойного Сартра и слева от покойного Раймона Арона. (Не путать с другим) тоже новым, философом Бернаром Леви, который на фотографиях помещается слева от покойного Сартра и справа от покойного Арона.) «Из мира исчез Советских Социалистических Республик — главная лаборатория зла на земле, уступавшая только Аушвицу и Дантову аду. Будем надеяться, что действительно ушел, а не притаился за дверью, ожидая, когда наш слишком свободный мир окончательно расслабится, — чтобы напасть. И тогда мы все попадем в лагерь под красным флагом. А бородатые варвары будут пожирать наши патэ и пить наше французское вино в кафе на бульваре Сен-Жермэн и Елисейских полях... и читать нашего Пруста...»

Лидер Национального Фронта Жан-Мари Ле Пэн в интервью «Антенн-2» прореквизировал на исчезновение СССР оптимистически: «Мы не буржуа салонов. Исчезли — исчезли. Освободилась территория. Мы должны воспользоваться случаем и переселить наших арабов с асфальта французских городов на советский гипс».

«Русская мысль» — эмигрантский листок афганской ориентации, издающийся в Париже на русском языке на американские деньги, вышел с радостным заголовком: «Русских больше нет!»

И только проверив факты, тщательно взвесив все «за» и «против», получив специальное разрешение мадам Премьер-министра, 20 октября о суперисчезновении сообщила Би-Би-Си... «Новости, читаемые вам Юджином Лонгом. Вначале главные новости: «лидер свободного профсоюза «Солидарность» Лех Валенса заболел. У него насморк... Неожиданное исчезновение Советского Союза... Принц Чарлз упал с лошади...»

6

Проходили месяцы. Постепенно выяснилось, что русские, куда бы они не исчезли, в ближайшее время возвращаться не собираются. Мир начал приспосабливаться к жизни без русских. И в процессе приспособления оказалось, что русские были всем нужны.

Вдруг произошли серьезные изменения в структуре экономики мира, вызванные незапланированным упадком спроса на некоторые продукты, связанные с существованием СССР. На пропаганду и оружие.

Первые массовые увольнения начались в сфере пропаганды. 30 октября в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Мюнхене и Нью Йорке состоялась демонстрация сотрудников радиостанций «Радио Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна», «Свободная Европа» и других пропагандистских учреждений, расформированных по причине «временного исчезновения объекта пропаганды». «Верните нам Советский Союз!», «Мы были нужны, пока существовал СССР! Сейчас вы выбросили нас на улицу!» — выкрикивали демонстранты. В Мюнхене и Париже демонстранты вступили в схватки с полицией. Около пяти с половиной миллионов человек приняло участие в демонстрациях. Миллионы новых безработных серьезно ухудшили и без того тяжелую экономическую ситуацию в Западном мире.

В промышленности первыми, осторожно и небольшими порциями, стали увольнять рабочих авиационные фирмы. Враг номер один исчез, и в тучах военных самолетов не было больше необходимости. К авиационным присоединились вскоре судостроительные компании. Военная промышленность Соединенных Штатов некоторое время продолжала функционировать нормально благодаря войне с Мексикой, но когда война перешла в стадию партизанских операций, последовали неизбежные увольнения. Объединению профсоюзов, нехотя, под давлением своих членов, пришлось объявить всеобщую забастовку. 23 октября миллионы рабочих вышли на улицы американских городов под циничным лозунгом: «Воюйте хоть с Марсом, но руки прочь от нашей работы!» Президент немедленно убрал профсоюз с улиц, швырнув военной промышленности единовременную субсидию. Однако дальше так продолжаться не могло, необходимо было предпринять что-либо радикальное. Во Франции 270 тысяч человек из общего числа 300 тысяч, занятых в военной промышленности, потеряли работу.

28 октября «Нью Йорк Таймс» опубликовала неизвестными путями попавший в газету совершенно секретный документ — стенографическую запись первого заседания совместной Американо-Европейской комиссии по созданию новой специальной программы исследований в космосе под кодовым названием «Пенелопа». «Найдите нам срочно враждебную звезду или лучше Галактику — врага, дабы нам не пришлось уволить десятки миллионов рабочих во всем мире и тем создать революционную ситуацию. Или найдите нам «бледи» русских! — потребовал от ученых устроитель проекта «Пенелопа» — Президент Соединенных Штатов, одетый по этому случаю в синий с красным костюм Супермена и явившийся в сопровождении Байоник Вумэн и Спайдэрмена. («Вот она — русская месье! Вот чего они хотели добиться своим исчезновением — революционной ситуацией!» — выкрикнула с места мадам Премьер-министр.) «Или придумайте врага, — заметил доктор Киссинджер, конечно же, участвовавший в заседании. — Но правдоподобного».

29 октября «Нью Йорк Таймс» опубликовала текст секретного доклада главы дальневосточного отдела ЦРУ, зачитанного на заседании по учреждению проекта «Пенелопа», касающийся Китая. «Китайцы, увы, отказываются быть врагом Запада. Китайцы боятся», — заявил глава дальневосточ-

ного отдела. «Теперь, с исчезновением русских, вся военная гигантская мощь Запада будет направлена на них». «Объясните китайцам, что враждебность будет несерьезной, только для публики. Если они согласятся, мы дадим им секретные займы, при помощи которых они модернизируют свою экономику», — заявил доктор Киссинджер, сверкая очками. «Поздно», — с горечью комментировал глава дальневосточного отдела. — Их премьер еще неделю назад выступил с официальным заявлением, что китайский народ встретит любого врага так же, как он в свое время встретил монголов. Отдаст-ся на милость победителя и затем ассимилирует его в себе. Даже если на это понадобятся тысячи лет. «Китай уподобится кастриде, кипящей на огне», — заявил их премьер.

В рапорте из Кавендиш, штат Вермонт, журнал «Тайм» от 1 ноября коротко сообщил читателям, что американский писатель Александр Солженицын записал и прекратил работу над 145-й главой 86-го тома, 12-го узла истории Русской Революции. «Кажется, соседу придется переменить профессию», — сказал Тимоти Миллер, 78 лет. — Догадываюсь, что его бизнес в развалинах. Подобная ситуация случалась со мной после отмены сухого закона».

7

Хотя Большой Брат и оставил их, коммунистические «империи» не спешили разваливаться. Вначале, при вести об исчезновении Советского Союза, в двух из них действительно вспыхнули беспорядки. В Праге группы интеллектуалов вышли на улицы с лозунгами «Наконец, мы свободны!» и «Прощай, Большой Брат!», но их быстро убрала с улиц мордатая и ловкая чешская полиция. В Польше, в Гданьске и Вроцлаве, рабочие бросили работу и во главе с католическими священниками отправились в близлежащие церкви поблагодарить Матку Боску Ченстоховску за чудесное избавление от исторического врага. Однако польские национальные войска, на сей раз не сдерживаемые рукой Большого Брата, грубо разогнали рабочих, и когда те попытались сопротивляться, открыли по ним огонь. Сорок пять человек было убито и сотни ранено.

Прагматичный венгерский премьер в своем интервью журналу «Ньюсуик» на не очень тактичный вопрос: «Почему ни одна из коммунистических сатрапий Восточной Европы до сих пор не стала капиталистической? Ведь Большой Брат ушел...» ответил со снисходительной улыбкой: «Наши государства сложились, наши общества устоялись. Радикальная смена общественного строя нам дорого обойдется. И в смысле человеческих жизней, и в смысле конкретных, без сомнения, громадных потерь для нашей экономики, которые принесут с собой забастовки, бунты и перемещения социальных слоев».

Однако вспыхнули вдруг забытые во времена Большого Брата разногласия между странами Центральной и Восточной Европы. В середине ноября Венгрия объявила войну Румынии, а Польша напала на Чехословакию.

Стали распространяться и усиливаться слухи, что исчезновение Советского Союза — дело рук ЦРУ. Исследователи ЦРУ, десятилетиями изучавшие секретные иероглифические тексты Древнего Египта, будто бы уничтожили Советский Союз по рецептам древних египтян. Другие слухи утверждали, что панк-Президент Америки все-таки осуществил свое желание выбомбить русских с лица Земли, что Соединенные Штаты втайне от союзников забросали территорию СССР могущественными бомбами нового типа, расплавившими поверхность страны в белую сверхнатуральную корку.

8

Первая радость по поводу исчезновения русских сменилась пока не очень понятной человечеству грустью. «Кому мешали русские?» — робко спросила «Ле Монд» на своей первой странице в декабре. «Ньюсуик» опубликовал шокирующие данные, представленные ему медицинским центром Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, согласно которым средний вес американского гражданина за четыре месяца без русских увеличился на четыре фунта. «Мы жиреем без русского врага», — философски заметил обозреватель журнала.

Отсутствие русских стало давать себя знать даже в мелочах. Читатель Джон Глэм из Тулсы, штат Оклахома, в своем письме в «Тайм» пожаловался: «До сего времени я пугал трехлетнего Боба: «Если ты не будешь чистить зубы перед сном, я отошлю тебя в Советский Союз, а там тебя съедят большие красные коммунисты». Со времени исчезновения СССР Боб перестал чистить зубы». С письмом отчаявшегося отца соседствовало письмо попавшего в затруднительное положение учителя Тима Качавачидзе из Южного Бронкса, штат Нью Йорк: «Раньше, чтобы продемонстрировать моим доминиканским и пуэрториканским ученикам, что они должны быть счастливы, живя в развалинах Южного Бронкса, я рассказывал им о зловещей империи СССР. Теперь мне не с чем сравнить капиталистическое общество и факт того, что мы в Южном Бронксе наслаждаемся свободой, не так очевидно».

«Скучно в мире? Сами виноваты. Нужно было беречь русских», — лаконично подвел итог общему настроению читатель Атилла Скотт из Уоватозы, штат Висконсин.

Французская интеллигенция, и правая, и левая, лишилась мальчика для битья. Атмосфера застольных бесед в Ла Купо-

ле, Липпе и Клозери дэ Лиля заметно помрачнела. Так как предмет постоянных насмешек — неуклюжие советские государственные деятели в мешковатых костюмах — исчезли со страниц газет и с телеэкранов, французы наконец заметили склонность отечественных политических деятелей к позерству. Ввиду исчезновения «анфан террибль» мира политические споры стали неинтересны. Уровень шума в парижских кафе снизился на несколько децибел, поскольку модные словечки — «сталинизм», «Гулаг», «Сибирь», «Кремль», «КГБ», «Политбюро» — вынуждены были исчезнуть из лексикона. Как результат — не сопровождаемая беседами, как всегда, лучшая в мире, французская кухня плохо переваривалась, и среди французской интеллигенции увеличилось количество желудочно-кишечных заболеваний. И, напротив, количество диссертаций и докторатов на социально-политические темы сократилось на 90 процентов.

Журналам и газетам стало нехватать материалов. Но зато сексуальная жизнь французской интеллигенции сделалась куда более интенсивной. Франсуаза Саган в «Апострофе» объяснила этот феномен исчезновением Советского Союза. «Из политики вместе с русскими ушел азарт. Поэтому мужчины ищут компенсацию в сексе».

Профессия составителя политических докладов сделалась необыкновенно трудной. Несколько крупнейших корифеев профессии, среди них — составитель речей американского президента — скончались от разрыва сердца, пытаясь замечать «советскую угрозу» столь же весомой опасностью — аргументом. Оставшиеся в живых образовали интернациональный профсоюз, потребовавший значительного повышения заработной платы и без труда получили требуемое.

9

Между тем механизм мира барахлил все сильнее. Война в Мексике к большому неудовольствию военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов кое-как закончилась. Но в Бразилии в феврале вдруг ни с того ни с сего произошла странная революция, в результате которой образовалась... рабовладельческая (!) республика. Специалисты по пропаганде ЦРУ запустили было, как полагалось по совершенно секретной инструкции, в латиноамериканскую и мировую прессу «совершенно секретные» сведения о связях нового бразильского режима с Москвой и Кубой, но юный энтузиаст, только что начавший работать в организации, прочел подлежащие опубликованию документы и доложил начальству, что Москва уже пять месяцев не существует в природе. Заменяли настоящее время неопределенным прошедшим и запустили в прессу. 2 марта, к восторгу военной промышленности, американская морская пехота высадилась на Кубе в заливе Свиней.

6 марта Президент Соединенных Штатов, на сей раз в своем любимом костюме только что реинкарнированного Франкенштейна, произнес 2013-е обращение к нации, в котором объявил Китай не принадлежащим к числу цивилизованных стран. 7 марта пять «лимитированных» ядерных ударов были нанесены по... острову Тайвань (!) «Что вы хотите?» — зачитал Президента ведущий телевизионной станции Эн-Би-Си. — У парня пока еще мало опыта в интернациональных делах. Он спутал Китайскую Народную Республику с Демократической Китайской Тайваньской Республикой, только и всего...»

Вдохновленные примером Соединенных Штатов, страны мира стали успешно вершить правосудие своими руками. В апреле объединенные силы восьми стран Латинской Америки, предводительствуемые мстительной Аргентиной, высадили десант на побережье Великобритании. Норвегия, не объявляя войны, вторглась в Данию. В Афганистане муджахеддины, не сдерживаемые более советскими войсками, о местах стоянки которых напоминали лишь белые плато в горах, наконец перерезали всю интеллигенцию страны, и зажили, как прежде, мирно занялись контрабандой и наркотиками.

Оказалось, что русские как-то скрепляли мир. «Если русских нет, то, может быть, нужно их придумать?» — спросила «Либерасьон» в апреле. Один из социалистических министров назвал Соединенные Штаты «зловещей империей». «Хорошо бы исчезли Соединенные Штаты», — мечтала радикальная молодежь в Европе. В Брюсселе, Вене и Дюссельдорфе открылись Общества защиты оставшихся русских. Среди населения распространились не подтвержденные печатью слухи, что «определенные круги» собираются начать колонизацию территории СССР и специальные вербовщики уже ищут по всем странам мира биологически «чистых» русских эмигрантов для вербовки их на трудные роли предполагающихся родоначальников возрожденной русской нации. Бывшим членам Коммунистической партии СССР будто бы отдается предпочтение, но русских еврейского происхождения просят не беспокоиться.

Рассуждения по поводу того, куда и почему ушли русские, продолжают волновать мировую печать, но мнения по-прежнему склоняются к объяснению трагедии катаклизмом или происками ЦРУ. Единственное оригинальное мнение, появившееся за последнее время, было высказано неким Пьер-Франсуа Дюпоном в «Акт Гратю» — рекламном журнальчике, бесплатно распространяющемся в парижских салонах красоты и парикмахерских. Автор его грустно предположил: «А, может быть, мы им смертельно надоели? Своей навязчивой придирчивостью, разглядыванием их нижнего белья под микроскопом, хвастливым рекламированием своего «свободного мира». Может быть, мы надоели им своими нотациями, как зазнавшийся брюзгливый старый учитель, погрязший в пороках, надоедает живым и неглупым детям. И вот, не желая совершать «правильных» поступков, они сбегали из душной классной комнаты?»

ВАРВАРОВ

«Посланные люди прибыли с границ.
И они сказали, что там нет никаких варваров.
И сейчас что станется с нами вообще без варваров?
Эти люди были своего рода спасением.»

Кавафи. «Ожидая варваров».

КЛУБ РЕПОРТЕРА

Работа репортера зачастую сопряжена с экстремальными ситуациями, сенсационными событиями, с расследованиями преступлений. В «Клубе репортера» планируется рассказывать о наиболее драматических, спорных ситуациях, в эпицентре которых оказались журналисты, репортеры, литераторы. Я не претендую на роль третьей стороны: свои оценки вправе давать сами авторы публикаций. Я буду комментировать лишь те материалы, которые, — перед тем как попасть в «КР», — не «прошли» в других изданиях.

Хочется, чтобы публикации «КР» стали своеобразной моральной поддержкой и для самих репортеров (подчас еще и сегодня совершенно бесправных рабов «телефонного права»), и для тех, кто стал жертвой журналистской недобросовестности.

В первом выпуске речь пойдет о деле Константина Кинчева — популярного и талантливого рок-певца и поэта, обвиненного недавно прессой ни больше, ни меньше как в «фашистской акции».

Надеюсь, что эти заметки будут интересны и тем, кто слышал об этой запутанной истории, и тем, кому имя Кинчева не знакомо.

Ведущий «КР»

странение слухов» об этом вельможном дебоше. Так что у артиста, известного своими радикальными выступлениями против ждановско-романовского режима, были, думаю, основания беспокоиться. Тем более, повторяю, что к марту прошлого года Кинчев уже приобрел весьма безрадостный опыт общения с местными стражами порядка.

Цитирую письмо примера «Алисы» Ады Булгаковой прокурору Петроградского района:

«17 ноября 1987 года в 19.30 я встретилась со своей подругой Аней Голубевой у служебного входа в спортивно-концертный зал «Юбилейный» для того, чтобы вместе с ней пойти на концерт группы «Алиса», солист которой Кинчев — муж Голубевой. Работники милиции, стоявшие у входа, на просьбу пропустить нас по служебному списку приглашенных и участников концерта, ответили отказом. Старший лейтенант сказал, что никаких списков нет. Стоявший рядом милиционер резко отпихнул меня. Народу было много. Обстановка сложилась очень напряженная, началась толкотня... Я увидела, как беременную на седьмом месяце Го-

ских» звуков рока, и озабоченные причитания по поводу преступной безнравственности распоясавшихся музыкантов. Газета объявила Кинчева ни много, ни мало «фашистом». Автор репортажа знакомит читателя со сценами, которые соотносятся с истиной как диснеевский мультфильм с документальной хроникой. Здесь и бдительный «молодой рабочий Иванов», предпочитающий року классику, и обеспокоенная будущим детей учительница («они же — губка»), и инженер, который «не первый год в ОКОДЕ» (комсомольской дружине — Е.Д.), заявивший корреспонденту, что Кинчев кричал «Хайль Гитлер!», и остервенелая фанатичка, чуть не изувечившая в рок-эстазе простодушного милиционера, и вежливые оперотрядовцы, деликатничающие с грубияном: «Вы не правы...» И, естественно, «оргвывод»: «Группа «Алиса» — антисоветская, и ей не место на советской сцене». Короче, такой знакомый по прошлым годам донос на газетной полосе.

Готовя публикацию о популярном артисте, газетчик даже не затруднил себя беседой с ним. Да и зачем? Куда как проще, ничтоже сумняшеся, в первом же абзаце обвинить артиста в том,

чему это привело? «В этом мире того, что хотелось бы нам, нет!»

Как бы то ни было, в октябре прошлого года состоялось последнее судебное разбирательство по делу: «Алиса» против «Смены». Газета была признана неправой. Она опубликовала официальное извинение перед оклеветанными музыкантами.

Однако до этого потаскали-таки Кинчева по другим судам!

...Рано утром 7 марта 1988 года домой к директору группы А. Тимошенко приехали, якобы по вызову соседей, работники милиции, связали находившегося там Кинчева (в конце апреля, когда певец рассказывал мне об этом, на его запястьях все еще явственно были видны сиреневые полосы), доставили в 41-е отделение милиции. На следующий день отпустили. На прощанье он обещал написать в прокуратуру. Зря! Утром 10 марта он ушел из дома. И не вернулся. Его ждали в подезде. Отвезли в суд. Судья Т. Яковлева, прочитав рапорт, заявила: «Это сутки» (то есть шанс получить сакраментальные «15 суток»). Кинчев протестует. Узнав, что соседи утверждают: в ночь с 6 на 7 марта в квартире Тимошенко «дебош не наблюдался», судья соглашается отложить судебное разбирательство на 23 марта (не путать с делом «Алиса» — «Смена» в Петроградском райсуде). Вечером следующего дня «Алиса» уехала на гастроли в Псков...

Тем, что случилось с Костей по дороге с Варшавского вокзала домой, я начал этот рассказ. Его привезли во

НЕМУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

«АЛИСЫ»

Евгений ДОДОЛЕВ

Прошлогодний март случился в Ленинграде по-девичьи капризным. В тот день дорога была предательски влажна. Поэтому старенький «жигуленок» пробирался по питерским проспектам и улочкам словно на ощупь, послушно тормозя перед каждым светофором. У одного из этих трехглазых повелителей уличного движения «Жигули» прижала к бордюру тротуара милицейская машина. Грузный оперативник в распахнутой «алюске» рухнул на ветровое стекло «Жигулей», другой резко распахнул дверцу: «Без глупостей!»

Демонически красивого брюнета с посеребренными висками пересадили в милицейский автомобиль. У него был паспорт на имя Константина Панфилова, известного под псевдонимом — Костя Кинчев. Именно так лидера ленинградской рок-группы «Алиса» представляют на обложках пластинок и в титрах кинолент. В тот не повеселенному хмурый день он заполнял протокол: «Панфилов Константин Евгеньевич, 1958 г. р., уроженец г. Москвы»...

Я знаю, что Костю не так просто напугать: очень уж лихо складывалась судьба будущей рок-звезды, всякое бывало. Но в тот день, уверен, ему стало не по себе, особенно после вопроса:

— Кто в Пскове милиционера убил, не ты ли?

С ленинградской милицией у «Алисы» вообще отношения, мягко говоря, не сложились. Кинчев знал пороки правоохранительной системы города, сложившиеся еще во времена ждановского правления и приобретшие новые «оттенки» при Романове (бывшем первом секретаре обкома), которому позволялось бить бесценную музейную посуду на спецсвадьбе своей дочери, в то время как других легко могли упечь в закрытую психбольницу за «распро-

дубеву грубо оттолкнули. Я сказала милиционеру, что она «в положении», на что тот ответил: «У нее на лбу это не написано». (Как будто это «не написано» на животике...) После этого я увидела Кинчева, который вышел нас встретить. Втроем мы вновь подошли к служебному входу. И нас не пропустили! Мы пытались объяснить, что Костя — солист группы, без него концерт никак не состоится! В Ленинграде ноябрь — время холодное, а Кинчев был в безрукавке, одетой на голое тело: переоделись для выхода на сцену и был в полугиме. Короче, мы решили уехать. Нас дознал директор программы. Просил вернуться. Однако, когда мы шли обратно по аллее, сотрудники милиции и люди в штатском с повязками на руках преградили нам путь. Сзади поперек дороги стояла милицейская машина. Организаторы концерта попытались объяснить оперативникам, что нас необходимо пропустить, но их не слушая, равнодушно-механически отталкивали... Вдруг я услышала испуганный крик Голубевой и увидела, как Кинчев падает на землю (его повалил сотрудник милиции, перехватив сзади рукой за горло). Я взяла Аню за руку и не отпустила от себя. Ее трясло, как в ознобе... Стоявшая сзади толпа, которую сдерживала цепь милиционеров, стала возмущаться. Я услышала, как какой-то мужчина крикнул: «Костю бьют». После этого нас совершенно неожиданно пропустили в зал».

Это письмо было написано вскоре после того, как инцидент у служебного входа, вернее, последовавший за ним концерт группы, получил своеобразную трактовку на страницах местной молодежной газеты «Смена». В репортаже «Алиса с косой челкой» нашлось место всему. Всему, кроме правды. Все есть в этой публикации двадцатичетырехлетнего журналиста Виктора Кокосова: и комсомольский задор, и яростная непримиримость, и горестные сегоования полковника милиции, ратующего «за порядок», и риторичный укор молодым соотечественникам, потерявшим рассудок от «сатанин-

что он выкрикивал со сцены: «Хайль Гитлер!».

Многие молодежные газеты перепечатали репортаж Кокосова с ядовитыми «отсебашками» типа: вы, мол, всё просите «Алису», а вот вам, так сказать, политический портрет ваших любимцев.

Почему же корреспондент комсомольской газеты услышал то, что не произошло? Почему находившихся среди публики наркоманов репортер поместил в одну компанию с музыкантами? Все эти вопросы я хотела выяснить артисты, подавая в суд на газету за клевету.

В начале 1988 года в зале Куйбышевского районсуда музыканты в качестве истцов должны были встретиться с представителями «Смены», дабы уладить конфликт мирным путем. Сторона-ответчик встреч проигнорировала. Но зато к этой встрече проявили интерес другие. В зале я обратил внимание на мрачного бородача. Позже узнал, что сей немногословный субъект — функционер неизвестного общества «Память». Организация, предлагающая вести непримиримую борьбу с молодежной музыкой, воспользовавшись обстановкой, «вышла» на одного из бесспорных вожakov рок-движения Кинчева с недвусмысленным предложением: «Народ ты можешь вести, а мы подскажем — куда». Каково?!

Итак, «Память» тут как тут. А где же те, кто должен работать с молодежью?

Во время моей первой встречи с Кокосовым он всячески торопился сплавить меня в редакторский кабинет, а там, в кабинете, редактор говорил мне, что вскидываемые на рок-концертах руки очень смахивают на «сам понимаешь, какой жест» (ох, как хочется обнаружить молодежный нацистский заговор на невских берегах!). Все это для меня — знак, симптом застарелого недуга. Угодливые «репортеры» и раньше живо ловили на лету желания величественных редакторов, согласованные с вельможным «мнением». К

Фрунзенское РУВД. Про «убитого в Пскове милиционера» никто не вспоминал.

— Ну что, Кинчев, когда у тебя суд с Кокосовым?

— Восемнадцатого.
— Грехов за тобой много...
— Перед богом есть. Перед вами — нет.

— Ох, не буди лихо, пока тихо...

Потом доставили артиста в зал суда (для того, полагаю, чтобы не состоялся, теперь уже «по вине истца», другой суд — над «Сменой»). Судья-инкогнито на вопрос задержанного: «Как вас зовут?», ответил лаконичным приговором: «Семь суток». Сфотографировали: фас, профиль. Сняли отпечатки пальцев. Все по правилам. Но стричь не стригли. В порядке исключения. И я знаю, почему. Подстригли бы Кинчева наголо — на сцену весь состав «Алисы» вышел бы «под ноль». А к следующему концерту и весь зал «облысел» бы...

Наша история свидетельствует — газетная публикация может убить человека, искоренить его жизнь. Но это происходит и в наше время. Репортеры и редакторы, будьте бдительны!

Костя избрал себе сценическим псевдонимом фамилию болгарского коммуниста Кинчева, своего деда, умершего 25 декабря (это, кстати, по капризу судьбы, день рождения Кости) 1937 года на руднике «Ударник» в Ногайской бухте. Он стал бескомпромиссным «Доктором Кинчевым», сражающимся словом и звуком с «лесными разоренного леса». «Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души».

Кинчев подчеркивает, что, не взирая на угрозы в свой адрес, он считал необходимым довести дело со «Сменой» до конца.

Пусть «сутки». Пусть продолжающийся бойкот «инстанций», запрещающих концерты. Пусть недобрые слухи. Пусть Дамоклав меч расправы. Пусть. Главное в том, что Кинчев и его «Алиса» одержали моральную победу.

ДУЭЛЬ

Алексей ТОЛСТОЙ

...Они шли мимо меня, все в белом, с покрытыми головами. Они медленно двигались по лазоревому полю. Я глядел на них — мне было спокойно, я думал «Так вот она, смерть». Потом я стал думать «А может быть, это лишь последняя секунда моей жизни? Белые пройдут, лазоревое поле померкнет»... Я стал ждать этого угасания, но оно не наступало. — белые все также плыли мимо глаз. Мне стало тревожно. Я сделал усилие, чтобы пошевелиться, и услышал стон. Белые поднимались и плыли теперь слишком высоко. Я начал понимать, что лежу навзничь и гляжу на облака. Сознание медленно возвращалось ко мне, была слабость и тошнота. С трудом наконец я приподнялся и оглянулся. Я увидел, что сижу в траве на вершине крепостного рва в Булонском лесу. Рядом валялся воротник и галстук. Все вокруг — деревья, мансардные крыши, асфальтовые дороги, небо, облака — казались мне жесткими, пыльными, тошнотворными. Опираясь на землю, чтобы подняться совсем, я ощущал маленький, с широким горлышком пузырек, — он был раскрыт и пуст. В нем, вот уже год, я носил большой кусок цианистого калия, величиной с половину сахарного куска. Я начал вспоминать, как пришел сюда, как снял воротник и высыпал из пузырька на ладонь яд. Я знал, что, как только брошу его с ладони в рот, — мгновенно настанет неизвестное. Я бросил его в рот и прижал ладонь изо всей силы ко рту. Я помню шершавый вкус яда.

Вы спрашиваете — зачем я хотел умереть? Я жил один, в гостинице — привязалась мысль о смерти. Страх смерти мне был неприятен... Кроме того, здесь была одна девушка...

Мы сидели за столиком кафе, под каштанами, летом 908 года. Гумилев рассказывал мне эту историю глуховатым, медлительным голосом. Он, как всегда, сидел прямо — длинный, деревянный, с большим носом, с надвинутым на глаза котелком. Длинные пальцы его рук лежали на набалдашнике трости. В нем было что-то павлинье: напыщенность, важность, неповоротливость. Только рот у него был совсем мальчишеский, с нежной и ласковой улыбкой.

В этом кафе под каштанами мы познакомились и часто сходились и разговаривали — о стихах, о будущей нашей славе, о путешествиях в тропические страны... об обезьянах, о розыске остатков Атлантиды на островах близ южного полюса, о том, как было бы хорошо достать парусный корабль и плавать на нем под черным флагом...

Обо всех этих заманчивых вещах рассказывал мне Гумилев глуховатым голосом, сидя прямо, опираясь на трость. Лето было прелестьное в Париже. Часто проходили дожди, и в лужах на асфальтовой площадке отражались мансарды, деревья, прохожие и облака, — точно паруса кораблей, о которых мне рассказывал Гумилев.

Так я никогда и не узнал, из-за чего он тогда хотел умереть. Теперь окидываю взором его жизнь. Смерть всегда была вблизи него, думаю, что его возбуждала эта близость. Он был мужествен и упрям. В нем был постоянный налет печали и важности. Он был мечтателем и отважен — капитан призрачного корабля с облачными парусами. В нем соединялись мальчишество и воспитанность молодого человека, кончившего с медалью царское училище гимназию, и бродячий дух, и непреклонный фанатизм будущего создателя Цеха поэтов. В следующем году мы снова встретились с Гумилевым в Петербурге и задумали издавать стихотворный журнал. Разумеется, он был назван «Остров». Один инженер, любитель стихов, дал нам 200 рублей на издание. Бакст нарисовал обложку. Первый номер разошелся в количестве тринадцати экземпляров. Второй — не хватило денег выкупить из типографии. Гумилев держался мужественно. Какими-то, до сих пор непостижимыми для меня путями он уговорил директора Малого театра Глаголина отдать ему редакторство театральной афиши. Немедленно афиша была превращена в еженедельный стихотворный журнал. После выхода третьего номера Глаголина намылили голову. Гумилев получил отказ, но на этот раз не упал духом. Он все так же — в узкой шубе со скунсовым воротником, в надвинутом на брови цилиндре — появлялся у меня на квартирке и мы обсуждали дальнейшие планы завоевания русской литературы.

Часто в эту весну и я бывал у него в Царском, в его радушной, устоявшейся, хорошей чиновничьей семье. В то время в Гумилева по-настоящему верил только его младший брат-гимназист пятого класса, да, может быть, говорящий попугай в большой клетке в столовой. К тому же времени относится и ручная белая мышь, которую Гумилев носил в кармане или в рукаве.

Летом этого года Гумилев приехал на взморье, близ Феодосии, в Коктебель. Мне кажется, что его влекла туда встреча с Д., молодой девушкой, судьба которой впоследствии была так необычайна. С первых

Предлагаем вниманию читателей не публиковавшийся ранее в СССР очерк Алексея Толстого «Н. Гумилев». В нем рассказывается о попытке самоубийства поэта, описывается его дуэль с Максимилианом Волошиным.

же дней Гумилев понял, что приехал напрасно: у Д. началась как раз в это время ее удивительная и короткая полоса жизни, сделавшая из нее одну из самых фантастических и печальных фигур в русской литературе.

Помню, — в теплую, звездную ночь я вышел на открытую веранду волошинского дома, у самого берега моря. В темноте, на полу, на ковре лежала Д. и в полголоса читала стихотворение. Мне запомнилась одна строчка, которую через два месяца я услышал совсем в иной оправе стихов, окруженных фантастикой и тайной.

Гумилев с иронией встретил любовную неудачу: в продолжение недели он занимался ловлей тарантулов. Его карманы были набиты пауками, посаженными в спичечные коробки. Он устраивал бои тарантулов. К нему было страшно подойти. Затем он заперся у себя в чердачной комнате дачи и написал замечательную, столь прославленную впоследствии поэму «Капитаны». После этого он выпустил пауков и уехал.

Литературная осень 909 года началась шумно и занимательно. Открылся «Аполлон» с выставками и вечерами поэзии. Замкнутые чтения о стихосложении, начатые весной на «башне» у В. Иванова, были перенесены в «Аполлон» и превращены в Академию Стиха. Появился Иннокентий Анненский, высокий, в красном жилете, прямой старик с головой Дон Кихота, с трудными и необыкновенными стихами и всевозможными чудачествами. Играл Скрябин. Из Москвы приезжал Белый с теорией поэтики в тысячу страниц. В прайной, изысканной и приподнятой атмосфере «Аполлона» возникла поэтесса Черубина де Габриак. Ее никто не видел, лишь знали ее нежный и певучий голос по телефону. Ей посылали корректуры с золотым обрезом и корзины роз. Ее превосходные и волнующие стихи были смесью лжи, печали и чувственности. Я уже говорил, как случайно, по одной строчке, проник в эту тайну, и я утверждаю, что Черубина де Габриак действительно существовала, — ее земному бытию было три месяца. Те, — мужчина и женщина, между которыми она возникла, не сочиняли сами стихов, но записывали их под ее диктовку; постепенно начались признаки ее реального присутствия, наконец они увидели ее однажды. Думаю, что это могло кончиться сумасшествием, если бы не неожиданно повернувшиеся события.

Мистификация, начатая с шутки, зашла слишком далеко, — пришлось раскрыть. В редакции «Аполлона» настроение было, как перед грозой. И неожиданно для всех гроза разразилась над головой Гумилева. Здесь, конечно, не место рассказывать о том, чего сам Гумилев никогда не желал делать достоянием общества. Но я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, — в произнесении им некоторых неосторожных слов — было ложью: слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения молчал, не отрицая обвинения, когда же ему была устроена очная ставка и он услышал на очной ставке ложь, то он из гордости и презрения подтвердил эту ложь. В Мариинском театре, наверху, в огромной, как площадь, мастерской Головина, в половине одиннадцатого, когда под колосниками, в черной пропасти сцены, раздавались звуки «Орфея», произошла тяжелая сцена в двух шагах от меня: поэт В., бросившись к Гумилеву, оскорбил его. К ним подбежали Анненский, Головин, В. Иванов. Но Гумилев прямой, весь напряженный, заложив руки за спину и стиснув их, уже овладел собой. Здесь же он вызвал В. на дуэль.

Весь следующий день между секундантами шли отчаянные переговоры. Гумилев предъявлял требование стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников. Он не шутил. Для него, конечно, из всей этой путаницы, мистификации и лжи не было иного выхода, кроме смерти.

С большим трудом, под утро, секундантам В., — кн.

Шервашидзе и мне удалось уговорить секундантов Гумилева — Зноско-Боровского и М. Кузмина — стреляться на пятнадцати шагах. Но надо было уломать Гумилева. На это был потрачен еще день. Наконец, на рассвете третьего дня, наш автомобиль выехал за город по направлению к Новой Деревне. Дул мокрый морской ветер, и вдоль дороги свистели и мотались голубые вербы. За городом мы нагнали автомобиль противников, застрявших в снегу. Мы позвали дворников с лопатами и все, общими усилиями, выставили машину из сугроба. Гумилев, спокойный и серьезный, заложив руки в карманы, следил за нашей работой, стоя в стороне.

Выехав за город, мы оставили на дороге автомобиль и пошли на голое поле, где были свалки, занесенные снегом. Противники стояли поодаль, мы совещались, меня выбрали распорядителем дуэли. Когда я стал отсчитывать шаги, Гумилев, внимательно следивший за мной, просил мне передать, что я шагаю слишком широко. Я снова отмерил пятнадцать шагов, просил противников встать на места и начал заряжать пистолеты. Пыжей не оказалось, я разорвал платок и забил его вместо пыжей, Гумилеву я понес пистолет первому. Он стоял на кошке, длинным, черным силуэтом разлитым в мгле рассвета. На нем был цилиндр и сюртук, шубу он сбросил на снег. Подбегая к нему, я провалился по пояс в яму с талой водой. Он спокойно выжидал, когда я выберусь, — взял пистолет, и тогда только я заметил, что он, не отрываясь, с ледяной ненавистью глядит на В., стоявшего, расставив ноги, без шапки.

Передав второй пистолет В., я по правилам и в последний раз предложил мириться. Но Гумилев перебил меня, сказав глухо и недовольно: «Я приехал драться, а не мириться». Тогда я просил приготовиться и начал громко считать: раз, два... (Кузмин не в силах стоять, сел в снег и заслонился цинковым хирургическим ящиком, чтобы не видеть ужасов)... три! — крикнул я! У Гумилева блеснул красноватый свет и раздался выстрел. Прошло несколько секунд. Второго выстрела не последовало. Тогда Гумилев крикнул с бешеным: «Я требую, чтобы этот господин стрелял». В. проговорил в волнении: «У меня была осечка». — «Пускай он стреляет во второй раз, — крикнул опять Гумилев, — я требую этого...» В. поднял пистолет, и я услышал, как шелкнул курок, но выстрела не было. Я подбежал к нему, выдернул у него из дрожащей руки пистолет и, целя в снег, выстрелил. Гашеткой мне ободрало палец. Гумилев продолжал неподвижно стоять: «Я требую третьего выстрела», — упрямо проговорил он. Мы начали совещаться и отказали. Гумилев поднял шубу, перекинул ее через руку и пошел к автомобилю.

С тех пор я мало встречал Гумилева. Он женился и уехал в Абиссинию. Сбылась его мечта о тропических лесах, о пирогах, скользящих по голубым озерам, о стадах обезьян, о том задумчивом жирафе, который, поджидая его, много лет бродил одиноко по берегу озера Чад. Гумилев привез из Африки желтую лихорадку, прекрасные стихи, чучело убитого им черного ягуара и негрское оружие. В эту зиму он поднял знамя восстания против Академии Стиха, В. Иванова и символистов. Зимой 1910—11 года им был основан первый Цех Поэтов. Он много писал и переводил. Его жизнь была размеренна и спокойна. Казалось, что путешествием в Африку он надолго утолил в себе жажду приключений. Он был строг и неумолим к молодым поэтам, он первый объявил стихосложение наукой и ремеслом, которому нужно так же учиться, как учатся музыке и живописи. Талант, чистое вдохновение должно было, по его пониманию, обладать совершенным аппаратом стихосложения, и он упорно и сурово учил молодых поэтов ремеслу. Результаты превосходили все ожидания. Через какие-нибудь пять лет в России повсюду в больших городах возникли, по примеру петербургского, цехи поэтов: отныне нельзя было уже более писать плохих стихов, уровень мастерства необычайно повысился, и те, у кого был талант, могли проявлять его в совершенной форме.

Когда началась мировая война, Гумилев записался добровольцем в кавалерию и ушел на фронт. О его приключениях ходили легенды. Он получил три Георгия, был тяжело ранен и привезен в Петербург. Здесь во время выздоровления он вторично собрал Цех. В шестнадцатом году он был послан в Париж, и вернулся в Россию во время революции. В восемнадцатом году он в третий раз собрал Цех, работа которого продолжается и поныне. Я не знаю подробностей его убийства, но зная Гумилева, — знаю, что стоя у стены, он не подарил палачам даже взгляда смятения и страха. Мечтатель, романтик, патриот, суровый учитель, поэт... Хмурая тень его, негодная, отлетела от обезображенной, окровавленной, страстно любимой им Родины...

Свет твоей душе. Слава — твоему имени...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

То, что неблагодарность есть зло, — аксиома. То, что беспамятность чревата непоправимыми бедами, — общеизвестно.

Именно поэтому мы и ставим перед Вами вопрос о восстановлении справедливости по отношению к двум ветеранам Великой Отечественной войны — Шандору Радо («Дора») и Леопольду Трепперу («Большой шеф»).

Эти два человека были руководителями военной советской разведки в Западной Европе, создателями «Красной капеллы», которая передавала в Москву бесценные данные о том, как Гитлер готовил нападение на нашу Родину (данные эти Сталин игнорировал, как «провокационные»), о передвижениях войск и планировавшихся нацистами широкомасштабных наступлений, в том числе и на Сталинград.

Радо и Треппера во всем мире называют героями антинацистской борьбы народов.

Так их называли и в то время, когда они, осужденные без суда и следствия сталинским

«особым совещанием», находились в тюрьмах и «шарашиках», оставаясь и там коммунистами и интернационалистами.

По отношению к Рихарду Зорге справедливость была волею случая восстановлена: герой стал Героем Советского Союза.

Мы в неоплатном долгу перед памятью Ш. Радо и Л. Треппера, родившихся в Венгрии и Польше, но, как и немец Рихард Зорге, отдавших себя делу Революции и антинацистской борьбы.

Все попытки «восстановить справедливость», предпринимавшиеся некоторыми из нас в семидесятых и начале восьмидесятых, результатов не дали: более того, это обернулось против Леопольда Треппера, который был вынужден эмигрировать из нашей страны.

Мы убеждены, что именно сейчас пришло время назвать этих героев Героями Советского Союза.

Коллектив Бюллетеня «Совершенно секретно».

Леопольд Треппер
(«Большой шеф»)

Шандор Радо
(«Дора»)

В очередных номерах «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА»
и «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

романы

Станислав Лем «СЛЕДСТВИЕ»

Хорхе Семпрун

«ВТОРАЯ СМЕРТЬ РАМОНА МЕРКАДЕРА»

фрагменты воспоминаний

Муза Канивез «МОЯ ЖИЗНЬ С РАСКОЛЬНИКОВЫМ»

Борис Савинков «ПОБЕГ»

интеллектуальный детектив

Георгий Гачев «АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ МИРА
ИЛИ АМЕРИКА ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ЕЕ НЕ ВИДЕЛ»

неизвестное эссе

Николай Лесков «ЕВРЕИ В РОССИИ»

очерк

Раиса Орлова и Лев Копелев об Андрее Сахарове

Главный редактор
ЮЛИАН СЕМЕНОВ
Первый заместитель главного редактора
АЛЕКСАНДР ПЛЕШКОВ
Редакционный совет:
МАЙК АНДЕРЛЕ,
писатель (Австрия)
АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ,
писатель (Москва, СССР)
КАРЛ АРНЕ БЛОМ,
писатель (Швеция)
АЛОИЗ БРЕНЧ,
режиссер (Рига, СССР)
АРКАДИЙ ВАЙНЕР,
писатель (Москва, СССР)
НИКОЛАЙ ВИНГРАНОВСКИЙ,
кинорежиссер (Киев, СССР)
ГЕОРГИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ,
адвокат (Москва, СССР)
ДАНА ГЕНРИ,
судья (США)
ТАТЬЯНА КОРЯГИНА,
доктор экономических наук
(Москва, СССР)
АТАНАС МАНТАДЖИЕВ,
писатель (Болгария)
АЛЕКСАНДР МЕНЬ,
протоиерей (Загорск, СССР)
ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН,
начальник Уголовного розыска
(Москва, СССР)
ВАЛЕРИЙ САВИЦКИЙ,
доктор юридических наук
(Москва, СССР)
ЕВГЕНИЯ СТОЯНОВСКАЯ,
публицист (Москва, СССР)
ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ,
писатель, депутат Верховного
Совета СССР (Алма-Ата, СССР)
ВАЛЕНТИН ТАТАРЧУК,
народный депутат СССР,
директор целлюлозно-бумажного
комбината
(Соликамск, СССР)
РАФАЭЛЬ Р. ЭРРЕДИА
писатель (Мексика)

Коллегия:
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
заместитель главного редактора
ТРИСТАН ДЕЛ,
собственный корреспондент
(США)
ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ,
обозреватель
ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ,
обозреватель
ИШТВАН НЕМЕТ,
собственный корреспондент
(Венгрия)
ВАЛЕРИЙ ТУРСУНОВ,
собственный корреспондент
(Москва, СССР)
МИЛАН ЧОЛИЧ,
собственный корреспондент
(Югославия)
МИХАИЛ ШЕСТОПАЛ,
главный художник

Оформление номера
ВЛАДИМИРА ПОМОЧИЛИНА
и МИХАИЛА ШЕСТОПАЛА
Технический редактор
ТАТЬЯНА КОЙРАНСКАЯ

© Московская штаб-квартира
Международной Ассоциации
детективного и политического романа.
Адрес: 119021, Москва, Зубовский
бульвар, 4. АПН
Московская штаб-квартира МАДПР,
Бюллетень «Совершенно секретно».

тел. 201-44-16; 201-73-41

Телекс 411323

Факс: 2302170

Подписано к печати 25 V. 89 г. А 11009

Отпечатана типографией
«Восточно-Сибирская правда».
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10